

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки  
Музей антропологии и этнографии имени Петра Великого (Кунсткамера)  
Российской академии наук

*На правах рукописи*

ДАНИЛОВА ЕЛЕНА НИКОЛАЕВНА

**ЭТНОЛОГИЧЕСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА В ТЕОРИИ И ПРАКТИКЕ  
СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ НАУКИ**

Специальность 5.6.4 — Этнология, антропология и этнография

Диссертация на соискание ученой степени  
кандидата исторических наук

Научный руководитель:  
член-корреспондент Российской академии наук  
доктор исторических наук, профессор  
Головнёв Андрей Владимирович

Санкт-Петербург  
2022

## СОДЕРЖАНИЕ

|  |     |
|--|-----|
| Введение.....  | 3   |
| ГЛАВА 1. ИСТОРИЯ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИХ ЭКСПЕРТИЗ .....   | 34  |
| 1.1 Предыстория .....  | 34  |
| 1.2 Докладные записки: советская версия этноэкспертизы .....   | 37  |
| 1.3 Современные концепции и подходы .....  | 52  |
| 1.4 Проблема законодательного закрепления этноэкспертизы .....   | 67  |
| 1.4.1 Ход процесса .....   | 67  |
| 1.4.2 Опыт Якутии .....  | 78  |
| 1.5 Social Impact Assessment: международный экспертный опыт .....  | 83  |
| 1.5.1 Краткая историческая справка .....   | 85  |
| 1.5.2 SIA как методология.....   | 89  |
| 1.5.3 Проблемы SIA .....   | 96  |
| ГЛАВА 2. СЦЕНАРИИ ПРОВЕДЕНИЯ ЭКСПЕРТИЗ .....   | 105 |
| 2.1 Действующие лица и заинтересованные стороны .....  | 108 |
| 2.2 Источники и методы .....   | 119 |
| 2.3 Диагностика и рекомендации.....  | 131 |
| 2.4 Навигационная схема этноэкспертизы.....  | 144 |
| ГЛАВА 3. ЭТНОКУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ И МИССИЯ ЭКСПЕРТА.....  | 148 |
| 3.1 Этнокультурное наследие как фундаментальная ценность этноэкспертизы .....                            | 149 |
| 3.2 Модели взаимодействия локальных групп коренного населения с добывающими компаниями (опыт Югры) ..... | 157 |
| 3.2.1 Яун-Ики .....  | 158 |
| 3.2.2 Ауэн-Ими .....   | 184 |
| 3.2.3 Поселение ‘Живых прудов’ .....   | 190 |
| 3.3 Эксперт и экспертность: профессиональные компетенции и этические ориентиры .....                     | 194 |
| 3.3.1 Профессиональные компетенции.....  | 196 |
| 3.3.2 Этические ориентиры.....   | 200 |
| Заключение .....   | 206 |
| Список сокращений .....  | 211 |
| Список источников и литературы .....   | 213 |
| Список иллюстраций .....   | 225 |

## **ВВЕДЕНИЕ**

Этнологическая экспертиза является одной из наиболее важных сфер практического применения этнологических знаний. Как и любая другая экспертиза, она предполагает рассмотрение «какого-нибудь вопроса экспертами для вынесения заключения»<sup>1</sup> и может сопровождать любые социально значимые проекты в самом широком спектре направлений.

### **Актуальность темы**

Исследование прикладных проектов, направленных на решение актуальных вопросов, — одна из задач современной этнологии как практической гуманитарной дисциплины. Большое значение имеет изучение практики применения уже известных методов и механизмов принятия управленческих решений, которые предлагает этнологическая экспертиза.

Актуальность исследования видна в характере политических и государственно-правовых процессов, происходящих в настоящее время в Российской Федерации, а именно в активном движении по законодательному оформлению этнологической экспертизы. С конца 2018 г. она официально признана одним из инструментов реализации государственной национальной политики (Указ Президента РФ от 06.12.2018 № 703). В этой связи исследование этнологических экспертиз, как эффективного инструмента регулирования, имеет практическую направленность и актуально в связи с необходимостью поиска продуктивных форм взаимодействия местных сообществ и администрации; определения действенных стратегий сохранения этнокультурного наследия; разрешения конфликтных ситуаций, возникающих между коренными народами и промышленными компаниями; решения миграционных вопросов и др.

Диссертационное исследование ориентировано на осмысление социальной роли науки и на осознание того, что представители научного сообщества несут

---

<sup>1</sup> Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка: 72 500 слов и 7 500 фразеол. выражений. М., 1992. С. 941.

ответственность за управленческие решения, принятые властными структурами на основании сделанных ими научных экспертиз. Аналитика проведенных экспертных исследований, включающая изучение накопленного опыта, научных основ и методологических подходов, является необходимым условием дальнейшего успешного развития процедуры этнологической экспертизы. В этом же контексте важно представление аналогичной зарубежной практики оценки социального воздействия (Social Impact Assessment, SIA).

Изучение опыта проведения этнологических экспертных исследований на территории Российского Севера и Сибири с целью последующей трансляции в более широких географических и тематических рамках важно для развития современных методов этнографии и инструментария этнолога-эксперта. Высокая степень практической востребованности результатов, которые могут служить матрицей для поиска решений в ситуациях индустриального освоения регионов, а также важность материалов самих экспертиз как исторического источника дополняют актуальность диссертационного сочинения.

### **Объект и предмет работы**

Объектом работы является совокупность прикладных этнологических исследований (экспертиз), проведенных на Российском Севере и в Сибири в постсоветское время.

Предмет исследования — источники, методы, сценарии, действующие лица этнологических экспертиз от заказа до исполнения, от замысла до реализации.

### **Цель и задачи исследования**

Цель исследования — выявление и систематизация на основе комплексного анализа ряда этнологических экспертиз постсоветского времени методов и технологий быстрого научного реагирования на проблемные ситуации, несущие в себе риски для этнических сообществ. В фокусе исследования — разработка сводного алгоритма этнологической экспертизы для ее дальнейшего использования и совершенствования.



Для реализации поставленной цели определены следующие задачи:

- 1) рассмотреть историю отечественных этноэкспертиз от ситуативного востребования до формирования современных концепций и подходов;
- 2) систематизировать различные методологические подходы к проведению этноэкспертиз и охарактеризовать их принципиальные особенности;
- 3) представить сопоставимый зарубежный экспертный опыт в контексте оценки социального воздействия (Social Impact Assessment, SIA);
- 4) проанализировать конкретные исследовательские стратегии, сделав акцент на действующих лицах и заинтересованных сторонах, источниках и методах, диагностике и рекомендациях;
- 5) обобщить персональный исследовательский опыт автора при проведении экспертиз конфликтных ситуаций в сфере этнокультурного наследия (по материалам ХМАО — Югры);
- 6) показать роль эксперта как ключевой фигуры, определяющей содержание и качество экспертизы в соответствии с его профессиональными компетенциями и этическими ориентирами.

### **Хронологические рамки**

Исследование сфокусировано на опытах этнологической экспертизы постсоветского периода (1990-е гг. — настоящее время). Специфика этой эпохи обусловлена актуализацией этнокультурного наследия и поиском адекватных форм сочетания фундаментальных и прикладных исследований в предметной области этнологии, формированием разнообразных подходов и концепций проведения этнологических экспертиз. Изучение темы в рамках указанного периода позволяет рассмотреть исследовательские стратегии, связанные с освоением разнообразных источников и методов и появлением новых нормативно-правовых актов. В ряде случаев допускается выход за обозначенный хронологический рубеж. Так, для иллюстрации отдельных сюжетов и описания

предыстории этноэкспертизы привлекаются релевантные сведения из истории отечественной этнографии.

### **Географические (территориальные) рамки**

В диссертационном исследовании анализируются этнологические экспертизы, проведенные на Российском Севере, в Сибири и на Дальнем Востоке. Именно эта территория, в силу небесконфликтного сочетания двух факторов — ускоренного промышленно-транспортного освоения ресурсов и особого статуса коренных малочисленных народов Севера — стала методическим полигоном по отработке правил этноэкспертизы в России.

### **Методология и методы исследования**

В качестве теоретической базы использовались научные разработки российских и зарубежных ученых в области этнологии. Исследование имеет ярко выраженное практическое назначение, однако автор, вслед за А. В. Головнёвым, не разделяет фундаментальную и прикладную науку, поскольку, «жизнеспособная теория рождается из жизни (практики) и возвращается в нее»<sup>2</sup>. В самом названии диссертации указано, что этнологическая экспертиза рассматривается «в теории и практике» науки. Такой подход характерен для *Новой этнографии*, складывающейся в постсоветском пространстве в ответ на вызовы современности. Характерным для Новой этнографии является интерактивный диалог исследователей и исследуемых, синтез фундаментальных и прикладных изысканий, изучение не столько вчерашних традиций, сколько сегодняшнего этнокультурного потенциала, применение новейших средств визуализации и цифровизации, развитие киберэтнографии<sup>3</sup>.

---

<sup>2</sup> Головнёв А. В. Новая этнография Севера // Этнография. 2021. № 1 (11). С. 8.

<sup>3</sup> Там же.

В настоящей работе основным принципом методологического выбора является мультиметодологичность<sup>4</sup> — ситуативно адекватное применение различных методов к соответствующим исследуемым предметно-объектным областям. Особый круг методов использовался в процессе полевых работ, другая совокупность методов — для систематизации, обработки и анализа полученных данных. Выбор конкретного метода зависел от характера деятельности и этапа исследования. Так, при написании первой главы применялись такие исторические методы как ретроспективный и типологический (распределение совокупности изучаемых явлений на качественно определенные типы на основе присущих им общих существенных признаков). Для решения задач второй главы использованы метод синхронизации (при изучении различных этноэкспертиз, происходящих в разных местах в относительно ограниченный период времени), сравнительно-исторический (для выявления сущности изучаемых явлений по сходству и различию присущих им свойств), актуализации (для прогнозирования вероятного развития ситуации), контент-анализ (для исследования содержания текстовых массивов). Третья глава выстроена преимущественно на полевых материалах.

Вся система методов, которая использовалась в процессе решения конкретных задач, подчинена единым принципам историзма и системности<sup>5</sup>. Принцип историзма позволил рассмотреть этнологическую экспертизу как процесс, с одной стороны — от ее истоков до развития современных тенденций, с другой — сама экспертиза рассматривалась в развитии: от заказа до исполнения. Системный (комплексный) подход применялся для того, чтобы представить этнологическую экспертизу как сложную, но единую систему, состоящую из крупных компонентов-подсистем (взаимодействующие стороны, источники, методы, диагностика, рекомендации), подразделяющихся на более узкие составляющие (коренные народы, органы власти, научное сообщество,

---

<sup>4</sup> Обоснованность мультиметодологии основана на тезисе: сталкиваясь с историческим сюжетом или антропологическим феноменом, исследователь, подобен врачу, диагностирующему пациента, и тот, кто во всех случаях применяет один метод, похож на доктора, прописывающего от всех болезней одну микстуру. См. об этом: Головинёв А. В. Ящик с инструментами, или о методах антропологии // *Universitas historiae*. Сб. ст. в честь Павла Юрьевича Уварова. М., 2016. С. 549–556.

<sup>5</sup> См.: Ковальченко И. Д. Методы исторического исследования. М., 2003.

промышленные компании, статистические данные, общественные слушания и т. д.), каждая из которых является объектом исследования различных отраслей научного знания.

Для научного исследования конкретных случаев, которыми в работе выступают проведенные этнологические экспертизы, очень удобна исследовательская стратегия кейс-стади (англ. *case study* — анализ случая), подразумевающая детальный и комплексный анализ социального феномена на примере отдельного случая, ограниченного в пространстве и времени. Использование этой стратегии предполагает выбор небольшого количества случаев для исследования: полное изучение одного кейса может дать гораздо больше информации об особенностях функционирования изучаемого феномена в целом, чем большее количество с менее детальным анализом. При этом чтобы показать специфику феномена этнологической экспертизы и раскрыть его многогранность, исследование вписано в более широкий историко-социальный контекст.

Метод, разработанный еще в рамках Чикагской школы социологии в начале XX в. и в последнее время набирающий все большую популярность, часто отождествляют с качественным полевым исследованием (Л. Ньюман)<sup>6</sup> и причисляют к основным стратегиям эмпирического исследования (Э. Берджесс)<sup>7</sup>. Ж. Гамель образно называет каждый конкретный случай наблюдательным пунктом или устройством, с помощью которого можно исследовать объект<sup>8</sup>. Этнологические экспертизы, с одной стороны, сами являются единицами наблюдения, а с другой стороны, также выступают наблюдательными пунктами или лабораториями с определенными алгоритмами и опытом решения проблемы в конкретной реальной ситуации. Полученные из каждого случая и использованные для выявления общих тенденций и типичных практик данные, могут послужить основой для выработки рекомендаций и лучших решений в схожих ситуациях.

---

<sup>6</sup> См.: Neuman L. W. *Social research methods: qualitative and quantitative approaches*, 2nd ed. Boston, 2007.

<sup>7</sup> Burgess R. G. (ed.) *Studies in Qualitative Methodology*. Greenwich, CT, 1992. Vol. 3: *Learning about Fieldwork*.

<sup>8</sup> Hamel J. *Études de cas et sciences sociales*. Montréal; Paris, 1997. P. 91–92.

### *Полевые методы исследования*

В дополнение к комплексному анализу этнологических экспертиз для иллюстрации отдельных сюжетов автор привлекает собственные полевые материалы, собранные посредством кратковременных и долгосрочных выездов, как в составе междисциплинарных рабочих групп, так и в индивидуальных поездках. Значительную роль сыграл опыт участия автора в ряде историко-культурных экспертиз среди коренных народов Северо-Западной Сибири.

Основной массив информации был собран в Сургутском (п. Салым, с. Лемпино, д. Юган, с. Угут, рр. Б. Юган и Салым) и Нижневартовском (г. Нижневартовск, г. Покачи, г. Радужный, п. Варьеган, п. Аган, п. Корлики, рр. Аган и Вах) районах Ханты-Мансийского автономного округа — Югры, а также в Кольском (с. Териберка), Ловозерском (с. Ловозеро, с. Краснощелье, р. Йоконьга) и Терском (пгт. Умба) районах Мурманской области — именно здесь проходили долгосрочные экспедиции. Кратковременные выезды выполнялись для наблюдения или участия в конкретных событиях, например, «рабочих» собраниях или общественных слушаниях.

Во время экспедиций использовался как основной этнографический метод — включенное наблюдение, который позволяет проводить исследование индивидов и сообществ в их естественной среде и повседневных жизненных обстоятельствах, так и формализованные методы сбора информации, такие как анкетирование, интервью по заранее подготовленному опроснику, картографирование. Полевые исследования были дополнены приемами киберэтнографии<sup>9</sup>, которые включали общение с ключевыми информаторами посредством интернет-коммуникаций, контент-анализ сетевого дискурса по интересующим вопросам, проведение интернет-анкетирования.

Все экспедиционные работы сопровождались записями и последующим составлением отчета о полевых исследованиях, включающим с одной стороны «чистые тексты», с другой — интерпретацию значений (К. Гирц)<sup>10</sup>.

<sup>9</sup> См.: Белоруссова С. Ю. Киберэтнография: методология и технология // Этнография. 2021. № 3 (13). С. 123–145.

<sup>10</sup> Гирц К. «Насыщенное описание»: в поисках интерпретативной теории культуры // Антология исследований культуры. СПб, 1997. Т. 1: Интерпретация культуры. С. 171–200.

### *Понятие этнологической экспертизы*

В диссертационном сочинении центральным является понятие этнологической экспертизы. Одно из первых определений было сформулировано В. В. Степановым, который предлагал именовать ее этноэкологической:

«этноэкологическая экспертиза — это комплекс стандартизированных научных исследований, направленных на оценку возможных этносоциальных последствий управленческой деятельности. Под этносоциальными последствиями управления понимаются любые административные решения, которые воздействуют на этнокультурную среду и население»<sup>11</sup>.

В списке видов деятельности, которые подлежат оценке со стороны этноэкологической экспертизы, перечислены следующие:

«– проекты развития локального и регионального управления;  
– проекты крупных строек и разработки месторождений;  
– региональное законодательство, переделка внутренних границ, упразднение населенных пунктов;  
– миграционные проекты;  
– программы занятости;  
– сельскохозяйственные программы;  
– проекты приватизации (в т. ч. по вопросам земельных отношений);  
– финансовые программы;  
– общественно-политические проекты и решения (в т. ч. запреты или учреждение общественных организаций), программы СМИ;  
– проекты, связанные с товарооборотом;  
– региональные программы в области здравоохранения;  
– региональные программы в сфере культуры и образования;  
– проекты использования природных объектов, имеющих непосредственное отношение к местной истории и культуре»<sup>12</sup>.

При таком определении этноэкологическую и этнологическую экспертизы можно считать синонимами<sup>13</sup>. К. Б. Клоков сужает понятие этноэкологической экспертизы до специального вида работ по оценке воздействия на окружающую среду и считает ее составной частью или ядром более широкого понятия этнологической экспертизы, в рамках которой, кроме проблем традиционного природопользования, рассматриваются и социально-культурные вопросы

<sup>11</sup> Степанов В. В. Теория этноэкологической экспертизы // Методы этноэкологической экспертизы. М., 1999. С. 61.

<sup>12</sup> Степанов В. В. Заключение. Еще раз о главном // Методы этноэкологической экспертизы. С. 295–296.

<sup>13</sup> В более поздних работах В. В. Степанов также использует их в качестве синонимов. См., напр.: Степанов В. В. Этнологическая экспертиза // Обычай и закон. Исследования по юридической антропологии. М., 2002. С. 242.

этнического развития<sup>14</sup>. Некоторые исследователи, например, А. Н. Ямсков, предлагают именовать этнологическую экспертизу социально-этнологической, аргументируя свое предложение двумя доводами. Во-первых, именно понятие «социальная экспертиза» используют для обозначения результатов своего труда специалисты Всемирного Банка, во-вторых «предложенный термин, акцентируя социальные аспекты экспертизы, помогает уйти от ненужной “этнизации” этой процедуры, поскольку в подавляющем большинстве случаев объектом изучения и прогнозируемого воздействия являются отнюдь не этносы или этнические общности и не их этническое самосознание, а группы населения, обладающие определенным культурным своеобразием, или социально-культурные общности, и их современная культура и социальная организация»<sup>15</sup>. Как замечает В. В. Степанов, экспертизу можно называть «социально-культурной», «социально-этнологической», просто «социальной», гораздо важнее не само наименование, а то, какова функция экспертизы<sup>16</sup>.

Так называемым официальным определением, которое присутствует в федеральном законодательстве с 1999 г., является следующее:

«этнологическая экспертиза — научное исследование влияния изменений исконной среды обитания малочисленных народов и социально-культурной ситуации на развитие этноса»<sup>17</sup>.

Такое же определение было использовано в 2010 г. в региональном законодательстве Республики Саха (Якутия)<sup>18</sup>. Как отмечает Н. И. Новикова,

<sup>14</sup> Клоков К. Б. Теоретическое обоснование этноэкологической экспертизы для оценки воздействия индустриального освоения на традиционное природопользование коренного населения Севера // Прикладная этнология и актуальные проблемы государственной этнонациональной политики в регионах Западной Сибири: механизмы взаимодействия власти, науки, общественности: сб. ст. по итогам межрегионал. науч.-практ. семинара (Кемерово, 21–22 нояб. 2012 г.). Кемерово, 2013. С. 97; Клоков К. Б., Хрущев С. А., Бочарникова А. В. Этноэкологическая экспертиза воздействия индустриального освоения на традиционное природопользование коренного населения Севера: теоретические и методологические подходы // Известия Русского географического общества. 2012. № 3. С. 38.

<sup>15</sup> Ямсков А. Н. Этноэкологические экспертизы в международных организациях // Этнология обществу. М., 2006. С. 11.

<sup>16</sup> Степанов В. В. Принципы, объекты и терминология этнологической экспертизы // Расы и народы: современные этнические и расовые проблемы. Ежегодник (ИЭА РАН). М., 2009. Вып. 34. С. 155–156.

<sup>17</sup> Федеральный Закон от 30 апреля 1999 г. № 82-ФЗ (ред. от 07.02.2022) «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации». Ст. 1. // Электронный фонд нормативно-технической и нормативно-правовой информации Консорциума «Кодекс». URL: <https://docs.cntd.ru/document/901732262> (дата обращения: 11.02.2020).

<sup>18</sup> Закон республики Саха (Якутия) от 14 апреля 2010 г. № 820-3 № 537-IV «Об этнологической экспертизе в местах традиционного проживания и традиционной хозяйственной деятельности и на территориях

определение, содержащееся в законе, кажется многим специалистам слишком расплывчатым, в то же время оно дает возможность экспертам конкретизировать его с удобной стороны во время выполнения технического задания<sup>19</sup>.

О. А. Мурашко раскрывает содержание этнологической экспертизы как систему действий, которые необходимы при осуществлении проектов промышленного освоения территорий проживания коренного и местного населения:

«1. Оценка воздействия намечаемой хозяйственной и иной деятельности на традиционный образ жизни и среду обитания коренного и местного населения — процесс, включающий предпроектные научные исследования основных характеристик традиционного образа жизни и исконной среды обитания малочисленных народов и этнических общностей, находящихся в зоне влияния намечаемой хозяйственной и иной деятельности, определение возможных негативных последствий этого влияния, учет общественного мнения и традиционных знаний, разработка мер по уменьшению и предотвращению негативных последствий.

2. Этноэкологический мониторинг — перманентный процесс, сопровождающий реализацию хозяйственной и иной деятельности в целях оценки ее соответствия проектной документации, воздействия и предотвращения негативного влияния этой деятельности на традиционный образ жизни и исконную среду обитания коренного и местного населения в условиях взаимодействия этого населения и организаций, осуществляющих реализацию хозяйственной и иной деятельности»<sup>20</sup>.

А. Н. Садовой предлагает следующее определение:

«Этнологическая экспертиза — научное исследование в области прикладной антропологии, направленное на выявление текущих этнодемографических, социально-экономических, этнополитических процессов, сложившихся форм этнической самоорганизации и предпринимательства; определение степени обоснованности проектов и программ развития в районах проживания, землепользования, использования природных ресурсов этнических меньшинств; составление

---

традиционного природопользования коренных малочисленных народов Севера Республики Саха (Якутия)» // Электронный фонд нормативно-технической и нормативно-правовой информации Консорциума «Кодекс». URL: <https://docs.cntd.ru/document/895252453> (дата обращения: 11.02.2020).

<sup>19</sup> Записано во время дискуссии на секции «Коренные народы и добывающие компании: российская модель экстрактивизма в перспективе социальной антропологии» на XIII Конгрессе антропологов и этнологов России. Казань, 2019 г.

<sup>20</sup> См.: Мурашко О. О. Что такое «этнологическая экспертиза» в России // Проблемы Севера и Арктики Российской Федерации: научно-информационный бюллетень. М., 2006. Вып. 4. С. 112–123.



прогноза краткосрочных и среднесрочных этносоциальных последствий принимаемых управленческих решений»<sup>21</sup>.

В 2014 г. на Ученом совете Института этнологии и антропологии РАН было предложено и утверждено такое определение:

«этнологическая экспертиза — прикладное научное исследование, проводимое специалистами в области этнологии и социально-культурной антропологии в местах традиционного проживания и традиционной хозяйственной деятельности малочисленных народов с целью определения возможных воздействий и связанных с ними этнокультурных и социально-экономических последствий намечаемой или осуществляемой хозяйственной и иной деятельности»<sup>22</sup>.

В законопроекте «Об этнологической экспертизе в Российской Федерации», который должен был вступить в силу в январе 2019 г., но не прошел нулевых чтений, предлагалось следующее определение:

«этнологическая экспертиза — оценка социально-культурных последствий внедряемой хозяйственной деятельности и иных управленческих решений на объекты этнокультурного наследия граждан Российской Федерации»<sup>23</sup>.

Приведенные варианты определений понятия «этнологическая экспертиза» свидетельствуют о том, что в отечественном научном дискурсе до настоящего времени не сложилось единого мнения по этому вопросу. С одной стороны, отсутствие фиксированной формулировки позволяет ученым раскрывать ее содержание в зависимости от своей исследовательской стратегии, с другой — порождает некоторую «путаницу», поскольку дает возможность понимать под ней неопределенное количество разнообразных прикладных работ.

В нашем понимании этнологическая экспертиза — это научная оценка состояния этнической общности и предполагаемых последствий воздействия на

---

<sup>21</sup> Садовой А. Н. Этнологическая экспертиза в системе регионального этнологического мониторинга // Прикладная этнология и актуальные проблемы государственной этнонациональной политики... С. 76.

<sup>22</sup> Новикова Н. И. Этнологическая экспертиза в академическом дискурсе и ожиданиях коренных народов // Арктика: экология и экономика. 2017. № 4 (28). С. 126.

<sup>23</sup> Проект Федерального закона «Об этнологической экспертизе в Российской Федерации». URL: <https://regulation.gov.ru/p/77915> (дата обращения: 20.01.2020).

нее внешних факторов, данная в результате специального исследования по административному или общественному запросу<sup>24</sup>.

В зарубежной исследовательской практике для обозначения процесса понимания того, как человеческие сообщества изменяются / могут измениться в результате предполагаемых или непреднамеренных управленческих действий, чаще всего используется термин «оценка социального воздействия» (Social Impact Assessment, SIA). Наряду с ним также встречаются термины «социальный анализ» (Social Analysis), «оценка воздействия на права человека» (Human Rights Impact Assessment, HRIA<sup>25</sup>), «социально-экономическое воздействие» (Socio-economic Impacts<sup>26</sup>) и множество других. Ф. Ванклей приводит 153 термина, обозначающих похожие процессы или включающие их в качестве составной части<sup>27</sup>. Методология SIA, ее концепция и методы будут рассмотрены ниже (см. гл. 1, раздел 1.5).

### **Степень изученности темы**

В отечественной этнологической мысли феномен этнологической экспертизы находится на начальной стадии научного осмысления. Комплексных работ, посвященных всестороннему ее изучению, пока не написано. В то же время в ведущих научных центрах страны сформировались научно-исследовательские коллективы, которые обладают практическим опытом проведения этноэкспертизы, разрабатывают ее методологические основы и публикуют статьи, посвященные отдельным ее аспектам.

Тема этнологической экспертизы активно обсуждается в рамках различных конференций и симпозиумов, по результатам которых выходят научные статьи, коллективные монографии, сборники тезисов. В 2007 г. в

<sup>24</sup> См.: Головнёв А. В., Данилова Е. Н. Советская версия этноэкспертизы: докладные записки этнографов-североведов 1950-1990-х гг. // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2021. № 1 (52). С. 132–143.

<sup>25</sup> Появление «оценки воздействия на права человека» было стимулировано специальным представителем Генерального секретаря ООН по вопросам бизнеса и прав человека Джоном Рагги и несмотря на то, что среди принципов SIA есть «принцип защиты прав человека», HRIA все чаще выделяют в самостоятельную оценку.

<sup>26</sup> Эксперты некоторых европейских стран считают наиболее предпочтительным именно этот термин, так как социальное воздействие тесно связано с экономическим, см., напр.: Burdge R. J. Benefiting from the practice of social impact assessment // Impact Assessment and Project Appraisal. 2003. Vol. 21, № 3. P. 225–229.

<sup>27</sup> Vanclay F. The Triple Bottom Line and Impact Assessment: How do TBL, EIA, SIA, SEA and EMS relate to each other? // Journal of Environmental Assessment Policy and Management. 2004. Vol. 6, № 3. P. 274–275.

Томске на одном из круглых столов Всероссийской научной конференции «Проблемы сохранения, использования и охраны культурного наследия при реализации проектов и программ развития Сибири и Дальнего Востока», проведенной рядом научных учреждений и государственных органов власти, в том числе Министерством регионального развития, обсуждались вопросы механизма ее реализации и нормативно-правовой деятельности<sup>28</sup>. В 2012 г. в Кемерово на межрегиональном научно-практическом семинаре «Прикладная этнология и актуальные проблемы государственной этнонациональной политики в регионах Западной Сибири: механизмы взаимодействия власти, науки, общественности» рассматривался накопленный опыт по проведению этнологических экспертиз и практика межрегиональной координации прикладных этнологических исследований<sup>29</sup>. В 2013 г. обсуждение вопросов этнологической экспертизы стало предметом специальной секции на X Конгрессе этнографов и антропологов России в Москве, на которой выступили ученые различных специальностей, исследователи и практики<sup>30</sup>. Материалы конгресса, посвященные методологическим и юридическим основаниям проведения этнологической экспертизы, анализу конкретных прикладных исследований были опубликованы в Ежегодном докладе<sup>31</sup>.

В 2014 г. в Новосибирске состоялся городской междисциплинарный научно-практический семинар «Знание, власть и общественный запрос на этнологическую и этносоциологическую экспертизу». Программа семинара включала в себя круглый стол с одноименным названием, в котором приняли участие представители власти, научного сообщества и общественности. Ключевыми обсуждаемыми проблемами были: (1) формирование новых принципов взаимодействия экспертов и общественных субъектов как потенциальных заказчиков экспертного знания в сфере культурной политики, миграции, межэтнических отношений; (2) выявление наиболее актуальных задач

---

<sup>28</sup> Проблемы сохранения, использования и охраны культурного наследия при реализации проектов и программ развития Сибири и Дальнего Востока: сб. материалов Всерос. конф., Томск, 6–8 сентября 2007 г. Томск, 2007.

<sup>29</sup> Прикладная этнология и актуальные проблемы государственной этнонациональной политики...

<sup>30</sup> X Конгресс этнографов и антропологов России: тезисы докл. Москва, 2–5 июля 2013 г. М., 2013. С. 9–18.

<sup>31</sup> Этнополитическая ситуация в России и сопредельных государствах в 2013 году. Ежегодный доклад Сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов. М., 2014. С. 325–357.

этнологической и этносоциологической экспертизы в региональном аспекте; (3) согласование критериев такой экспертизы<sup>32</sup>.

В 2015 г. в Екатеринбурге на XI Конгрессе антропологов и этнологов России в рамках одной из секций рассматривались вопросы механизмов, критериев и принципов этноэкологической и этносоциальной экспертиз<sup>33</sup> и др. На Конгрессах в 2017 г. в Ижевске<sup>34</sup> и в 2019 г. в Казани<sup>35</sup> вопросы этноэкспертизы обсуждались в дискурсе «ресурсного проклятия»<sup>36</sup>; по материалам последнего опубликована коллективная монография, в которой представлены как региональные кейсы — вариации социально-антропологического анализа феномена экстрактивизма, так и обсуждение методики и практики отечественных этнологических экспертиз<sup>37</sup>. В 2020 г. в Якутске состоялась региональная научно-практическая конференция «Арктический вектор: этнологическая экспертиза — вчера, сегодня, завтра»<sup>38</sup>. В 2021 г., на XIV КАЭР, проходившем в онлайн-формате на базе Национального исследовательского Томского государственного университета, вопросы теории и практики этноэкспертизы рассматривались как на специально организованной секции, так и в рамках других дискуссий, связанных с полем и методами прикладной и неотложной антропологии в условиях социальных кризисов<sup>39</sup>.

<sup>32</sup> Ерохина Е. А. Круглый стол «Знание, власть и общественный запрос на этнологическую и этносоциологическую экспертизу» // Новые исследования Тувы. 2014. № 3. С. 121–135.

<sup>33</sup> XI Конгресс антропологов и этнологов России: сб. материалов. Екатеринбург, 2–5 июля 2015 г. М.; Екатеринбург, 2015. С. 418–427.

<sup>34</sup> XII Конгресс антропологов и этнологов России: сб. материалов. Ижевск, 3–6 июля 2017 г. М.; Ижевск, 2017. С. 416–419.

<sup>35</sup> XIII Конгресс антропологов и этнологов России: сборник материалов, Казань, 02–06 июля 2019 г. М.; Казань, 2019. С. 349–354.

<sup>36</sup> Обзор новейших подходов к исследованию проблемы социальных отношений вокруг добычи, присвоения и распределения невозобновляемых энергетических ресурсов, в первую очередь нефти и газа, был сделан в докладе Е. В. Миськовой. См.: Исследования нефти в социальных науках сегодня: биополитика, инфраструктурный модерн, ресурсное проклятие, свойства ресурса и социальность // Антропология в поисках нового языка описания: тезисы. Томск, 15–17 сентября 2016 года. Томск, 2016. С. 97–99. Один из ярких примеров исследования ресурсного конфликта на землях коренных народов см.: Поддубиков В. В., Арцемович С. А., Функ Д. А. «Ресурсное проклятие» с антрацитовым отблеском: коренные народы и добывающие компании Кузбасса в ситуации конфликта // Сибирские исторические исследования. 2018. № 2. С. 142–163.

<sup>37</sup> «Ресурсное проклятие» и социальная экспертиза в постсоветской Сибири: антропологические перспективы». М., 2019.

<sup>38</sup> Арктический вектор: этнологическая экспертиза — вчера, сегодня, завтра: материалы III регион. науч.-практ. конф. (Якутск, 27–28 сентября 2020 г.). Якутск, 2020.

<sup>39</sup> XIV Конгресс антропологов и этнологов России: сб. материалов. Томск, 06–09 июля 2021 г. М.; Томск, 2021. С. 423–443.

Обсуждения и дискуссии проходят и на площадках научных журналов. Например, мнения и предложения ученых в рамках обсуждения проекта федерального закона об этнологической экспертизе, подготовленного Федеральным агентством по делам национальностей, публиковались в «Вопросах истории и культуры северных стран и территорий» (2018. № 1 (41); № 2 (42)). Аналитически насыщенными, с большим количеством мнений, получились дискуссии, посвященные различным проблемам этноэкспертизы в журнале «Этнографическое обозрение» (2018. № 4; 2019. № 6).

Теоретико-методологические аспекты этнологической экспертизы неоднократно рассматривались современными отечественными исследователями. Одной из первых работ в этом направлении стала книга «Методы этноэкологической экспертизы» под редакцией В. В. Степанова, в которой авторы, опираясь на свой опыт, пишут о том, как нужно проводить экспертизу и почему она необходима<sup>40</sup>. Позднее В. В. Степановым в сборнике по юридической антропологии была опубликована еще одна статья, посвященная данной теме<sup>41</sup>. По сути, многие предложения и рекомендации относительно экспертиз, сформулированные автором еще 20 лет назад, остаются актуальны и сегодня. Например, для этнологической экспертизы «обязательным является принцип изучения не отдельных категорий людей, а населения в целом»; для ее теоретических построений предлагалось создать банк данных и карты «Этнографическая изученность регионов России для целей проведения этнологической экспертизы»<sup>42</sup>.

В дискурсе юридической антропологии в качестве особого вида прикладных исследований этноэкспертизу рассматривает Н. И. Новикова<sup>43</sup>. Изучая ее как механизм взаимодействия органов власти, промышленных компаний, научного сообщества и коренных малочисленных народов Севера, она исследует правовые основания, международные стандарты и региональные

---

<sup>40</sup> Методы этноэкологической экспертизы.

<sup>41</sup> Степанов В. В. Этнологическая экспертиза... 2002. С. 241–260.

<sup>42</sup> Там же. С. 249–251.

<sup>43</sup> См.: Новикова Н. И. Прикладная антропология как научное направление // Антропология социальных перемен. Исследования по социально-культурной антропологии. М., 2011. С. 200–219; Она же. Этнологическая экспертиза: уроки России // Этнографическое обозрение. 2018. № 6. С. 87–92.

практики ее проведения<sup>44</sup>, возможности применения в России международного принципа свободного, предварительного и осознанного согласия коренных народов на решения, затрагивающие их интересы и возможности для социального диалога бизнеса и коренных народов<sup>45</sup>, анализирует особенности полевых исследований<sup>46</sup>, перспективы развития экспертизы<sup>47</sup>.

Д. А. Функ посвятил серию работ представлению основных определений и видов этнологических экспертиз в России, а также рассмотрению содержания отдельных примеров такого рода работ и выявлению основных характеристик российской экспертной практики. Говоря о возможных перспективах ее развития, он, по сути, сообщает о методологическом кризисе отечественной практики прикладной антропологии и призывает обратиться к международному опыту оценки социального воздействия<sup>48</sup>. К анализу зарубежного опыта и возможностям применения методов SIA в России обращаются и другие исследователи. Обсуждаемые вопросы международного контекста этноэкспертизы различны: от вовлеченности антропологов в процесс оценки<sup>49</sup> до мониторинга по типу зарубежных практик<sup>50</sup> и оценки стратегических, преимущественно государственных, проектов и программ<sup>51</sup>. Зарубежный экспертный опыт был в фокусе ряда исследований А. Н. Ямскова. В частности

<sup>44</sup> Новикова Н. И. Этнологическая экспертиза в академическом дискурсе... С. 125–135; Она же. Этнологическая экспертиза в Российской Федерации: правовые основания и перспективы для коренных народов // АРКТИКА. XXI век. Гуманитарные науки. 2017. № 3 (13). С. 4–20; Она же. Право нефти и права аборигенов // Этнографическое обозрение. 2008. № 3. С. 28–36.

<sup>45</sup> Новикова Н. И. Нефть, газ, коренные народы: кто напишет правила? // Вестник угроведения. 2016. № 3 (26). С. 124–137.

<sup>46</sup> Новикова Н. И. Полевые исследования и этнологическая экспертиза: особенности работы со стейкхолдерами в России и Норвегии // Культура и взаимодействие народов в музейных, научных и образовательных процессах — важнейшие факторы стабильного развития стран Евразии: междунар. науч. конф. Сб. науч. тр.: в 2 ч. Омск, 21–24 сентября 2021 года. Омск, 2021. С. 48–53.

<sup>47</sup> Новикова Н. И. Перспективы этнологической экспертизы в Российской Федерации // Арктический вектор: этнологическая экспертиза... С. 35–41.

<sup>48</sup> Функ Д. А. «Ресурсное проклятие» (поиск новых подходов к «этнологической экспертизе» и оценке социального воздействия управленческих решений) // Мир культуры народов Севера: арктический вектор. М., 2016. С. 263–270; Он же. «Этнологическая экспертиза»: российский опыт оценки социального воздействия промышленных проектов // Этнографическое обозрение. 2018. № 6. С. 66–79; Он же. Ответ оппонентам: продолжаем разговор // Этнографическое обозрение. 2018. № 6. С. 100–104.

<sup>49</sup> Ковальский С. О. Дисциплинарные отношения антропологии и оценки социального воздействия // Этнографическое обозрение. 2019. № 4. С. 143–146.

<sup>50</sup> Поддубиков В. В. Этнологическая экспертиза: десятилетия российского опыта и контекст мировой исследовательской повестки // Этнографическое обозрение. 2018. № 6. С. 96–100.

<sup>51</sup> Рожкова Ю. В. Об исследованиях программ развития: этнологическая экспертиза vs оценка стратегического воздействия // Этнографическое обозрение. 2019. № 4. С. 141–143.

им рассматривалась политика Всемирного Банка в отношении коренных народов<sup>52</sup>, выполнен общий обзор зарубежных прикладных исследований<sup>53</sup>.

Опубликована серия статей с авторским пониманием процесса экспертизы или отдельных ее частей. А. Н. Садовой, рассуждая о предметном поле этноэкспертиз, предлагает включить в него функционирование в среде исследуемых групп норм обычного права. Изменить предметную область он предлагает путем корректировки исследовательских процедур и перечня основных индикаторов в типовых регламентах этнологических экспертиз<sup>54</sup>. О. А. Мурашко пишет о перспективах развития экспертизы и ее месте в мировом контексте<sup>55</sup>, анализирует Положение об ОВОС (Оценке воздействия на окружающую среду) с точки зрения присутствия в ней элементов, требующих в том числе проведения оценки на социальную среду<sup>56</sup>. А. Г. Новожилов рассуждает о том, чем должна являться экспертиза: научным исследованием или правовым заключением и приходит к выводу, что «это должно быть правовое заключение, опирающееся на скоординированную систему федеральных и местных законов, распоряжений административных и контрольных органов, уставов охраняемых территорий и судебных решений, а все эти составляющие должны основываться на научных исследованиях»<sup>57</sup>.

Отдельным циклом могут быть представлены статьи и главы в монографиях, содержащие информацию о практиках проведения экспертных исследований в различных регионах России и публикация самих экспертиз<sup>58</sup>.

<sup>52</sup> Ямсков А. Н. Политика Всемирного Банка по отношению к коренным народам // Обычай и закон. Исследования по юридической антропологии. М., 2002. С. 261–283.

<sup>53</sup> Ямсков А. Н. Этноэкологические экспертизы... 2006. С. 10–62; Он же. Ситуация с прикладными этноэкологическими исследованиями в зарубежной этнологии // Методы этноэкологической экспертизы. С. 41–60.

<sup>54</sup> Садовой А. Н. Нормы обычного права в предметном поле этнологических экспертиз // Научный диалог. 2017. № 11. С. 410–424.

<sup>55</sup> Мурашко О. А. Что такое «этнологическая экспертиза»... С. 112–123.

<sup>56</sup> Мурашко О. А. Так чему же учит опыт «этнологической экспертизы»? // Этнографическое обозрение. 2018. № 6. С. 82–86.

<sup>57</sup> Новожилов А. Г. Этнологическая экспертиза: научное исследование или правовое заключение // Этнографическое обозрение. 2019. № 4. С. 133.

<sup>58</sup> См., напр., опубликованные экспертизы, содержащие в той или иной степени анализ предшествующих практик: Мартынова Е. П., Новикова Н. И. Тазовские ненцы в условиях нефтегазового освоения. Этнологическая экспертиза 2011 года. М., 2012; Этноэкспертиза на Ямале: ненецкие кочевья и газовые месторождения / Головнёв А. В. [и др.]. Екатеринбург, 2014; Адаев В. Н., Мартынова Е. П., Новикова Н. И. Качество жизни в контексте этнологической экспертизы в Российской Арктике: Тазовский район ЯНАО: исследования по

Делая акцент на опыте, авторы в большей или меньшей степени анализируют и предыдущие практики, а в ряде случаев рассуждают о разных аспектах экспертизы — работы А. В. Головнёва<sup>59</sup>, Е. П. Мартыновой<sup>60</sup> (ЯНАО); В. Н. Адаева<sup>61</sup> (ХМАО — Югра); В. В. Поддубикова<sup>62</sup> (Кемеровская область); Т. П. Роон<sup>63</sup>, Н. А. Мамонтовой<sup>64</sup> (Сахалин); С. Г. Шапхаева<sup>65</sup> (Бурятия).

Целый ряд статей посвящен различным аспектам этнологической экспертизы в Якутии, в них рассматриваются: политика в сфере обеспечения прав коренных малочисленных народов и региональный закон<sup>66</sup>; общность и различие экологического аудита и этнологической экспертизы в управлении природопользованием<sup>67</sup>; вопросы оценки воздействия намечаемой деятельности на окружающую среду как важного элемента процедуры этнологической экспертизы<sup>68</sup>; методика оценки воздействия<sup>69</sup>; возникающие в процессе

---

антропологии права. М.; СПб., 2019; *Этноэкспертиза на Таймыре: коренные народы и техногенные вызовы* / Головнёв А. В. [и др.]. СПб., 2021.

<sup>59</sup> Головнёв А. В. Этнологическая экспертиза в сценариях ресурсного освоения Ямала // *Уральский исторический вестник*. 2014. № 2 (43). С. 143–153.

<sup>60</sup> Мартынова Е. П. Промышленные компании в Арктике: покорители тундры и благодетели (из опыта этнологических экспертиз в Ямало-Ненецком автономном округе) // *Этнополитическая ситуация в России и сопредельных государствах в 2013 году*. С. 325–331.

<sup>61</sup> Адаев В. Н. Из опыта проведения этнологической экспертизы в Урало-Сибирском регионе // *Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого: сб. статей*. Томск; Ханты-Мансийск, 2009. Вып. 7. С. 35–42.

<sup>62</sup> Поддубиков В. В., Нечипоренко О. В. Традиционные практики жизнеобеспечения шорцев: этнологическая экспертиза // *Вестник Новосибирского государственного университета. Сер.: Философия*. 2014. Т. 12, вып. 2. С. 118–124.

<sup>63</sup> Роон Т. П. Размышления о Сахалине и его жителях в свете транснациональных проектов добычи углеводородов на шельфе Охотского моря (к вопросу об этнологической экспертизе) // *Этнографическое обозрение*. 2008. № 3. С. 36–47.

<sup>64</sup> Мамонтова Н. А. Коренные народы Сахалина и нефтедобывающие компании // *Культура и ресурсы. Опыт этнологического обследования современного положения народов Севера Сахалина*. М., 2015. С. 108–158.

<sup>65</sup> Шапхаев С. Г. Влияние деятельности ресурсодобывающих и транспортных компаний на традиционное природопользование: взгляд эколога // *Этнографическое обозрение*. 2008. № 3. С. 55–60.

<sup>66</sup> Слепцов А. Н. Этнологическая экспертиза в местах традиционного проживания и традиционной хозяйственной деятельности народов севера: региональный опыт правового регулирования и правоприменительной практики // *Евразийский юридический журнал*. 2013. № 12 (67). С. 71–75; Он же. Правовые основы этнологической экспертизы // *Этнографическое обозрение*. 2018. № 6. С. 92–95; Он же. Защита прав коренных малочисленных народов: международные и национальные аспекты. Якутск, 2019. С. 34–50; Он же. Государственная этнологическая экспертиза республики Саха (Якутия) // *Арктика. XXI век. Гуманитарные науки*. 2015. № 1 (4). С. 15–24; Шадрин В. И. Этнологическая экспертиза как инструмент защиты коренных малочисленных народов Севера: опыт, проблемы и перспективы (на примере Республики Саха (Якутия)) // *Арктическая зона Российской Федерации: Северо-Восточный вектор развития: сб. материалов Междунар. науч.-практ. конф., посвященной 380-летию вхождения Якутии в состав Российского государства*. Санкт-Петербург, 28–30 ноября 2012 года. СПб., 2013. С. 406–413; Новикова Н. И. Этнологический мониторинг в контексте оценки воздействия промышленной деятельности на коренные малочисленные народы: традиционные знания и возможности правового регулирования в Республике Саха (Якутия) // *Арктика: экология и экономика*. 2020. № 3 (39). С. 141–151.

<sup>67</sup> Потравный И. М., Баглаева В. О. Об интеграции задач экологического аудита и этнологической экспертизы при обосновании проектов хозяйственного освоения территории // *Горизонты экономики*. 2015. № 5 (24). С. 44–47.

<sup>68</sup> Потравный И. М., Кривошапкина О. А. Оценка воздействия добывающих предприятий на окружающую среду в составе этнологической экспертизы проекта // *Арктика: история и современность: тр. Второй междунар. науч. конф.* Санкт-Петербург, 19–20 апреля 2017 года. СПб., 2017. С. 271–278.



проведения экспертизы проблемы<sup>70</sup>, первый опыт этнологической экспертизы применительно к проектированию и строительству объектов энергетики<sup>71</sup> и множество других вопросов<sup>72</sup>. Также публикуются материалы, полученные во время самих экспертиз или систематизированные на их основе данные<sup>73</sup>.

Стоит отметить также ряд работ, связанных не напрямую, но имеющих отношение к предметной области исследования, например, общетеоретические (В. А. Тишков<sup>74</sup>, С. В. Соколовский<sup>75</sup>), об участии экспертов-этнологов в сфере государственной политики по этническим вопросам (В. А. Тишков<sup>76</sup>, В. В. Степанов<sup>77</sup>), о взаимодействии коренных народов и промышленных компаний (Ю. В. Попков<sup>78</sup>), о статусе и идентичности коренных малочисленных народов (Е. А. Пивнева<sup>79</sup>). В аналитической работе Н. А. Лопуленко, посвященной исследованиям по прикладной и неотложной этнологии, описана история развития прикладного направления как за рубежом, так и в России<sup>80</sup>, а в

<sup>69</sup> Величенко В. В. К методике оценки воздействия на охотничьи ресурсы территорий коренных малочисленных народов Севера // Вестник Северо-Восточного федерального университета имени М. К. Аммосова. Сер.: Экономика. Социология. Культурология. 2016. № 4 (4). С. 19–24.

<sup>70</sup> Мостахова Т. С., Пахомов А. А. Этнологическая экспертиза в Республике Саха (Якутия): практика и проблемы // Северо-Восточный гуманитарный вестник. 2018. № 2 (23). С. 47–55.

<sup>71</sup> Потравный И. М. Этнологическая экспертиза проекта строительства атомной станции малой мощности в поселке Усть-Куйга Усть-Янского района Якутии // Современные проблемы управления проектами в инвестиционно-строительной сфере и природопользовании: материалы XI Междунар. науч.-практ. конф., посвященной 25-летию юбилею кафедры и 114-летию РЭУ им. Г. В. Плеханова. Москва, 16 июня 2021 года. М., 2021. С. 270–276.

<sup>72</sup> Шадрин В. И. Этнологическая экспертиза в Якутии // Этнополитическая ситуация в России и сопредельных государствах в 2013 году. С. 331–337; Он же. Актуальные вопросы проведения этнологической экспертизы в Республике Саха (Якутия) // Вопросы истории и культуры северных стран и территорий. 2018. № 4 (44). С. 25–38; Романова Е. Н., Алексеева Е. К. Добывающие компании на земле оленеводов (этноэкспертиза на северо-западе Якутии) // Казанская наука. 2015. № 11. С. 361–364.

<sup>73</sup> Томаска А. Е., Игнатьева В. Б. Особенности миграционной ситуации эвенков Олекминского района Якутии (на примере этнологической экспертизы в Олекминском районе РС(Я)) // Арктика и Север в современных гуманитарных исследованиях. Якутск, 2018. С. 75–85. URL: <http://igi.ysn.ru/files/publicasii/arktika.pdf> (дата обращения: 10.06.2021); Астахова И. С. Отношение населения к новым проектам промышленного освоения (на примере этнологических экспертиз в Оленекском районе РС(Я)) // Там же. С. 63–74.

<sup>74</sup> Тишков В. А. Очерки теории и политики этничности в России. М., 1997.

<sup>75</sup> Соколовский С. В. Понятие «коренной народ» в российской науке, политике и законодательстве // Этнографическое обозрение. 1998. № 3. С. 74–89.

<sup>76</sup> Тишков В. А. Этнология и политика. М., 2001.

<sup>77</sup> Степанов В. В. Научная экспертиза и законодательство о национальнокультурном развитии в России // Этнология обществу. М., 2006. С. 79–109.

<sup>78</sup> Попков Ю. В. Народы Севера и нефть // Экономика и организация промышленного производства. 1998. № 7. С. 137–142; Попков Ю. В. Народы Севера и нефть: конфликты и компромиссы // Коренные народы. Нефть. Закон: материалы междунар. конф. Москва, 2001. С. 129–132; Попков Ю. В., Персидская О. А. Региональная национальная политика в объективе этносоциологов // Новые исследования Тувы. 2014. № 3. С. 229–231.

<sup>79</sup> Пивнева Е. А. Коренные малочисленные народы Севера: объект государственной политики, статус и идентичность // Государственная национальная политика России: экспертное мнение. М., 2018. С. 256–265.

<sup>80</sup> Лопуленко Н. А. Исследования по прикладной и неотложной этнологии: (1990–2011): аналитический обзор. М., 2012. С. 7–38.

работах Т. В. Уваровой предлагается реферативный обзор прикладных исследований<sup>81</sup> и аннотация опубликованной экспертизы на реке Бикин<sup>82</sup>.

Отдельные вопросы этноэкспертизы освещаются в работах ученых разной специализации. Среди них стоит отметить исследования юристов В. А. Кряжкова<sup>83</sup>, Ю. Я. Якель<sup>84</sup>, М. Ш. Тельхиговой<sup>85</sup>, социолога С. А. Тулаевой<sup>86</sup>, канд. геол.-минерал. наук С. Х. Хакназарова<sup>87</sup>.

Таким образом, анализ историографии свидетельствует об актуальности и многогранности проблемы и одновременно о достаточно большом количестве еще не исследованных аспектов, в том числе комплексного анализа.

### **Источниковая база**

Исследование опирается на репрезентативное сочетание комплекса источников: материалы этнологических экспертиз и отчетов о научно-исследовательской работе, полевые этнографические материалы, законодательные и нормативные акты, данные периодической печати и интернет-ресурсы.

<sup>81</sup> Уварова Т. Б. 2007.03.033. Прикладные исследования в этнологии (реферативный обзор) // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 5: История. 2007. № 3. С. 164–182.

<sup>82</sup> Уварова Т. Б. Этнологическая экспертиза в исследованиях коренных малочисленных народов севера, Сибири и Дальнего Востока // Новый исторический вестник. 2011. № 3 (29). С. 129–134.

<sup>83</sup> Кряжков В. А. Правовое регулирование отношений между коренными малочисленными народами Севера и недропользователями в Российской Федерации // Государство и право. 2014. № 7. С. 27–39.

<sup>84</sup> Якель Ю. Я. Общая характеристика действующего законодательства. Проблемы практики применения // Север и северяне. Современное положение коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока России. М., 2012. С. 8–21; Она же. Юридические аспекты проведения этнологической экспертизы в местах традиционного проживания и ведения хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока РФ // Этнополитическая ситуация в России и сопредельных государствах в 2013 году. С. 352–357. Мурашко О. А., Якель Ю. Я. Экологическое соуправление — основа взаимодействия коренных малочисленных народов, органов власти и промышленных компаний // Вопросы взаимоотношений коренных малочисленных народов с промышленными компаниями (опыт, практика сотрудничества, документы) // Издание Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации. 2009. С. 75–93.

<sup>85</sup> Тельхигова М. Ш. Этнологическая экспертиза как важная часть экологической экспертизы промышленных проектов в сфере недропользования на северных территориях Российской Федерации // Бизнес в законе. 2015. № 1. С. 145–148.

<sup>86</sup> Тулаева С. А. Нефтяные компании, оленеводческие сообщества и местные органы власти: права на землю с перспективы разных стейкхолдеров // Журнал социологии и социальной антропологии. 2014. № 5. С. 141–157; Тулаева С. А., Тысянчук М. С. Между нефтью и оленями. О распределении благ между нефтяниками и коренными народами в российской Арктике и Субарктике // Экономическая социология. 2017. Т. 18. № 3. С. 70–96.

<sup>87</sup> Хакназаров С. Х. Коренные малочисленные народы в условиях интенсивной эксплуатации энергетических ресурсов ХМАО: состояние и перспективы. Томск, 2003; Он же. К вопросу о взаимодействии коренных народов Севера и промышленных компаний на примере Югры // Арктика и Север. 2018. № 30. С. 120–133.

Основным источником в подготовке диссертационного сочинения стали материалы восьми опубликованных этнологических экспертиз (далее в тексте в отношении этих источников принято сокращение ЭЭ с соответствующим номером):

(ЭЭ 1) Этнологическая экспертиза 2002 г. Проведена на территории ЯНАО по инициативе представителей КМНС, заказчиком выступили Ассоциация КМНС ЯНАО «Ямал — потомкам!» и ОАО «Газпром». Задача — оценка потенциального воздействия программы ОАО «Газпром» поисково-разведочных работ в акваториях Обской и Тазовский губ на компоненты устойчивого развития этнических групп коренных малочисленных народов Севера. Материалы экспертизы опубликованы в 2002 г.<sup>88</sup>, структурированы в семь разделов, включая введение и рекомендации. Общий объем текста — 8 усл. печ. л.

(ЭЭ 2) Этнологическая экспертиза 2004 г. по оценке межэтнического взаимодействия проведена на территории Чувашенской сельской администрации МО «г. Мыски» Кемеровской области по инициативе местных жителей. Заказчиком выступили Департамент национальной политики и общественных отношений Администрации Кемеровской области и ООО «МетАл». Материалы экспертизы опубликованы в 2005 г.<sup>89</sup>, структурированы в три раздела с подразделами, введением, рекомендациями и приложением. Общий объем текста с 36 иллюстрациями — 27,5 усл. печ. л.

(ЭЭ 3) Этнологическая экспертиза 2005–2006 гг. Проведена в Беловском и Гурьевском районах Кемеровской области по инициативе Ассоциации телеутского народа «Эне–Байат», заказчиками выступили Ассоциация «Эне–Байат» и администрация Кемеровской области. Экспертиза

---

<sup>88</sup> Опыт проведения этнологической экспертизы: оценка потенциального воздействия программы ОАО «Газпром» поисково-разведочных работ в акваториях Обской и Тазовской губ на компоненты устойчивого развития этнических групп коренных малочисленных народов Севера / Богоявленский Д. Д. [и др.] // Ассоциация коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока. М., 2002.

<sup>89</sup> Этнологическая экспертиза. Оценка воздействия ООО «МетАл», ОАО «ММК» — «Магнитогорский металлургический комбинат» и УК «Южный Кузбасс» (стальная группа «Мечел») на системы жизнеобеспечения автохтонного и русского населения Чувашенской сельской администрации МО «г. Мыски» Кемеровской области / Садовой А. Н. [и др.]. Кемерово, 2005. Вып. 1.

проводилась с целью выявления главных направлений и тенденций этнополитических процессов в среде бачатских телеутов, степени обоснованности выдвигаемых национальными объединениями политических требований на региональном и федеральном уровнях и оценке эффективности проводимого курса региональной национальной политики по отношению к этой этнической группе. Материалы экспертизы опубликованы в 2008 г.<sup>90</sup>, структурированы в пять разделов с подразделами, введением, заключением и приложениями. Общий объем текста с тремя иллюстрациями — 25 усл. печ. л.

(ЭЭ 4) Этнологическая экспертиза 2010 г. Проведена в Пожарском районе Приморского края по инициативе Амурского филиала Всемирного фонда дикой природы и объединения удэгейцев в связи с предоставлением лесного участка в аренду общине коренных малочисленных народов Севера «Тигр» для заготовки пищевых лесных ресурсов и сбора лекарственных растений. Материалы экспертизы опубликованы в 2010 г.<sup>91</sup>, структурированы в пять глав с введением, заключением, списком источников и литературы, приложением и сведениями об авторах. Общий объем текста с 32 иллюстрациями и 4 картами — 10,25 усл. печ. л.

(ЭЭ 5) Этнологическая экспертиза 2011 г. Проведена в Тазовском районе ЯНАО по инициативе Тазовского отделения Ассоциации КМНС «Ямал — потомкам!» с целью изучения изменений исконной среды обитания ненцев, имеющих статус коренных малочисленных народов Севера, в связи со строительством объектов ОАО «АК “Транснефть”» «Трубопроводная система “Заполярье – НПС “Пур-пе”» и «Трубопроводная система “Заполярье – НПС “Пур-пе”. Сеть связи» и определения влияния этих изменений на социально-экономическую и этнокультурную ситуацию. Материалы экспертизы опубликованы в

---

<sup>90</sup> Бойко В. И., Шмаков В. С., Нечипоренко О. В. Этнологическая экспертиза. Этнополитические, социально-экономические и этнодемографические процессы в среде телеутов Беловского и Гурьевского районов Кемеровской области. Новосибирск, 2008. Вып. 2.

<sup>91</sup> Звиденная О. О., Новикова Н. И. Удэгейцы: охотники и собиратели реки Бикин (этнологическая экспертиза 2010 года). М., 2010.

2012 г.<sup>92</sup>, структурированы в пять глав с введением, выводами и рекомендациями, списком источников и литературы, приложением. Общий объем текста с 31 иллюстрацией — 7,67 усл. печ. л.

(ЭЭ 6) Этнологическая экспертиза 2012 г. Проведена на территории Тазовского района ЯНАО по инициативе представителей КМНС и заказу администрации округа с целью исследования комплексного воздействия промышленного освоения на «аборигенное и шире — местное население». Материалы экспертизы опубликованы в 2019 г.<sup>93</sup>, структурированы в шесть глав с введением, заключением, списком источников и литературы, приложением. Общий объем текста с 42 иллюстрациями и 3 картами — 13,75 усл. печ. л.

(ЭЭ 7) Этнологическая экспертиза 2013 г. Проведена на территории Ямальского района ЯНАО с целью прогноза последствий воздействия геологоразведочных работ на образ жизни кочевников-ненцев и разработки предложений по минимизации социального и этнокультурного ущерба. Является составной, но в то же время самостоятельной частью экологической экспертизы в районе геологоразведочных работ на территории Крузенштернского месторождения ООО «Газпром геологоразведка»<sup>94</sup>. Материалы экспертизы опубликованы в 2014 г.<sup>95</sup>, разделены на две части: первая, содержащая основной текст экспертизы, дополнительно структурирована в четыре главы, также имеется предисловие и список литературы. Общий объем текста с 64 иллюстрациями и 10 картами — 29 усл. печ. л.

(ЭЭ 8) Этнологическая экспертиза 2021 г. Проведена на территории Таймырского Долгано-Ненецкого муниципального района Красноярского края в связи с разливом дизельного топлива на исконную среду обитания

---

<sup>92</sup> Мартынова Е. П., Новикова Н. И. Тазовские ненцы в условиях нефтегазового освоения.

<sup>93</sup> Адаев В. Н., Мартынова Е. П., Новикова Н. И. Качество жизни в контексте этнологической экспертизы...

<sup>94</sup> Головнёв А. В. Этнологические исследования в районе ведения геологоразведочных работ ООО «Газпром геологоразведка» на территории Крузенштернского месторождения // Оценка состояния растительного и животного мира и этнологические исследования в районе ведения геологоразведочных работ ООО «Газпром Геологоразведка» на территории Крузенштернского месторождения. Екатеринбург, 2013. Т. 4

<sup>95</sup> Этноэкспертиза на Ямале: ненецкие кочевья и газовые месторождения.

коренных малочисленных народов Таймыра. Материалы экспертизы опубликованы в 2021 г.<sup>96</sup>, структурированы в семь глав, также имеется предисловие и список литературы. Общий объем текста с 73 иллюстрациями и 5 картами — 33,02 усл. печ. л.

В дополнение к основному корпусу источников привлекаются данные частично опубликованных экспертных работ, неструктурированные интервью с экспертами, отчеты о научно-исследовательской работе, научно-проектная документация для обоснования достопримечательных мест.

При написании первой главы диссертации проанализированы докладные записки (106), опубликованные в пяти выпусках серии «Этнологическая экспертиза: Народы Севера России»<sup>97</sup>. Докладные записки по результатам поездок этнографов-североведов составлялись ежегодно в период с середины 1950-х до начала 1990-х гг. и направлялись в директивные органы для осведомления о положении дел на Севере; они носили закрытый характер и предназначались только для служебного пользования. Структура записок, представляющих собой обзоры и оценки современного положения того или иного народа/народов по ряду характеристик была примерно одинаковой: сведения о демографии и характере расселения коренных жителей, экономическом состоянии колхозов, материальном положении колхозников, характеристики культуры и быта, образования, здравоохранении.

Этнографические источники представлены полевыми материалами, собранными автором во время экспертной работы на территории Ханты-Мансийского автономного округа — Югры. К ним относятся данные, полученные в процессе проведения историко-культурных экспертиз (р. Аган, 2019 г.) и оценок историко-культурных ресурсов территорий (р. Аган, 2015 г., р. Большой Юган, 2017–2018 гг.), участия в общественных слушаниях (с. Варьеган, 2016 г.) и «рабочих» собраниях (п. Угут, 2017–2018; г. Ханты-Мансийск, 2018 г.). Дополнением к ним являются полевые материалы автора, которые включают описания, зарисовки, фотографии, тексты устных сообщений

<sup>96</sup> Этноэкспертиза на Таймыре: коренные народы и техногенные вызовы / Головнёв А. В. [и др.]. СПб, 2021.

<sup>97</sup> Этнологическая экспертиза: Народы Севера России. М., 2004–2007.

информантов, аудиозаписи, собранные во время этнографических экспедиций среди хантов рр. Аган, Вах, Большой Юган, Салым, лесных ненцев р. Аган, коми-ижемцев и саамов Кольского полуострова (2002–2020 гг.).

Законодательные и нормативные источники представлены международными, федеральными и региональными документами в отношении коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока РФ; документами по сохранению культурного наследия; нормативно-правовыми актами, регулирующими проведение экологической, этнологической и историко-культурной экспертиз; материалами парламентских и общественных слушаний; указами президента.

Отдельной категорией источников являются данные периодической печати и интернет-ресурсы, например, официальные сайты региональных правительств и общественных организаций.

### **Научная новизна**

Научная новизна исследования состоит в комплексном изучении этнологической экспертизы в широком историко-социальном контексте. Впервые систематизированы опыты, методы и технологии этнологической экспертизы постсоветской эпохи. Разработан сводный алгоритм этнологической экспертизы в целях ее дальнейшего использования и совершенствования.

В диссертационном сочинении раскрываются тренды отечественной этноэкспертизы, включая определение основных концепций и подходов ее проведения. Новым является рассмотрение таких вопросов, как (1) применение уже известных методов и механизмов принятия управленческих решений в отечественном и зарубежном контекстах; (2) потенциала этноэкспертизы как научно-практического инструментария проведения прикладных исследований; (3) роль этнолога как эксперта в подготовке решения конкретной жизненно важной для этнического сообщества проблемы; (4) составление навигационной схемы экспертизы.

Представляя экспертизу как площадку научного поиска, разработки новых исследовательских методов и стратегий, выполненная работа может служить матрицей для выбора инструментария в заданных ситуациях.

Исследование дает ключ к новому пониманию актуальных проблем современности, включая следующие сюжеты: (а) поиск конструктивных механизмов взаимодействия местных сообществ и администрации; (б) определение действенных стратегий сохранения этнокультурного наследия; (в) разрешение конфликтных ситуаций, возникающих между коренными народами и промышленными компаниями; (г) анализ и мониторинг миграционных процессов и др.

### **Теоретическая и практическая значимость работы**

Изучение опыта и технологии этнологической экспертизы в России имеет большое значение для науки и для общества. Работа направлена на исследование актуальной и социально востребованной темы в сфере практического применения этнологических знаний и важно для выработки конструктивных решений в вопросах взаимодействия государства и общества, в том числе механизмов государственной национальной политики. Оно может быть использовано в процессе законотворчества, в том числе при разработке федерального закона «Об этнологической экспертизе».

Обобщения и выводы, сформулированные в работе, будут востребованы в сферах образования и просвещения, охраны культурного наследия и региональной политики. В частности они могут быть использованы для проведения и дальнейшего совершенствования процедуры этнологической экспертизы, в поиске элементов конструктивного сотрудничества ученых, политиков, представителей промышленных компаний, этнических сообществ. В практике управления отдельными территориями — для выработки стратегии регионального развития в сфере этнокультурного взаимодействия, национальной политики, обеспечения безопасности в области межнациональных отношений, решении вопросов сохранения и популяризации этнокультурного наследия.



Материалы диссертационного исследования могут быть востребованы в преподавании профильных курсов в высших учебных заведениях при подготовке этноэкспертов и специалистов промышленных компаний, занимающихся вопросами взаимодействия с местным населением.

### **Положения, выносимые на защиту:**

1. Этнологическая экспертиза является одной из наиболее важных сфер практического применения этнологических знаний и в теории может сопровождать любые социально значимые проекты, в том числе законодательные акты, хозяйственные проекты, государственные программы, образовательные и культурные мероприятия, а также множество других управленческих решений, реализация которых так или иначе влияет на конкретную группу людей (этническую общность, «население под воздействием», сообщество). Эта группа людей может состоять как из одной семьи, так и целого народа, ее члены могут иметь одинаковую или разную этническую идентичность, основа объединения этой группы — интересы и/или права, которые могут быть затронуты в процессе реализации проекта.

2. Существование обширного спектра взглядов на феномен этнологической экспертизы и многочисленных подходов к ее реализации говорит о ситуации научно-практического поиска. Эта ситуация, с одной стороны, характеризуется отсутствием четких целей, ясной терминологии, точных определений, которые необходимы в нормативной этике, а с другой — разнообразным опытом экспертных оценок и исследований, опыт и потенциал которых может стать основой дальнейшего развития этнологической экспертизы в России. К настоящему времени сложилось понимание необходимости и возможности применения этнологической экспертизы, во-первых, в отношении широкого круга социально значимых проектов, во-вторых, в отношении всех граждан РФ вне зависимости от их этнической принадлежности.

3. Одной из ключевых задач этнологической экспертизы является определение заинтересованных сторон (стейкхолдеров), анализ их позиций,

ожиданий, потребностей, поскольку именно на пересечении интересов возникают условия для конфликта и, соответственно, формулируются альтернативы для последующей выработки стратегических изменений. Процесс этнологической экспертизы предполагает взаимодействие всех действующих лиц: органов власти, промышленных компаний, населения, оказавшегося «под воздействием», научного сообщества, причем на всех этапах проведения экспертизы и реализации ее рекомендаций.

4. Несмотря на редкие случаи проведения этноэкспертиз на территории РФ, накоплен достаточно богатый опыт, который следует учитывать при совершенствовании законодательства. Разрабатываемая нормативно-правовая база должна стать основой, на которой будут строиться отношения всех взаимодействующих сторон. Она призвана не только узаконить саму экспертизу, но и создать набор документов, в том числе положений, которые будут регулировать экспертные исследования и дадут возможность проверить обоснованность и достоверность сделанных выводов. Кроме того, нормативно-правовая база должна определить систему принципов, которыми будут руководствоваться все взаимодействующие стороны, и ту ответственность, которую они несут в случае их несоблюдения. При этом необходимо отрегулировать такие вопросы, как вовлеченность затронутого сообщества на всех этапах проведения экспертизы; общественное обсуждение результатов экспертизы; доступность результатов исследования; обязательный последующий мониторинг, который позволил бы вносить коррективы в принимаемые решения.

5. Процедура этнологической экспертизы не предназначена для решения всех социальных вопросов, однако как инструмент она позволяет выявить ряд ключевых проблем до их обострения, вовлечь сообщества в процесс предупреждения этих проблем и тем самым избежать возможных негативных последствий внешнего воздействия или, по крайней мере, предвидеть их и в какой-то мере редуцировать. Также экспертиза способна дать прогноз возможных последствий в этнокультурной сфере, если то или иное управленческое решение будет принято, предоставить информацию о том,

насколько это решение соответствует определенным требованиям, при которых члены сообщества могут рассчитывать на защиту интересов, гарантию прав и реализацию своего этнокультурного потенциала.

6. Этнологическая экспертиза может считаться полноценной при условии охвата ею, по крайней мере, пяти вопросов: (1) состояние конкретной общности, (2) воздействие, (3) деформация, (4) сценарии, (5) рекомендации.

7. Опорной категорией и базовой ценностью для этноэкспертизы и ее рекомендаций следует считать этнокультурное наследие.

8. Фигура эксперта, в данном случае этнографа, является ключевой, поскольку качество экспертизы в значительной степени определяется его профессионализмом, готовностью к быстрому реагированию, взвешенностью и стойкостью в вопросах этики. Рефлексивность в контексте экспертизы является неотъемлемым компонентом, оказывающим влияние на ход экспертизы и ее реализацию.

### **Апробация и степень достоверности исследования**

Степень достоверности диссертации подтверждается вводом в научный оборот нового материала. Основные положения исследования были представлены в докладах на международных и всероссийских конференциях и форумах: XIII Конгресс антропологов и этнологов России (Казань, 2–6 июля 2019 г.), V Северный археологический конгресс (Ханты-Мансийск, 11–14 декабря 2019 г.), XI Сибирские чтения «Энергия Арктики и Сибири: ресурсы, технологии, инфраструктура» (Санкт-Петербург, 28–30 октября 2019 г.), «Древние и традиционные культуры Сибири и Дальнего Востока. Проблемы, гипотезы, факты» (Омск, 25–27 апреля 2018 г.), «Динамика этнокультурных процессов. Этнография в действии» (Санкт-Петербург, 18–21 апреля 2019 г.) и др.

Материалы и результаты исследований опубликованы в 14 научных публикациях, в том числе в одной коллективной монографии и 6 статьях в журналах списка ВАК и SCOPUS.

Основные направления диссертационного исследования нашли отражение в научно-исследовательском проекте «Динамика и статика этничности в пространстве Северной Евразии» (2016–2022) и исследовательских проектах, поддержанных грантами РФФИ.

Научно-практическая апробация выполнена в ходе исследовательских работ по историко-культурному обследованию территорий (2006, 2007, 2012), обследованию культовых объектов (2007), разработке научно-проектной документации для обоснования достопримечательных мест (2015, 2018), государственной историко-культурной экспертизе (2019), консультированию при проведении экспертно-аналитических исследований (2020).

### **Структура работы**

Диссертация структурирована в три главы с параграфами в соответствии с поставленными выше задачами, имеет оглавление, введение, заключение, список сокращений, источников и литературы. Текст работы сопровождается иллюстративным материалом.

Первая глава — теоретическая, является картиной исторического развития этноэкспертиз, зафиксированных наукой во времени: от ситуативного востребования привлечения этнологов-экспертов до формирования современных концепций и подходов. Накопленный опыт систематизирован в различные методологические подходы с характерными им принципиальными особенностями. Отдельным разделом представлена сопоставимая зарубежная экспертная практика оценки социального воздействия (Social Impact Assessment, SIA). В социально-историческом контексте иллюстрируется ход и проблемы законодательного закрепления процедуры этнологической экспертизы и рассматривается опыт Якутии, как единственного региона, где процедура этноэкспертизы регулируется соответствующим нормативным документом.

Вторая глава — аналитическая — посвящена анализу конкретных исследовательских стратегий. Выбранные для этого этноэкспертизы рассматриваются как исследовательские процессы от замысла до реализации.

Основной акцент сделан на действующих лицах и заинтересованных сторонах, источниках и методах, диагностике и рекомендациях. В качестве вывода предлагается навигационная схема экспертизы.

Третья глава — практическая — основана на личном опыте автора и представляет собой вариант социально-антропологического анализа актуальных моделей взаимодействия локальных групп коренного населения Ханты-Мансийского автономного округа — Югры с добывающими компаниями. В заключительном разделе главы рассматривается роль эксперта, как ключевой фигуры процесса экспертизы.

# ГЛАВА 1. ИСТОРИЯ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИХ ЭКСПЕРТИЗ

## 1.1 Предыстория

Если под этнологической экспертизой понимать характеристику состояния этнической общности по определенному заданию, то ее историю следует вести от истоков самой российской этнографии, которая выросла из управленческой потребности «как эмпирико-практическое знание, заданное целями самопознания и самоорганизации империи»<sup>98</sup>. Именно заказные обследования по воле правителей были первыми шагами в народоведении: в XVIII в. Д. Мессершмидт отправился в сибирскую экспедицию по заданию Петра I; П. С. Паллас, И. Г. Георги, И. И. Лепехин и их спутники выполняли грандиозный план Екатерины II по обследованию империи. Востребованность экспертного этнологического знания эпизодически проявлялась в экономике, управлении, судебной практике, и всякий раз при смене власти наука о народах заново актуализировалась как технология «инвентаризации» людских, в том числе этнических, ресурсов.

Пожалуй, первым практическим использованием теоретических знаний о народах можно считать разработку М. М. Сперанским «Устава об управлении инородцев» 1822 г. при активном участии Г. С. Батенькова<sup>99</sup>. Как отмечают исследователи, оба они понимали, что для эффективного управления государством необходимы этнографические знания<sup>100</sup>. Вряд ли в этой ситуации можно говорить о непосредственном привлечении ученых в качестве экспертов,

---

<sup>98</sup> Головинов А. В. Этнография в российской академической традиции // Этнография. 2018. № 1. С. 18.

<sup>99</sup> Об участии Г. С. Батенькова см, напр.: Юшковский В. Д. М. М. Сперанский и Г. С. Батеньков: поиски основ сибирских преобразований // Известия Иркутского государственного университета. Сер.: История. 2012. № 2 (3), ч. 1. С. 72–79.

<sup>100</sup> Панченко А. Б. Становление прикладной этнологии в Российской империи: опыт междисциплинарного исследования // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов, 2016. № 7 (69). Ч. 2. С. 138.

однако, при разработке Устава, М. М. Сперанский активно читал научные труды, в частности И. Г. Георги, и знакомился с Сибирью лично<sup>101</sup>.

Другое направление развития прикладных этнологических исследований было связано с потребностью в эффективном осуществлении коммерческой деятельности сибирских купцов и промышленников. В качестве наиболее удачного примера можно привести деятельность Восточно-Сибирского отделения Императорского Русского географического общества (ИРГО)<sup>102</sup>, в котором экспертами становились образованные политические ссыльные, вжившиеся в туземную культуру.

В научной литературе также известны отдельные случаи привлечения этнографов-экспертов для разрешения спорных вопросов в суде. Так, в одном из громких процессов о ритуальном человеческом жертвоприношении, профессором И. Н. Смирновым проводилась этнографическая экспертиза, подтвердившая факт возможного существования человеческого жертвоприношения<sup>103</sup>. Дело трижды рассматривалось судом, экспертиза, проведенная Смирновым, вызвала неодобрение других этнографов, в частности Г. Верещагина, П. М. Богаевского, С. К. Кузнецова, экспертные мнения которых повлияли в итоге на доказательства о невиновности обвиняемых<sup>104</sup>.

До начала XX в. привлечение этнографов для решения практических задач носило ситуативный характер, иногда сами администраторы или крупные предприниматели использовали данные научной литературы о культуре отдельных групп населения для решения конкретных вопросов. Периодом плодотворного взаимодействия профессиональных этнологов и органов власти можно считать 1920-е гг., когда наблюдалась востребованность экспертного этнологического знания для изучения и описания этнического состава населения

<sup>101</sup> Верняев И. И. Бурятское общество и сибирский генерал-губернатор М. М. Сперанский // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2017. Т. 62, вып. 1. С. 155.

<sup>102</sup> Панченко А. Б. Становление прикладной этнологии в Российской империи... С. 140.

<sup>103</sup> Богаевский П. М. Мултанское моление вотяков в свете этнографических данных. М., 1896. 6. С. 3–4; Короленко В. Г. Мултанское жертвоприношение. К отчету о мултанском жертвоприношении (письмо в редакцию). URL: <http://korolenko.lit-info.ru/korolenko/public/multanskoe-zhertvoprinoshenie.htm> (дата обращения: 04.07.2020).

<sup>104</sup> Речь идет о Мултанском деле, по которому группу удмуртов обвинили в совершении ритуального убийства с принесением человеческой жертвы. См., напр.: Сушкова Ю. Н. Мултанское дело в контексте обычного права // Пробелы в российском законодательстве. 2018. № 4. С. 70–74.

после создания нового государства. В октябре 1922 г. при отделе нацменьшинств Народного комиссариата просвещения РСФСР было создано Центральное этнографическое бюро, которое должно было заниматься всесторонним изучением народов. Т. Д. Соловей, характеризуя отношения науки и власти этого периода, называет их «неравноправным партнерством», где в роли слабой стороны выступало научное сообщество, имея, однако, при этом возможность самостоятельного выбора форм и методов изучения<sup>105</sup>.

В марте 1923 г. профессор В. Г. Богораз выступил с докладом на заседании коллегии Народного комиссариата национальностей о народах Севера, в котором заявил о необходимости создать, с целью особой охраны «окраинных народов», «особый междуведомственный государственный орган, при обязательном участии ученых-специалистов, как по прикладному техническому естествознанию, так и по местному народоведению <...> Орган этот должен организовать также и местное управление окраинных народов, привлекая для участия в нем по преимуществу специалистов-этнографов, особо подготовленных, со знанием местного языка»<sup>106</sup>. Уже в апреле этого же года коллегия Наркомнаца постановила организовать Комитет содействия и защиты малых народностей Севера и Сибири и приступить к подготовке этнографически подготовленных уполномоченных<sup>107</sup>. Образованный в июне 1924 г. при Президиуме ЦИК СССР, Комитет Севера стал одним из «самых деятельных правительственных организаций этнографического профиля»<sup>108</sup>.

Позднее, на рубеже 1920–1930-х гг. этнология, как наука, была низведена до уровня «вспомогательной исторической дисциплины», и на двадцатилетие была занята изучением быта и первобытного коммунизма.

---

<sup>105</sup> Соловей Т. Д. Власть и наука в России. Очерки университетской этнографии в дисциплинарном контексте (XIX — начало XXI вв.). М., 2004. С. 155–159.

<sup>106</sup> Тезисы к докладу профессора В. Г. Богораз-Тана на коллегии Народного комиссариата национальностей о народах Севера. [30 марта 1923 г.] // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 87. Д. 231. Л. 7–9. Копия. Машинопись.

<sup>107</sup> Там же. Д. 232. Л. 13.

<sup>108</sup> Головнёв А. В. Этнография в российской академической традиции. С. 21.



## 1.2 Докладные записки: советская версия этноэкспертизы

«Реабилитация» этнологии в 1950-е гг. стала поворотным событием для этнографов и изучаемых ими народов, особенно это коснулось северных регионов, исследование которых имело административный импульс и выраженный прикладной характер. После смерти И. В. Сталина происходит изменение стратегии освоения Севера, основы которой были заложены еще в 1930-е гг. Известный экономист-северовед С. В. Славин, умело следуя «колебаниям партийного курса» и смещая акцент «с диктата развития промышленности на необходимость создания благоприятной среды для человека», инициировал организацию Комиссии по проблемам Севера (с 1958 г. Комиссия находилась в составе Совета по изучению производительных сил Академии наук СССР, с 1962 г. преобразована в Межведомственную комиссию по проблемам Севера СОПС при Госплане СССР). В декабре 1953 г. Славин писал в докладе председателю Совмина СССР Г. М. Маленкову: «Вопросы комплексного развития районов Севера никем не разрабатываются, что ведет к большим потерям в народном хозяйстве, которые практически не учитываются»<sup>109</sup>. Примечательно, что при обсуждении статуса Комиссии выдвигались варианты ее подчиненности Академии Наук и Госплану; в итоге она была приписана к Академии, но с включением в ее состав представителя Госплана. По заданию Комиссии с целью «ознакомления с современной экономикой, хозяйством и бытом» коренных («малых») народов проводились полевые исследования, поскольку решения партии и правительства по вопросам развития хозяйства и культуры требовали от этнографов усиления работы на многих участках<sup>110</sup>.

Сложившаяся в стране политическая ситуация способствовала возобновлению исследований северных территорий, но уже в новой аранжировке этнообследования. Основная задача, которая стояла перед

<sup>109</sup> Калеменова Е. А. Смена моделей освоения советского севера в 1950-е гг. Случай комиссии по проблемам Севера // Сибирские исторические исследования. 2018. № 2. С. 183, 185, 187; см. также: Славин С. В. Промышленное и транспортное освоение Севера СССР. М., 1961.

<sup>110</sup> Золотаревская И. Работа Института этнографии АН СССР в 1954 году // Советская этнография. 1955. № 2. С. 128.

этнографами в этот период, была в ознакомлении с современными процессами в экономике, хозяйстве и быте «малых» народов. Поворот к «конкретным социальным исследованиям» и изучению современного советского общества наблюдался в активизировавшейся деятельности этнографов, философов и (прото)социологов второй половины 1950-х гг., когда для КПСС возникла необходимость «находить новые методы управления страной, основанные не столько на насилии, сколько на внимании к потребностям общества и попытке их удовлетворения»<sup>111</sup>.

Таким образом, в 1954–1955 гг. были сформированы две структуры, сыгравшие ключевые роли в развитии северной этнографии и этнологической экспертизы: (1) Отдел по экономическому и социальному развитию районов проживания народностей Севера и Арктики при Совете Министров РСФСР и (2) Сектор народов Севера<sup>112</sup> в московском отделении Института этнографии, преобразованный в 1956 г. в Сектор по изучению социалистического строительства у малых народов Севера. Синхронно созданные, эти структуры работали в тесном контакте: ученые выполняли задания министерства, участвовали в подготовке правительственных решений, осуществляли консультации и отвечали на запросы партийных и правительственных органов, по результатам полевых наблюдений специально созданной Северной экспедиции составляли и направляли в Отдел Севера Совмина РСФСР докладные записки о состоянии северных народов, включая их реакции на проводимые администрацией мероприятия, традиции и новации в образе жизни, хозяйстве, расселении, культуре, образовании, здравоохранении и т. д.

Взаимодействие чиновников и ученых имело практическим результатом подготовку целого ряда решений и постановлений партии и правительства 1950–1960-х гг. Обновленную повестку национальной политики в отношении коренных народов Севера определило постановление СМ РСФСР № 1778 от 22 декабря 1954 г. «О мерах по дальнейшему развитию экономики и культуры

---

<sup>111</sup> Алымов С. С. Понятие «пережиток» и советские социальные науки в 1950–1960-е гг. // Антропологический форум. 2012. № 16. С. 262.

<sup>112</sup> Постановление Президиума АН СССР № 663 от 10 декабря 1954 г. «Об усилении научно-исследовательских работ по Советскому Северу». АРАН Ф. 2. Оп. 6. Д. 180. Л. 210.

малых народностей районов Севера». 3 сентября 1956 г. на заседании Бюро ЦК КПСС по РСФСР обсуждался вопрос о состоянии работы в районах Севера. 10 декабря 1956 г. Совет Министров РСФСР принял постановление «О мерах помощи в развитии хозяйства и культуры районов Севера», в котором уже ощутима рука эксперта-исследователя — отмечена специализация жителей тундры, лесотундры, тайги и крупных акваторий на оленеводстве и промыслах в зависимости от природных условий, а также допустимость внедрения аграрных отраслей средней полосы (животноводства, огородничества) лишь в экологически и экономически благоприятных обстоятельствах. Постановление ЦК КПСС и СМ СССР № 300 от 16 марта 1957 г. «О мерах по дальнейшему развитию экономики и культуры народностей Севера» содержало кредо советской северной политики:

«В прошлом многие из этих народностей не имели письменности, вели преимущественно кочевой образ жизни и были обречены на вымирание. Теперь, в условиях советского социалистического строя в этих районах создана горнодобывающая промышленность, оснащенная современной техникой, получили развитие рыбная промышленность, водный и воздушный транспорт, а в Коми АССР, Ямало-Ненецком и Таймырском национальных округах построены железные дороги. Народы Крайнего Севера в результате социалистических преобразований, при братской помощи всех народов Советского Союза в основном перешли на оседлость, обеспечили подъем хозяйства, вырастили значительную группу своей интеллигенции...»<sup>113</sup>

В 1956 г. была учреждена Северная экспедиция, которая просуществовала до начала 1990-х гг. По территориальному размаху, количеству полевых отрядов, числу участников и прикладной эффективности результатов, ей не было равных среди отечественных экспедиций XX в.<sup>114</sup> Для проведения экспедиционных исследований привлекались сотрудники сектора Сибири ленинградского отделения Института этнографии, а также студенты и преподаватели факультета народов Севера Ленинградского пединститута им. Герцена.

<sup>113</sup> КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898–1986). М., 1986. Т. 9. С. 175.

<sup>114</sup> Батянова Е. П. Северная экспедиция Института этнографии и ее роль в развитии советской школы полевого этнографического североведения // Поле как жизнь: к 60-летию Северной экспедиции ИЭА РАН. М.; СПб., 2017. С. 13.

Докладные записки по результатам поездок составлялись ежегодно и направлялись в директивные органы для осведомления о положении дел на Севере; они носили закрытый характер и предназначались только для служебного пользования. В некоторых указывался особый адресат, которому предоставлялись собранные сведения: секретный отдел Совета Министров РСФСР, первый заместитель председателя Совета Министров РСФСР, сектор партийных органов Восточной Сибири ЦК КПСС, Госплан РСФСР, экономическая комиссия Совета национальностей Верховного Совета СССР, Министерство здравоохранения РСФСР и др.

Структура записок была примерно одинаковой и не зависела от научных интересов этнографов. В них, с акцентом на проблемных сюжетах, содержались сведения о демографии и характере расселения коренных жителей, экономическом состоянии колхозов, материальном положении колхозников (заработки, жилищно-бытовые условия, питание, обеспеченность одеждой), характеристики культуры и быта, образования, здравоохранения.

Полевые исследования длились от 1,5 до 6 месяцев, а некоторые записки составлялись по итогам экспедиций разных лет. Помимо опросов коренного населения, проводились интервью с председателями колхозов, специалистами сельского хозяйства, работниками райисполкома, привлекались документальные материалы местных учреждений и организаций, сведения из архивов.

В год составлялось от 4 до 10 докладных записок. По их количеству нельзя прямо судить об активности этнографов или об актуальности северной проблематики в госструктурах, но определенная динамика в период 1956–1994 гг. все же прослеживается. Если в 1950-е гг. этот показатель колебался в диапазоне от двух до семи, то к середине 1960-х гг. он снизился до нуля (с 1967 по 1972 гг.), затем последовало некоторое оживление, а на начало 1980-х гг. пришелся резкий взлет, предшествовавший буму этничности и распаду советской системы (рис. 1).

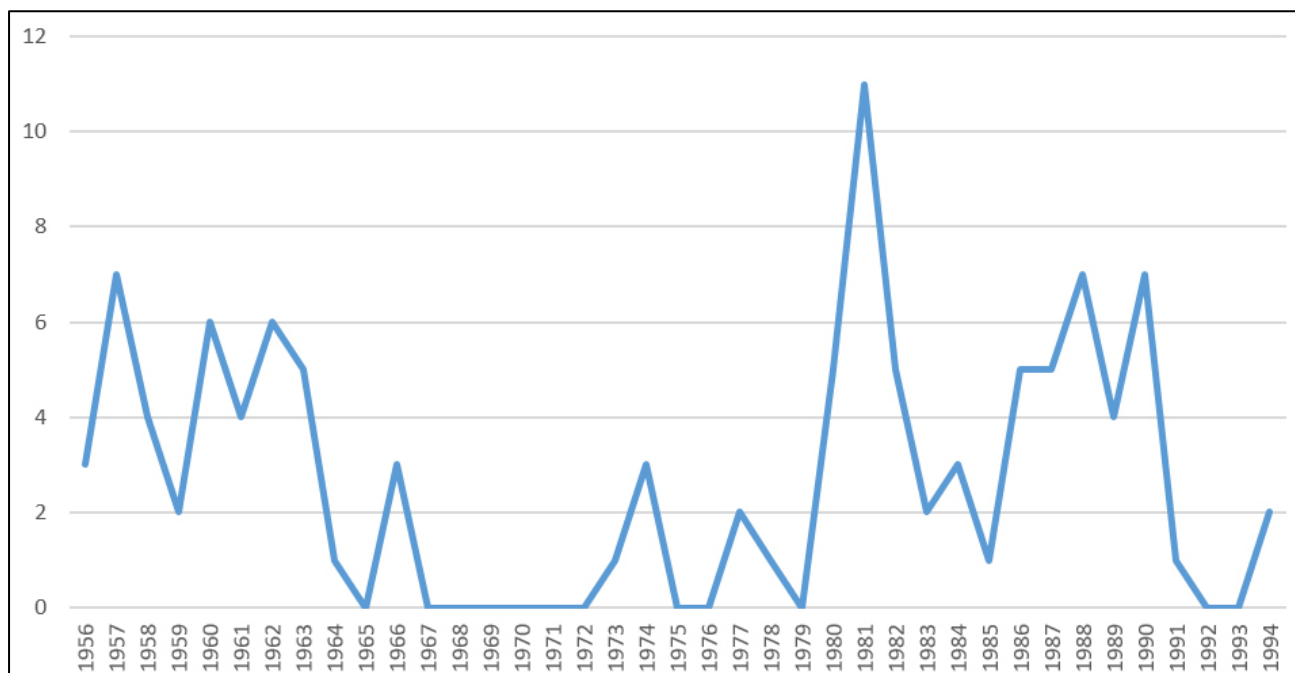


Рис. 1. Схема распределения количества докладных записок по годам исследований (1956–1994)

Экспедиции проводились на территории Российского Севера и Сибири, в современных границах 15 субъектов РФ (рис. 2). Большинство выездов (с четким указанием локации полевого исследования) совершено в Красноярский край (32), Хабаровский край и Чукотский автономный округ (по 12), Ямало-Ненецкий автономный округ (11). Мурманская область, которая никак не фигурирует в отдельных документах, упоминается в записке З. П. Соколовой, посвященной этническим территориям «малочисленных народов Севера, живущих в Арктике и на Крайнем Севере»<sup>115</sup>. Подробные сведения о Северной экспедиции, ее работе, концепциях, основных направлениях, научных и практических результатах изложены в статье Е. П. Батьяновой<sup>116</sup>.

<sup>115</sup> Соколова З. П. Этнические территории малочисленных народов Севера, живущих в Арктике и на Крайнем Севере // Этнологическая экспертиза: Народы Севера России. 1985–1994 годы. М., 2007. С. 266–283.

<sup>116</sup> См.: Батьянова Е. П. Северная экспедиция Института этнографии (1956–1991 гг.) // Этнографическое обозрение. 2013. № 4. С. 17–34.

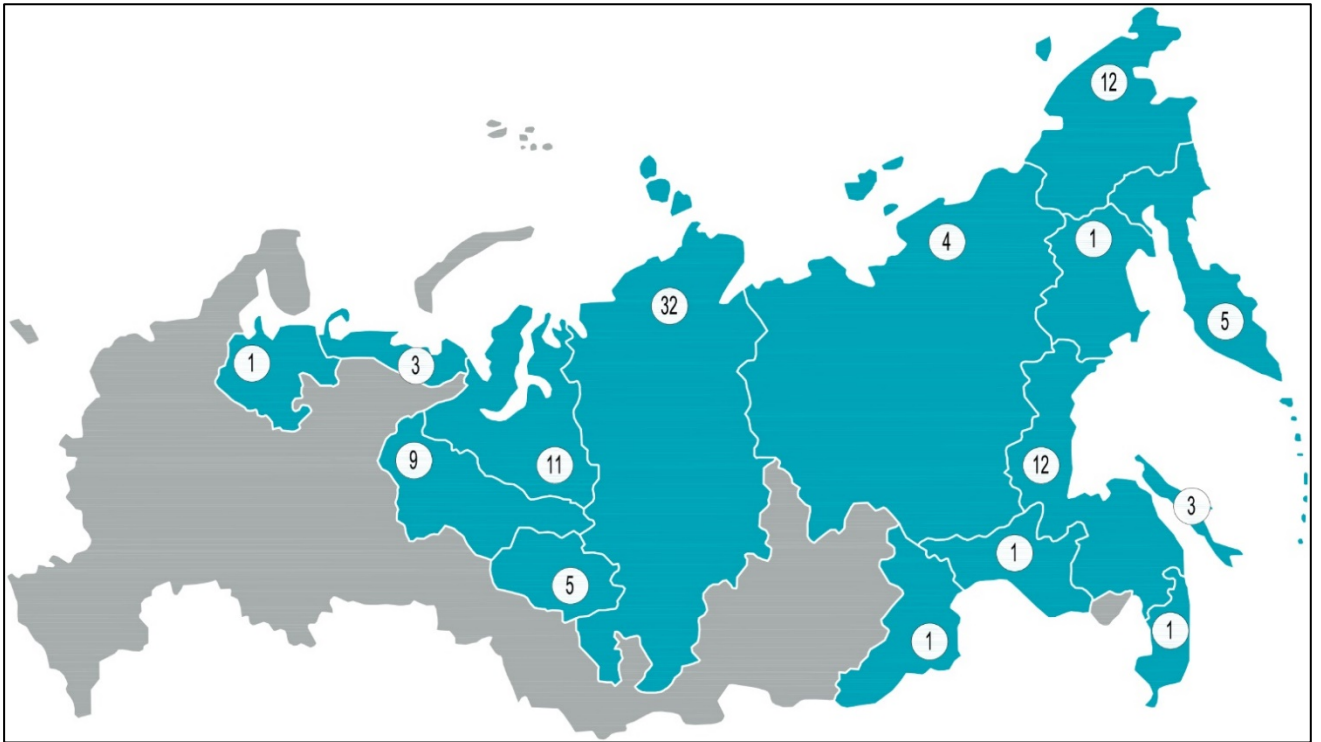


Рис. 2. Территория проведения полевых исследований по данным докладных записок (1956–1994)

Из 106 проанализированных документов девять посвящены общим вопросам малых народов Севера (например, «О положении малых народов Севера и о мероприятиях по подъему их хозяйства, культуры и улучшению быта»<sup>117</sup>, «Некоторые социально-экономические проблемы современного развития народностей Севера в свете решений директивных органов»<sup>118</sup>). Остальные записки составлены либо о конкретной этнической группе («О положении кетов в национальных колхозах Туруханского района Красноярского края»<sup>119</sup>), либо о коренном населении территории («Положение коренного населения Туруханского района Красноярского края»<sup>120</sup>). В докладных записках давались сводки о каждой проживающей на территории исследования группе, общая характеристика населения или сведения сразу о нескольких народах. Всего в документах представлены данные о 28 этнических

<sup>117</sup> Этнологическая экспертиза: Народы Севера России. 1959–1962 годы. М., 2005. С. 155–180.

<sup>118</sup> Гурвич И. С. Некоторые социально-экономические проблемы современного развития народностей Севера в свете решений директивных органов // Этнологическая экспертиза... 1985–1994 годы. С. 101–107.

<sup>119</sup> Алексеенко Е. А., Итс Р. Ф. О положении кетов в национальных колхозах Туруханского района Красноярского края // Этнологическая экспертиза: Народы Севера России. 1956–1958 годы. М., 2004. С. 252–272.

<sup>120</sup> Алексеенко Е. А., Итс Р. Ф. Положение коренного населения Туруханского района Красноярского края // Этнологическая экспертиза... 1959–1962 годы. С. 114–125.

группах (рис. 3), среди которых чаще всего упоминаются эвенки (21), ненцы (13), селькупы, ханты и чукчи (11).

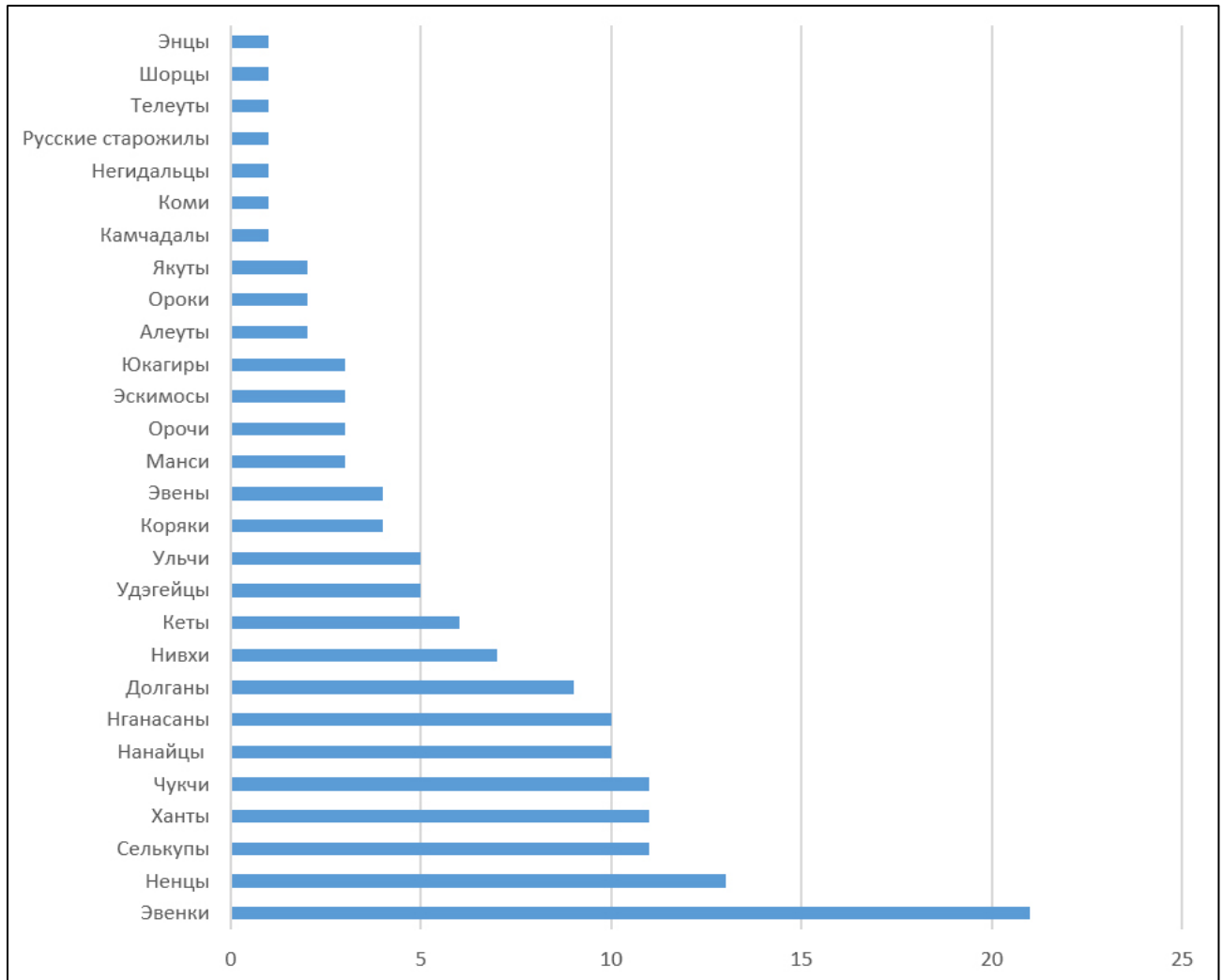


Рис. 3. Частота упоминаний этнических групп в докладных записках (1956–1994)

Большинство записок представляют собой обзоры и оценки современного положения того или иного народа/народов по ряду характеристик, включая хозяйство колхозов/промхозов, материальное положение его членов, снабжение региона, вопросы культуры, быта, здоровья и здравоохранения. Некоторые сюжеты, например, проблема алкоголизма и «сухого закона» — словами Б. О. Долгих, «совершенно безобразное положение с завозом спирта»<sup>121</sup> — удостоились внимания на протяжении всего рассматриваемого периода. Документы, посвященные экспертизе по конкретной тематике, появляются

<sup>121</sup> Долгих Б. О. О положении малых народов Севера и о мероприятиях по подъему их хозяйства, культуры и улучшению быта // Этнологическая экспертиза... 1959–1962 годы. М., 2005. С. 174.

только в 1980-е гг., например, А. В. Смоляк «О взаимоотношениях народов Севера и Сахалина Хабаровского края с окружающим населением», В. З. Панфилов и А. В. Смоляк «О проблемах преподавания нивхского языка в школе», В. И. Васильев «К проблеме строительства магистрального газопровода и железной дороги на полуострове Ямал»<sup>122</sup>.

Этнограф, выступая в роли эксперта, давал оценку современному положению народа и в большинстве случаев излагал свои предложения, которыми следует руководствоваться в отношении изучаемого сообщества. И, если в открытых публикациях этнографы предпочитали сдержанный тон<sup>123</sup>, то в докладных записках могли позволить себе критику. Так, например, вот, что они писали по вопросу одной из главных задач строительства социализма у народов Севера — переводу на оседлость кочевников-оленеводов:

«За последние годы развернулась работа по переводу на оседлость кочевого населения, в связи с чем усиленно ведется строительство домов. Предполагается каждому пастуху, бригадиру построить дом. В некоторых колхозах уже добились того, что часть женщин и детей остались на центральных усадьбах, а их мужья находятся в стадах. Этим мероприятием, которое, кстати, не поддерживается оленеводами, разлучили членов семьи, разорвали единый семейный организм на две части, что явно вредно как для экономики этой семьи, так и для ее моральных устоев. Вредно это и для производства, так как пастухи всегда стремятся к семье, бросают свои стада, приезжают на усадьбу и задерживаются здесь, несмотря ни на какие резоны со стороны руководства колхозов. Чукчи-оленеводы, проживающие на центральной усадьбе, в любой момент готовы возвратиться к кочевому быту, особенно семьи пастухов» (И. С. Вдовин)<sup>124</sup>.

«...резкая ломка привычных условий быта, сделанная даже с самыми лучшими намерениями, в отношении народов Севера может привести к самым отрицательным результатам. То, что оседлость сама по себе не спасает народы Севера от вымирания, показывает судьба азиатских эскимосов... Поэтому нельзя считать правильной установку Постановления Совета Министров РСФСР от 20 февраля 1960 г. за № 264,

<sup>122</sup> Смоляк А. В. О взаимоотношениях народов Севера и Сахалина Хабаровского края с окружающим населением // Этнологическая экспертиза... 1981–1984 годы. М., 2006. С. 176–180; Панфилов В. З., Смоляк А. В. О проблемах преподавания нивхского языка в школе // Этнологическая экспертиза... 1981–1984 годы. С. 220–223; Васильев В. И. К проблеме строительства магистрального газопровода и железной дороги на полуострове Ямал // Этнологическая экспертиза... 1985–1994 годы. С. 83–88.

<sup>123</sup> См., напр.: Новая жизнь народов Севера. М., 1967. С. 66, 68.

<sup>124</sup> Вдовин И. С. О состоянии экономики, культуры и быта чукчей Марковского и Анадырского районов Чукотского национального округа // Этнологическая экспертиза... 1956–1958 годы. С. 136.



которая намечает перевод на оседлость всего населения Севера в 2–3 года... формальное выполнение постановления о переводе всех 12 тыс. семей, осваивающих третью часть территории РСФСР, на оседлость в 2–3 года может принести не пользу, а вред» (Б. О. Долгих)<sup>125</sup>.

«...в ряде случаев огульный перевод на оседлость и проводившееся вместе с этим сселение в поселки привели к отрыву коренного населения от его промысловых угодий и обезлюдило значительные пространства Севера, которые теперь перестали осваиваться человеком. Стремление превратить огромные пространства советского Севера в безлюдные пустыни опасно и с оборонной точки зрения. Как известно, Север является пограничной зоной нашей страны. Прекращение регулярных передвижений оленеводов и охотников по тундре и тайге, исчезновение в глубинных районах Севера населения, знающего каждую пядь своей территории, может иметь весьма отрицательные последствия для дела обороны СССР с Севера» (Б. О. Долгих)<sup>126</sup>.

«Там, где пастухи кочуют без семей, оленеводство быстро падает. Так, в Олюторском районе пастухи живут без семей, поэтому стремятся в поселок, оставляют стада без присмотра и оленей уничтожают волки» (И. С. Гурвич)<sup>127</sup>.

«Однако большая работа по переходу на оседлость коренного населения, связанная с большими затратами на строительство, ведение новых отраслей, в ряде случаев не привели к желаемым результатам... Подвижность в быту и образ жизни хантов остались прежними. Они переезжают с участка на участок семьями, живя там в чумах... Чаше новые дома в поселках стоят пустые и заброшенные или же в них живут приезжие специалисты» (З. П. Соколова)<sup>128</sup>.

«Трудно решить вопрос о переводе оленеводов на оседлость. Даже когда будет полностью решена проблема ликвидации бытового кочевания, сохранится кочевание производственное» (А. В. Смоляк)<sup>129</sup>.

Подобными суждениями, основанными на экспертном мнении, этнографы пытались влиять на политику, нарушая тем самым принцип советского единомыслия. Другой сверхзадачей власти этого периода было преобразование культуры. В этой части этнографическая экспертиза призвана была определить с какими «пережитками» следует покончить, а какие традиции можно применить к

<sup>125</sup> Долгих Б. О. О положении малых народов Севера и о мероприятиях по подъему их хозяйства, культуры и улучшению быта // Этнологическая экспертиза... 1959–1962 годы. С. 168–169.

<sup>126</sup> Там же. С. 169.

<sup>127</sup> Гурвич И. С. Информация о жизни и быте коряков Корякского национального округа Камчатской области // Этнологическая экспертиза... 1956–1958 годы. С. 168.

<sup>128</sup> Этнологическая экспертиза... 1959–1962 годы. С. 353.

<sup>129</sup> Смоляк А. В. О необходимости передачи пяти национальных колхозов Хабаровского края в систему промхозов // Этнологическая экспертиза: Народы Севера России. 1963–1980 годы. М., 2006. С. 86.

социализму на Севере. Наиболее жарко обсуждались нововведения в экономике, технике, материальной культуре; сомнений в целесообразности новаций не было, но споров о конкретных новшествах предостаточно. И. С. Гурвич в серии докладных записок из Восточной Сибири и Камчатки предлагал «расширить жилищное строительство», «разработать для оленеводов передвижные разборные жилища со всеми удобствами» и наладить их промышленное (заводское) производство, сконструировать легкую разборную мебель из алюминиевых трубок. Правда, позднее он же сообщал, что построенные жилища оказались не приспособлены к условиям Севера. Л. В. Хомич дополняет картину известиями из Ямало-Ненецкого округа: «Те переносные жилища, которые присылают, не годны: они очень тяжелы для перевозки, пластмассовые крепления быстро ломаются и т. д.»<sup>130</sup>

Энтузиазм этнографов по поводу новаций не распространялся на огородничество и животноводство, которые шаблонно переносились в регионы Севера сторонниками перевода кочевников на оседлость. Во многих докладных записках 1950–1960 гг. этнографы выступали против неразумного насаждения сельскохозяйственного производства. Наблюдая, как развитие отраслей, нерентабельных на северных территориях, наносит ущерб традиционному промысловому хозяйству, они отмечали «неправильное определение основной отрасли хозяйства»<sup>131</sup> и призывали не придавать земледельческого сельскохозяйственного направления колхозам, прекратить опыты по введению новых отраслей хозяйства<sup>132</sup>; основное внимание сосредоточить на развитии традиционных форм хозяйства (олeneводство, охота, рыболовство)<sup>133</sup>; отказаться

<sup>130</sup> Гурвич И. С. Материалы обследования эвенов Ольского и Северо-Эвенского районов // Этнологическая экспертиза... 1956–1958 годы. С. 52; Гурвич И. С. Информация о жизни и быте коряков Корякского национального округа Камчатской области // Этнологическая экспертиза... 1956–1958 годы. С. 167; Хомич Л. М. О современном положении коренного населения в Ямало-Ненецком национальном округе Тюменской области // Этнологическая экспертиза... 1963–1980 годы. С. 167; Гурвич И. С. Некоторые социально-экономические проблемы современного развития народностей Севера в свете решений директивных органов // Этнологическая экспертиза... 1985–1994 годы. С. 102.

<sup>131</sup> Туголуков В. А. О современном положении эвенов Охотского побережья // Этнологическая экспертиза... 1956–1958 годы. С. 97.

<sup>132</sup> Гурвич И. С. Материалы обследования... С. 51.

<sup>133</sup> Гурвич И. С. О положении быстринских эвенков Камчатской области // Там же. С. 184.

от всех побочных занятий<sup>134</sup>; «животноводство и полеводство, как совершенно нерентабельные отрасли хозяйства, нужно ликвидировать»<sup>135</sup>.

Одна из проблем, которая отмечалась во многих докладных записках периода 1950–1970 гг. — низкий культурный уровень местного населения. Для ее решения этнографы предлагали, например, на Чукотке окружному отделу кинофикации составлять на чукотском языке 5–6 страниц фабулы идейного содержания кинофильмов и прочитывать или пересказывать их перед сеансом<sup>136</sup>, а на Камчатке расширить сеть киноустановок и ввести твердый график их посещения оленеводческими бригадами<sup>137</sup>. Проблема безграмотности отмечалась не только у коренного населения, подчеркивался низкий уровень осведомленности о местных национальных особенностях русскими, работающими на Севере: «необходимо как-то готовить специалистов, посылаемых на Север <...> Нельзя посылать на Север девочек, только что окончивших техникумы». Описывалась ситуация, когда учитель нулевых классов не подозревала, что среди ее учеников дети разных народностей, говорящих на разных языках. В той же записке сообщалось, что «председатель Таймырского окрисполкома тов. Колониченко не знал, что нганасаны живут только у него в округе»<sup>138</sup>. Этнографы настаивали на использовании «положительных традиций национальной культуры» и предлагали давать «приезжим работникам Севера хотя бы минимальную этнографическую подготовку, чтобы научить их уважать самобытную культуру народов Севера и удерживать их от некоторых благоглупостей»<sup>139</sup>. «Желательно, чтобы в национальных округах и районах Севера были штатные этнографы-

<sup>134</sup> Туголуков В. А. О положении коренного населения Эвенкийского национального округа // Этнологическая экспертиза... 1956–1958 годы. М., 2004. С. 240.

<sup>135</sup> Вдовин И. С. О состоянии экономики, культуры и быта чукчей Марковского и Анадырского районов Чукотского национального округа // Там же. С. 138.

<sup>136</sup> Там же. С. 139.

<sup>137</sup> Гурвич И. С. Информация о жизни и быте коряков Корякского национального округа Камчатской области // Там же. С. 168.

<sup>138</sup> Долгих Б. О., Файнберг Л. А. О положении коренного населения Авамского района Таймырского национального округа // Там же. С. 197.

<sup>139</sup> Долгих Б. О. О положении малых народов Севера и о мероприятиях по подъему их хозяйства, культуры и улучшению быта // Этнологическая экспертиза... 1959–1962 годы. С. 176.

консультанты. Эти этнографы могли бы взять на себя функции уполномоченных центрального органа по делам народов Севера»<sup>140</sup>.

В 1970-х гг. в докладных записках появляются сведения, что во многих регионах Севера мероприятия, проводимые властью — переход на оседлость, отрыв от семьи и проживание в школах-интернатах, сказались на развитии оленеводства. Этнографы связывают падение показателей оленеводства с «плохой работой бригад» из-за нарушений преемственности опыта. В этот период ушли на пенсию последние представители оленеводов, воспитывавшиеся в тундре, их заменила молодежь, «выросшая в школах-интернатах в отрыве от традиционного труда и родителей», где «работа по профессиональной ориентации и трудовому воспитанию детей» не велась. Возвращаясь в тундру, молодое поколение не знает специфики местных условий и не имеет необходимых навыков для оленеводства<sup>141</sup>. На Чукотке И. С. Гурвич предлагалось решать эту проблему в двух взаимосвязанных направлениях: во-первых, правильным распределением «олeneводо в старшего поколения в бригадах, чтобы молодые перспективные пастухи в процессе повседневной работы могли перенимать опыт», стажировкой «молодых пастухов в других бригадах у опытных работников», а во-вторых, внесением изменений в систему школьного воспитания — уделять больше внимания оленеводству, ввести практику в стадах во время летних каникул<sup>142</sup>. Следует заметить, что правильная политехнизация северных школ, летняя и зимняя практики рекомендовались Институтом этнографии еще в 1961 г., о чем была составлена соответствующая записка в Министерство просвещения РСФСР «О специальном трудовом обучении в сельских школах районов Севера Российской Федерации»<sup>143</sup>.

В начале 1980-х гг. все чаще стали появляться сведения об утрате родного языка и обострении межнациональных отношений, вызванные снижением

<sup>140</sup> Там же. С. 178.

<sup>141</sup> Лебедев В. В. О современном положении коренного населения Хатангского района Таймырского автономного округа // Этнологическая экспертиза... 1985–1994 годы. С. 10–11.

<sup>142</sup> Гурвич И. С. Коренное население Амгуэмского сельского совета Чукотского автономного округа // Этнологическая экспертиза... 1963–1980 годы. С. 345–346.

<sup>143</sup> Долгих Б. О. О положении малых народов Севера и о мероприятиях по подъему их хозяйства, культуры и улучшению быта // Этнологическая экспертиза... 1959–1962 годы. С. 176.

материального уровня жизни, утратой черт национальной культуры «в условиях растворения малочисленного коренного населения среди приезжего»<sup>144</sup>. С одной стороны, проблемы возникали на почве менее благоприятного положения коренного населения<sup>145</sup>, отмечается пренебрежительное отношение русских к представителям малых народов<sup>146</sup>, «нередки случаи оскорбления и избиения»<sup>147</sup>, «большой разрыв в оплате труда, в обеспеченности жильем и его благоустройстве, вытеснение приезжим населением коренного из традиционных отраслей хозяйства <...> занятие приезжим населением основных руководящих постов и должностей специалистов»<sup>148</sup>. С другой стороны, описываются и обратные ситуации, когда русское население, длительное время проживающее на Севере, считало себя ущемленным из-за наличия правительственных льгот для коренного населения: «теперь русским обидно»<sup>149</sup>.

В докладных записках этого периода все чаще обозначаются «интересы коренного населения», особенно в связи с «проблемами экологии и промышленного освоения», от решения которых «зависит развитие традиционного хозяйства народов Севера, их культуры, само их существование»<sup>150</sup>. О негативных последствиях добычи нефти и газа сообщается во многих докладных записках: «выбивается ягель, пастбища заливаются нефтью»<sup>151</sup>; «численность оленей, запасы рыбы, зверя и птицы сокращаются», «нефтяные ручьи длиной до 50 км и шириной 150–200 м текут в Сургутском районе»<sup>152</sup>; реки загрязняются отходами нефти и лесом<sup>153</sup>; «тайга засыпана

<sup>144</sup> Соколова З. П. Социально-экономическое развитие народностей Севера и межнациональные отношения // Этнологическая экспертиза... 1985–1994 годы. С. 169.

<sup>145</sup> Лукьянченко Т. В. Некоторые проблемы социального развития, межнациональных отношений и переустройства быта коренного населения Илимпейского района Эвенкийского автономного округа // Там же. С. 185–189.

<sup>146</sup> Гурвич И. С. О некоторых негативных явлениях в национальном строительстве и национальных взаимоотношениях на Севере и в Сибири // Там же. С. 23.

<sup>147</sup> Лебедев В. В. Социальное и этническое развитие коренного населения Новорыбинского сельсовета Таймырского автономного округа // Там же. С. 148.

<sup>148</sup> Соколова З. П. Вопросы межнациональных отношений у народов Крайнего Севера // Там же. С. 215–216.

<sup>149</sup> Симченко Ю. Б. Некоторые вопросы межнациональных отношений у народов Крайнего Севера // Там же. С. 314.

<sup>150</sup> Соколова З. П. Социально-экономическое развитие народностей Севера и межнациональные отношения // Там же. С. 174.

<sup>151</sup> Кузакова Е. А. О поездке в Березовский, Октябрьский районы и в г. Ханты-Мансийск (путевые заметки) // Там же. С. 41.

<sup>152</sup> Соколова З. П. Проблемы сохранения национальной культуры коренного населения Ханты-Мансийского автономного округа Тюменской области // Там же. С. 109.

пенопластом»<sup>154</sup>. На Чукотке «прогрессирующее расширение площадей золоторазработок, частые пожары, выгорание пастбищ подрывают оленеводство»<sup>155</sup>. Появляются докладные записки, связанные с реализацией конкретных хозяйственных проектов на Ямале<sup>156</sup>, в Приморском крае<sup>157</sup>. Впрочем, призывы этнографов учитывать интересы коренного населения при разработке планов геологоразведочных работ и промышленного строительства звучали уже в 1960-е гг.<sup>158</sup> В Томской области В. И. Васильев во избежание экологического ущерба от промышленности и для сохранения культуры селькупов рекомендует организовать национальные поселки, которые вместе с прилегающей территорией должны получить статус государственных национальных заказников<sup>159</sup>. На Ямале «с точки зрения оптимального сочетания строительства с интересами коренного населения» он предлагал альтернативный вариант прокладки газопровода, «изучение опыта строительства подобных объектов на Американском Севере», «предусмотреть расходы на проведение историко-культурного изучения трассы будущего строительства <...> с целью фиксации, а в необходимых случаях и перетранспортировки в музеи основных памятников национальной культуры», проведение систематических работ по изучению и сохранению культуры ненцев Ямала в рамках «Программы социального, этнического и хозяйственно-культурного развития коренного населения» в связи с промышленным освоением региона<sup>160</sup>. Эти разработки уже

---

<sup>153</sup> См., напр.: Соколова З. П. Некоторые вопросы развития национальной культуры коренного населения Ханты-Мансийского автономного округа Тюменской области // Этнологическая экспертиза... 1985–1994 годы. С. 119–120; Она же. Вопросы социально-культурного и экономического развития хантов // Там же. С. 159; Она же. Вопросы межнациональных отношений у народов Крайнего Севера // Там же. С. 213; Пивнева Е. А. Некоторые проблемы современного развития коренного населения Березовского района Ханты-Мансийского автономного округа // Там же. С. 254;

<sup>154</sup> Соколова З. П. Актуальные вопросы современного развития экономики и культуры хантов Сургутского и Нижневартовского районов Ханты-Мансийского автономного округа Тюменской области // Там же. С. 191–209.

<sup>155</sup> Гурвич И. С. Актуальные вопросы развития промыслового хозяйства, быта и культуры коренного населения северо-востока Чукотского автономного округа // Там же. С. 131.

<sup>156</sup> Васильев В. И. К проблеме строительства магистрального газопровода и железной дороги на полуострове Ямал // Там же. С. 83–88.

<sup>157</sup> Соколова З. П. Экспертное заключение по ТЭО совместного советско-южнокорейского предприятия в пос. Светлая Тернейского р-на Приморского края, разработанного проектным институтом Гипролестранс // Там же. С. 256–265.

<sup>158</sup> Хомич Л. М. О современном положении коренного населения в Ямало-Ненецком национальном округе Тюменской области // Этнологическая экспертиза... 1963–1980 годы. С. 172.

<sup>159</sup> Васильев В. И. Селькупы Томской области: проблемы национального развития // Этнологическая экспертиза... 1985–1994 годы. С. 128.

<sup>160</sup> Васильев В. И. К проблеме строительства магистрального газопровода. С. 88.

непосредственно предшествуют и по существу соответствуют этноэкспертизе постсоветского времени. Краткость записок не снижает их основательности: они были вписаны в контекст регулярного этнографического мониторинга районов Крайнего Севера и потому в каждом конкретном случае не нуждались в многословном и многостороннем описании.

Большинство рекомендаций, предлагаемых этнографами на протяжении всего периода подготовки докладных записок, иллюстрировали их заинтересованность в улучшении качества жизни народов Севера в социально-культурном и экономическом аспектах, однако, что касается духовной составляющей, то здесь очевидно проявлялась зависимость научной дисциплины от политического курса. Так, например, в Хабаровском крае этнографы призывали к искоренению традиционных этнических верований. «В селах, особенно среди коренного населения, почти нигде не ведется антирелигиозная пропаганда»<sup>161</sup>. «К сожалению, эта тема — не модная, и работы, в которых описываются религиозные сюжеты, у нас почти не печатают. Но до тех пор, пока с пережитками религиозных верований не будет проводиться никакой борьбы, они не исчезнут из быта. <...> Нужно создать антирелигиозную литературу, связанную с верованиями коренного населения Сибири и Дальнего Востока. Это, как нам кажется, долг этнографов, в руках которых находятся уникальные материалы по бытующим первобытным религиозным верованиям»<sup>162</sup>.

Составление докладных записок являлось устойчивым алгоритмом государственного заказа и не было направлено на решение фундаментальных научных проблем. Анализ документов свидетельствует о том, что этнографы, как эксперты, пытались во многом корректировать национальную политику Советского государства по отношению к народам Севера, однако, следование предложениям, которые формулировались в заключительной части, всегда оставалось в ведении соответствующих властных структур. Как отмечают З. П. Соколова и Е.А. Пивнева, к числу реальных результатов экспертиз можно

---

<sup>161</sup> Смоляк А. В. О необходимости передачи пяти национальных колхозов Хабаровского края в систему промхозов // Этнологическая экспертиза... 1963–1980 годы. С. 108.

<sup>162</sup> Там же. С. 110.

отнести, например, прекращение массового перевода на оседлость, сокращение не свойственных Северу занятий сельским хозяйством, ограничение завоза спиртных напитков, распространение северных льгот на коренное население, улучшение здравоохранения и образования<sup>163</sup>. В настоящее время докладные записки советских этнографов, содержащие большой объем непосредственных наблюдений и статистических данных, являются источниками по истории северных народов и национальной политике советской власти.

А. Н. Ямсков сравнивает жанр советских докладных записок с первым этапом становления прикладной антропологии в США по Дж. Уилленгену, для которого характерно привлечение исследователей-этнологов в роли консультантов государственных органов и частных компаний без участия «в воплощении в жизнь собственных рекомендаций»<sup>164</sup>. Сравнение уместно с учетом того, что в СССР госзаказ был заметно жестче, и следование директивам партии и правительства считалось обязательным. Если считать эту практику этноэкспертизой (хотя такого термина еще не было), то точнее, в духе времени, называть ее не этнологической, а этнографической.

Советская этноэкспертиза служила своего рода трансмиссией между интересами советского государства и северных народов. Этот мониторинг велся как плановая долговременная экспертиза по единой программе на всем пространстве советского Севера. Докладные записки — лишь вершина айсберга, часть системы циркуляции информации, которой подпитывалось управление Севером. Эта система включала в себя экспертизу, которая, с одной стороны, подкрепляла этнографическими данными социалистическую идеологию, с другой — содержала в себе элементы внешней — академической — оценки.

### **1.3 Современные концепции и подходы**

Советская этноэкспертиза как оценка включенности народов в «строительство социализма» постепенно сменилась востребованностью экспертов-этнологов в институтах партийной и государственной власти.

<sup>163</sup> Этнологическая экспертиза... 1956–1958 годы. С. 6–7.

<sup>164</sup> Ямсков А. Н. Этноэкологические экспертизы... С. 16–17.



Особенно остро это стало проявляться с 1980-х гг., когда речь касалась национальной проблематики<sup>165</sup>. В этот период, по мнению Т. Д. Соловей, «этнополитическая динамика приобрела саморазвивающийся характер, в то время как способность государства к решительным действиям прогрессирующе снижалась»<sup>166</sup>. При правительственных учреждениях для решения практических задач стали организовываться временные исследовательские группы<sup>167</sup>, а с конца 1980-х — начала 1990-х гг. этнологи стали принимать активное участие в экспертизе крупных социальных государственных проектов<sup>168</sup> и разрабатывать методологические концепции таких исследований. Нередко консультации этнологов перерастали в формы сотрудничества с правительственными органами. Многие ученые из Института этнологии РАН участвовали в законотворческой деятельности<sup>169</sup>.

Однако, несмотря на высокую степень востребованности, на территории Российской Федерации этнологические экспертизы проводились (и проводятся сейчас) в основном в отношении коренных малочисленных народов и связаны с активным освоением ресурсов. Это обусловлено тем, что в отечественном законодательстве определение этноэкспертизы содержится только в законе «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации» (1999 г.) и звучит как «научное исследование влияния изменений исконной среды обитания малочисленных народов и социально-культурной ситуации на развитие этноса»<sup>170</sup>. В качестве государственной, этнологическая экспертиза

<sup>165</sup> Чешко С. В. Советские этнографы о «национальной политике» в СССР: комментарий к документам // Этнографическое обозрение. 2006. № 2. С. 144.

<sup>166</sup> Соловей Т. Д. История российской этнологии в очерках. XVIII — начало XXI в. М., 2022. С. 522.

<sup>167</sup> Ямсков А. Н. Этноэкологические экспертизы... С. 17.

<sup>168</sup> В. В. Степанов, Н. А. Лопуленко в своих работах среди прочих перечисляют такие проекты, как проект строительства каскада ГЭС на Алтае (по заказу Гидропроекта РФ, 1990–1993 гг.); проект миграционной политики в Российском Нечерноземье (Госкомтруд СССР, 1990–1991 гг.); картографирование этноконфликтных территорий РФ для целей адекватной промышленной политики (Госкомитет РФ по промышленной политике, 1993 г.). См.: Степанов В. В. Введение. Этнокультурная среда требует защиты // Методы этноэкологической экспертизы. С. 12.; Лопуленко Н. А. Исследования по прикладной и неотложной этнологии: (1990–2011): аналитический обзор. М., 2012. С. 32–33. Об одном из проектов этого периода коротко рассказано в статье: Филиппова Е. И., Филиппов В. Р. Комментарий: Катунский проект: как это было // Этнографическое обозрение. 2018. № 6. С. 80–82.

<sup>169</sup> Соколова З. П., Новикова Н. И., Ссорин-Чайков Н. В. Этнографы пишут закон: контекст и проблемы // Этнографическое обозрение. 1995. № 1. С. 74–86.

<sup>170</sup> Федеральный Закон от 30 апреля 1999 г. № 82-ФЗ «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации».

проводится только в Республике Саха (Якутия), где соответствующий закон принят на региональном уровне<sup>171</sup>. Помимо этого, она проводится как этнологический компонент в рамках государственных историко-культурных или экологических экспертиз (ЯНАО, ХМАО — Югра, Бурятия) или как вариант общественной этнологической экспертизы (ЯНАО, НАО, Кемеровская область)<sup>172</sup>. Кроме того, существует целый ряд прикладных исследований, которые не имеют в своем названии термина «этнологическая экспертиза», однако по ряду признаков могут быть отнесены к ней.

Систематизируя материалы различных методологических подходов к проведению этнологических экспертиз с точки зрения трактовки основных определений, охарактеризуем их принципиальные особенности<sup>173</sup>.

Этноэкологический подход представлен в работах К. Б. Клокова, В. В. Степанова и их коллег. Методологическая основа этого подхода, основанная на этнической экологии, изучающей общности во взаимосвязи с окружающей средой, разрабатывалась с 1989 г. в рамках стандартных методов анализа административных решений и проектов, затрагивающих этнические общности. Данная форма анализа получила название «этноэкологическая экспертиза»<sup>174</sup>. Согласно этой методологии, «этнические общности имеют особую внутреннюю структуру, которая находится в определенном балансе с окружающей средой. Нарушение баланса приводит общность в неустойчивое состояние с разными негативными последствиями»<sup>175</sup>.

Экспертиза в данном случае призвана проанализировать проект с точки зрения последствий для местной этнокультурной среды и общности населения.

<sup>171</sup> Закон республики Саха (Якутия) от 14 апреля 2010 года № 820-3 № 537-IV «Об этнологической экспертизе в местах традиционного проживания и традиционной хозяйственной деятельности и на территориях традиционного природопользования коренных малочисленных народов Севера Республики Саха (Якутия)»; См.: Слещов А. Н. Государственная этнологическая экспертиза... С. 17.

<sup>172</sup> «Классификация» этнологических экспертиз, основанная на возможных вариантах ее проведения, была представлена в докладе Д. А. Функа. См.: Функ Д. А. «Этнологическая экспертиза» по-русски // XII Конгресс антропологов и этнологов России. С. 418. Подробнее об этнологическом исследовании в рамках историко-культурной экспертизы см.: Адаев В. Н. Из опыта проведения... С. 35–42; об экспертизе в Бурятии см.: Сирина А. А., Фонда Г. Призрак нефтепровода на Севере Байкала // Этнографическое обозрение. 2008. № 3. С. 60–70.

<sup>173</sup> Ряд положений раздела опубликован в статье: Данилова Е. Н. Этнологическая экспертиза: современные концепции и подходы // Уральский исторический вестник. 2018. № 1 (58). С. 127–134.

<sup>174</sup> Методы этноэкологической экспертизы. С. 7.

<sup>175</sup> Там же. С. 8

Ее главная цель — способствовать предотвращению кризисных ситуаций — достигается с помощью решения следующих задач. Во-первых, выяснить состояние конкретной этнической общности, насколько она устойчива в демографическом и социальном отношениях. Во-вторых, определить, может ли управленческое решение оказать негативное влияние на местное население и этнокультурную среду. В-третьих, установить, какие последствия возникнут для этнокультурных групп, в случае, если конкретное управленческое решение будет принято. И, наконец, выяснить, существуют ли возможности модификации проекта или принятия альтернативного решения. Сам процесс экспертизы представляет собой комплекс разноотраслевых научных экспресс-исследований, которые проводятся независимо друг от друга, но объединены целями, объектом и этапами изучения.

Основные положения и методы этого подхода были изложены в 1999 г. в работе В. В. Степанова<sup>176</sup>. Сегодня исследователи-эксперты, работающие в таком контексте, определяют объект этноэкологической экспертизы «как традиционную этническую общность (ТЭО). Такое определение фиксирует внимание на этничности и традиционности и не содержит никаких дополнительных ограничений, оно может быть применено практически во всех случаях, когда проводится экспертиза. Этнический состав ТЭО может быть неоднородным, она может состоять из нескольких этнических компонентов. В территориальном плане ТЭО может быть представлена и отдельной семьей, и всем коренным населением РФ»<sup>177</sup>. Однако далее, авторы подчеркивают, что с точки зрения теории правильнее считать объектом экспертизы «этноэкологическую систему, состоящую в целом из традиционной этнической общности и этнокультурной среды (ЭКС), которая ею создается и является необходимым условием ее существования. На практике ТЭО и ЭКС обычно

---

<sup>176</sup> Там же.

<sup>177</sup> Клоков К. Б. Теоретическое обоснование этноэкологической экспертизы для оценки воздействия индустриального освоения на традиционное природопользование коренного населения Севера // Прикладная этнология и актуальные проблемы государственной этнонациональной политики... С. 99.

изучаются и оцениваются отдельно»<sup>178</sup>. Помимо самой экспертизы предлагается также выполнять этнологическое сопровождение проекта — комплекс прикладных этнологических работ, выполняемых экспертами в связи с разработкой и реализацией какого-либо проекта, затрагивающего интересы коренного населения<sup>179</sup>. Следует отметить, что, несмотря на столь детальную проработку методологии, экспертиз, выполненных в этой исследовательской стратегии, в свободном доступе нет, некоторые данные можно найти только в статьях самих экспертов<sup>180</sup>.

Принципиально другой подход, основанный на теоретико-методологических разработках и прикладном опыте систематических мониторинговых и экспертных этносоциальных исследований, складывался на базе Кемеровского государственного университета, под руководством А. Н. Садового. Эти исследования проводились с 1993 г. на территории Кемеровской области для анализа многолетней динамики показателей социального и экономического развития коренных малочисленных народов<sup>181</sup>.

Сторонники этого направления активно занимаются методическими разработками и считают, что их методика не имеет аналогов в российской этнологической практике; этнологическую экспертизу 2004 г.<sup>182</sup> видят первой попыткой «комплексно исследовать сложившуюся этносоциальную ситуацию в местах компактного проживания коренной малочисленной народности с

<sup>178</sup> Клоков К. Б. Там же... С. 99–100; Клоков К. Б., Хрущев С. А. Теоретическое обоснование этноэкологической экспертизы для оценки воздействия индустриального освоения на традиционное природопользование коренного населения Севера // Региональные исследования. 2014. № 1 (43). С. 98–108.

<sup>179</sup> См.: Клоков К. Б. Этноэкологический подход к оценке воздействий промышленно-транспортного освоения на природопользование северных народов // Этнополитическая ситуация в России и сопредельных государствах в 2013 году. С. 337–344.

<sup>180</sup> Клоков К. Б. Методологические подходы к оценке качества жизни коренного населения Севера, занятого в оленеводстве // Известия Санкт-Петербургского государственного аграрного университета. 2013. № 31. С. 193–196; Он же. Анализ воздействия освоения нефтегазовых ресурсов на крупностадное оленеводство Ненецкого и Ямало-Ненецкого автономных округов // Известия Санкт-Петербургского государственного аграрного университета. 2012. № 29. С. 182–185; Клоков К. Б., Дегтева А. Ю. Методические подходы к оценке воздействия промышленного освоения на традиционное хозяйство народов Севера (на примере оленеводческого хозяйства Ямала) // Известия Санкт-Петербургского государственного аграрного университета. 2012. № 26. С. 231–236; Клоков К. Б., Хрущев С. А. Этноэкологическая оценка устойчивости традиционного оленеводческого хозяйства Мурманской области // Известия Санкт-Петербургского государственного аграрного университета. 2013. № 32. С. 200–204.

<sup>181</sup> Поддубиков В. В., Нечипоренко О. В. Прикладная этнология и актуальные проблемы: этнологическая экспертиза // Вестник Новосибирского государственного университета. Сер.: Философия. 2014. Т. 12, вып. 2. С. 118.

<sup>182</sup> Речь идет об экспертизе: Этнологическая экспертиза. Оценка воздействия ООО «МетАл»...

перспективой выхода на корректировку запланированных мероприятий по социально-экономическому развитию территорий»<sup>183</sup>.

Согласно данному подходу основной целью этнологической экспертизы является определение возможных негативных этносоциальных последствий различных проектов<sup>184</sup>, при этом конечной целью является использование полученных знаний «для качественного изменения этносоциальной обстановки»<sup>185</sup>. В основе этноэкспертизы — результаты полевых исследований, статистической обработки массовых источников, отражающих социально-экономические, демографические и этнополитические процессы в районах проживания различных этнических групп, а также результаты информационной обработки делопроизводственной документации органов исполнительной власти, учреждений и организаций, национальных ассоциаций и других источников<sup>186</sup>. Методологическая основа этнологической экспертизы строится на системном анализе процессов «социального развития этнических сообществ во всех основных аспектах их жизнедеятельности: социальном, экологическом, политическом, культурном, собственно этническом». В таком ключе предмет исследования конкретизируется в таких тематических разделах как этносоциальный, культурологический, этноэкологический, раздел по проблемам местного национального самоуправления<sup>187</sup>.

В настоящее время, сторонники социологического подхода активно занимаются разработкой инструментария этнологических экспертиз<sup>188</sup>, создан регламент, регулирующий их проведение на региональном уровне<sup>189</sup>.

<sup>183</sup> Садовой А. Н., Поддубиков В. В. Этнологическая экспертиза в практике регионального управления: опыт Кемеровской области // Вестник Кемеровского государственного университета. 2011. № 1 (45). С. 24.

<sup>184</sup> Там же. С. 22.

<sup>185</sup> Поддубиков В. В., Садовой А. Н., Белозёрова М. В. Экспертиза и мониторинг традиционных форм природопользования коренных малочисленных этносов: методы прикладной этнологии. Кемерово, 2014. С. 60.

<sup>186</sup> Куринских П. А. Культура жизнеобеспечения как объект этнологической экспертизы // Прикладная этнология и актуальные проблемы государственной этнонациональной политики... С. 83.

<sup>187</sup> См.: Нечипоренко О. В. Интеграция коренных малочисленных народов Сибири в индустриальное общество: опыт этнологических экспертиз // Там же. С. 35–36.

<sup>188</sup> См., напр.: Садовой А. Н., Белозерова М. В. Стратегия этнологических экспертиз на особо охраняемых территориях: к проблеме сохранения историко-культурного наследия // Экологическое равновесие: природное и историко-культурное наследие, его сохранение и популяризация: материалы VI междунар. науч.-практ. конф., 12 нояб. 2015 г.. СПб., 2015. С. 56–62; Садовой А. Н. Нормы обычного права в предметном поле этнологических экспертиз // Научный диалог. 2017. № 11. С. 410–424; Садовой А. Н., Белозерова М. В. Этническое предпринимательство в предметной области этнологических экспертиз // Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета. 2017. № 134. С. 743–752;

Подход к этноэкспертизе, как к «механизму установления диалога» реализуется в работах Н. И. Новиковой, Е. П. Мартыновой, О. О. Звиденной. В этом ракурсе этнологическая экспертиза становится «элементом общественного правосознания» и «представляется как экспертное заключение о влиянии хозяйственных проектов на сохранение и развитие образа жизни коренных народов»<sup>190</sup>. Основной вектор — правовой. По мнению Н. И. Новиковой, «объектом этнологической экспертизы чаще всего оказывается жизнь конкретных людей, имеющих различные жизненные ситуации. Задача этнографа предоставить каждому из них право голоса...»<sup>191</sup> Сама экспертиза и последующий мониторинг «проводятся для выработки механизма важнейших коллективных и индивидуальных прав коренных малочисленных народов»<sup>192</sup>. Теоретическую и методологическую основу проведения этнологической экспертизы составляют международные документы и материалы ООН.

О. А. Мурашко основывается на системном подходе к этнологической оценке. Подобный подход реализуется с помощью анализа «потенциального воздействия планируемых работ по Проекту как одного из функциональных элементов системы взаимодействия технологии, природы и общества, в которой любой новый компонент, оказывающий воздействие на один или группу функциональных элементов неизбежно отразится на всей системе». В качестве предмета этнологической экспертизы автор этой идеи видит «возможные сценарии развития этнологической ситуации во время проведения, после и вследствие реализации проекта»<sup>193</sup>.

---

Садовой А. Н. Этнологическая экспертиза: опыт и проблемы подготовки экспертов // Кубанские исторические чтения: материалы X Межд. науч.-практ. конф. (Краснодар, 21 июня 2019 г.). Краснодар, 2019. С. 207–212.

<sup>189</sup> Типовой регламент на проведение этнологических экспертиз можно найти в приложение № 3 к книге: Толерантность в мультикультурном обществе: региональный аспект / Кудрина Е. Л. [и др.]. Кемерово, 2013. С. 289–334.

<sup>190</sup> Мартынова Е. П., Новикова Н. И. Тазовские ненцы в условиях нефтегазового освоения. С. 15.

<sup>191</sup> Новикова Н. И. Этнологическая экспертиза: на перекрестке истории, этнологии и юридической антропологии // Интеграция археологических и этнографических исследований: сб. науч. тр. Казань, 2010. Ч. 1. С. 78.

<sup>192</sup> Новикова Н. И. Недостающее звено (об опыте проведения этнологических экспертиз на Севере России) // Этнополитическая ситуация в России и сопредельных государствах в 2013 году. С. 344–352.

<sup>193</sup> См.: Мурашко О. А. Этнологическая экспертиза в России и международные стандарты оценки воздействия проектов на коренные народы // Мир коренных народов — Живая Арктика: альманах. М., 2006. Приложение к альманаху.

А. В. Головнёв рассматривает этнологическую экспертизу как метод «позитивного действия по оптимизации межэтнической кооперации» и «активации этнокультурного потенциала»<sup>194</sup>. Проблематика заключается в том, что этнограф смотрит на традиции как на нечто незыблемое, невольно рассматривая инновации «в качестве помехи или раздражителя», в отличие от него, этноэксперт должен видеть в традиции не цель, а средство самобытного развития<sup>195</sup>, поскольку понятие «традиция» в непрерывно преобразующейся культуре весьма условно. При этом сама этноэкспертиза, в отличие от обычной этнографии, должна быть обращена не в прошлое, а в будущее. Реализация подобного подхода на практике была осуществлена на полуостровах Ямал<sup>196</sup> и Таймыр<sup>197</sup>. В русле этой же исследовательской стратегии в начале 1990-х гг. были осуществлены проекты по обоснованию этнических статусных территорий на реках Сосьва и Казым<sup>198</sup>. В тот период никто не использовал для подобных проектов понятий «этнологическая экспертиза», однако, проведенные исследования и предложенные авторами заключения вполне соответствуют данному определению.

На территории России выполнялись этнологические экспертизы по запросам и стандартам международных организаций. Так, А. Н. Ямсков в 1990-х гг. в России осуществлял экспертные исследования для Всемирного Банка. Свой опыт, связанный с проектом развития лесной промышленности в районах расселения коренных народов, он опубликовал в статье, куда также частично вошли материалы, полученные им в роли консультанта и рецензента иных проектов Всемирного Банка, прямо связанных с проблемами Севера и Сибири. В процессе экспертизы им рассматривались основные группы населения

---

<sup>194</sup> Головнёв А. В. Этнологическая экспертиза... С. 143.

<sup>195</sup> Этноэкспертиза на Ямале: ненецкие кочевья и газовые месторождения. С. 133.

<sup>196</sup> Там же.

<sup>197</sup> Этноэкспертиза на Таймыре.

<sup>198</sup> См.: Северная Сосьва (исторические и современные проблемы развития коренного населения). Шадринск, 1992; Касум-Ёх. Материалы для обоснования проекта этнической статусной территории. Шадринск, 1993.

лесной зоны и их зависимость (как прямая, так и опосредованная) от состояния лесных экосистем<sup>199</sup>.

В 2001–2004 гг. проводилась Оценка воздействия на социальную сферу по инициативе компании «Сахалин Энерджи» в связи с реализацией одного из крупнейших проектов на острове — «Сахалин-2». Работы выполнялись в соответствии с передовой международной практикой и стандартами компаний акционеров<sup>200</sup>. Как сообщает один из участников оценки, с 2003 г. дополнительно реализуется программа мониторинга в населенных пунктах, напрямую и косвенно затронутых строительством в рамках реализации проекта, которая предусматривает ряд мероприятий, проводимых с интервалом в 3–12 месяцев. Мониторинг общественного мнения показал, что первоначальные завышенные ожидания проекта (2001–2004) сменились всплеском негативных оценок (2004–2008) и только после 2008 г. острота переживаний по поводу проекта в целом начала снижаться<sup>201</sup>. Опыт такого мониторинга, несомненно, важная часть экспертных работ, поскольку его результаты являются важным индикатором эффективности взаимодействия компании и местного населения и могут влиять на корректировку некоторых действий.

В качестве одного из содержательных опытов этноэкспертизы заслуживает внимания проект «Экологическое и социальное воздействие промышленного освоения на Севере России», выполненный в 2009 г. под руководством Б. Форбса и Ф. Штаммлера. Итогом исследования стала «Декларация сосуществования коренных народов и нефте/газодобывающей промышленности в Ненецком, Ямало-Ненецком автономных округах и других территориях Севера

---

<sup>199</sup> Ямсков А. Н. Население лесной зоны Сибири и Дальнего Востока в первой половине 1990-ых гг.: права различных этносоциальных групп на биоресурсы и зависимость от них // Этнические проблемы регионов России. Северный Кавказ. Калининградская область. Крайний Север. М., 2002. С. 277–337.

<sup>200</sup> Отчет по оценке воздействия на социальную сферу. Ч. 1. Проект «Сахалин-2». Второй этап. Сводная пояснительная записка. URL: [http://www.sakhalinenergy.ru/media/user/library/social\\_sphere/doc\\_38\\_sia\\_execsummary.pdf](http://www.sakhalinenergy.ru/media/user/library/social_sphere/doc_38_sia_execsummary.pdf) (дата обращения: 04.07.2022).

<sup>201</sup> Коньков А. Т. Общественное мнение населения Сахалинской области о социальном воздействии проекта «Сахалин-2» // Ученые записки Сахалинского государственного университета. 2012. № 1 (9). С. 101–104.



России», в которой особое внимание уделено принципам переговоров (консультаций, слушаний) промышленных компаний с местным населением<sup>202</sup>.

Помимо экспертиз, проводимых для оценки воздействия хозяйственных проектов на коренные малочисленные народы, существуют и другие ее формы. В 2011 г. проводилась этнологическая экспертиза на предмет определения статуса казачества на территории Волгоградской области<sup>203</sup>. Данные проведенной экспертизы были необходимы для принятия решения о целесообразности ликвидации общественного объединения «Региональная национально-культурная автономия казаков Волгоградской области». Согласно материалам Гражданского дела № 3-27/2011 Управление Министерства Юстиции РФ по Волгоградской области обратилось в Волгоградский областной суд с заявлением о ликвидации указанного объединения, обосновывая свое решение тем, что такая форма самоорганизации казаков, как национально-культурная автономия не предусмотрена, название объединения «Региональная национально-культурная автономия казаков Волгоградской области» не соответствует требуемой организационно-правовой форме, поскольку «такой национальности как казак нет» и в XVIII в. казаки входили в перечень сословий. Однако, в соответствии с заключением экспертизы было установлено, что казаки и казачество относятся к этнической общности, обладающей культурной спецификой, которая также является частью этнической общности русского народа<sup>204</sup>. Что стало основанием для отказа в ликвидации общественного объединения.

Определение статуса группы населения в отношении ее этнической идентичности является тем вопросом, который могут решить только эксперты-этнологи. История с казачеством является положительным примером, когда мнения экспертов сыграли решающую роль. Однако в этнополитической практике бывают ситуации, когда экспертное этнологическое сообщество не

---

<sup>202</sup> Проект «Экологическое и социальное воздействие промышленного освоения на Севере России» (ENSINOR Environmental and Social Impacts of Industrial Development in Northern Russia). URL: <https://www.arcticcentre.org/EN/research/Projects/Pages/ENSINOR/RU/O-HAC---ENSINOR> (дата обращения: 13.05.2021).

<sup>203</sup> Экспертиза проводилась экспертом ООО «Этноконсалтинг» В. В. Степановым.

<sup>204</sup> Заключение эксперта № 235/2011. URL: <https://poisk-ru.ru/s23553t1.html> (дата обращения: 13.05.2021).

может повлиять на принятие решений. Так, исследователи отмечают остроту обсуждения «кряшенского вопроса», возникшую в связи с подготовкой к Всероссийской переписи населения 2002 г. Кряшены, как небольшой по численности, тюркоязычный, православный народ, компактно проживающий на территории Татарстана и некоторых других сопредельных регионов, по мнению экспертов, могут рассматриваться в качестве отдельной переписной категории, поскольку у них есть все основания для утверждения самостоятельной этнической идентичности. Однако, несмотря на профессиональную этнологическую экспертизу, позицию Ученого Совета ИЭА РАН и большинства членов переписной комиссии, было предписано, чтобы кряшены перечислялись вслед за татарами и входили в их общую численность в качестве подгруппы<sup>205</sup>.

В большинстве научных работ, посвященных этнологической экспертизе рядом с ней почти всегда стоит понятие «этнологический мониторинг», который, как одна из ее форм, является системой постоянного наблюдения за этнокультурными процессами для обоснования или корректировки управленческой деятельности. Сфера применения такого мониторинга довольно широка. Он может использоваться как исследовательская процедура, рекомендованная этнологической экспертизой в виде контроля за внедренным проектом, так и в качестве самостоятельного исследования, например, для экспертизы этнокультурной и этноконфессиональной ситуации отдельных регионов.

В настоящее время этнологический мониторинг, разработанный В. А. Тишковым, реализуется в рамках проекта «Сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов», англоязычное наименование EAWARN — Early Warning, существующего с начала 1990-х гг. Под этнологическим мониторингом и ранним предупреждением конфликтов понимается способность оценивать социально-культурную и политическую ситуацию в многоэтнических странах, регионах и местных сообществах, а также

---

<sup>205</sup> Подробнее об этом см.: Соловей Т. Д. «Кряшенская проблема» в зеркале этнологической экспертизы // Культурное наследие России. 2018. № 3. С. 8–14; Соколовский, С. В. Кряшены во Всероссийской переписи населения 2002 года. М., 2004. 2-е изд.

способность донести соответствующую оценку для принятия превентивных мер со стороны общества и государства. Основной целью мониторинга является сохранение и развитие этнокультурного многообразия и определение существующей или потенциальной угрозы конфликта. В качестве ориентира для научного анализа и описания наблюдаемых ситуаций за основу берутся семь категорий (среда и ресурсы; демография и миграции; власть, государство и политика; экономика и социальная сфера; культура, образование, информация; контакты и стереотипы; внешние условия), по каждой из категорий есть свои условные индикаторы оценивания (в общем количестве 46)<sup>206</sup>. В России «мониторится» примерно половина регионов, в каждом из которых работает эксперт. На основе аналитических материалов экспертов формируется доклад, задача которого — анализ событий и тенденций в сфере этнических отношений и урегулирования конфликтов<sup>207</sup>.

Первый опыт регулярного мониторинга был представлен в книге «Измерение конфликта. Методика и результаты этноконфессионального мониторинга Сети EAWARN в 2003 году»<sup>208</sup>. Эксперты регулярно публикуют и распространяют, в том числе через интернет, собственные аналитические оценки конфликтности регионов и стран. Предполагается, что ежегодные обзорные доклады и публикации активно используются политиками, специалистами и представителями федеральных и региональных органов власти России. Серия публикаций этнологического мониторинга, в частности монографии 1997–1998 гг., разделены на по стандартному рубрики: этническое представительство в органах региональной власти, коллективные права, авторитет местных лидеров, региональное культурное доминирование, изменения в самосознании, этнические стереотипы, групповые требования и жалобы<sup>209</sup>.

<sup>206</sup> См.: Тишков В. А. Этнологический мониторинг и раннее предупреждение конфликтов. Научно-информационное издание. М., 2005.

<sup>207</sup> См.: Тишков В. А. Главные итоги мониторинга и не только // Этнополитическая ситуация в России и сопредельных государствах в 2014 году. Ежегодный доклад Сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов: в 2-х т. М., 2016. Т. 1. 2-е изд., испр. и доп. С. 8–13.

<sup>208</sup> См.: Тишков В. А., Степанов В. В. Измерение конфликта. Методика и результаты этноконфессионального мониторинга Сети EAWARN в 2003 году. М., 2004.

<sup>209</sup> См., напр.: Габдрафиков, И. М. Республика Башкортостан. Модель этнологического мониторинга. М., 1998.

Первоначально разработанный для регионов бывшего СССР, этнологический мониторинг на сегодняшний день фактически ограничился территорией Российской Федерации, основной причиной тому стала невозможность привлечения к работе зарубежных аналитиков. За период существования EAWARN происходила постепенная смена приоритетов анализируемых категорий и «такие факторы, как природная среда, ресурсы и экономика уступили приоритет феномену культурной сложности, его пониманию и управлению»<sup>210</sup>. В число приоритетов вошли религиозная составляющая, программы адаптации и интеграции мигрантов, мониторинг системы и эффективности госуправления и роли институтов гражданского общества в сфере межэтнических отношений и исполнения государственной национальной политики.

В 2013 г. Министерством образования и науки РФ образован Распределенный научный центр (РНЦ) межнациональных и межконфессиональных проблем под руководством В. А. Тишкова, который ведет свою деятельность, основываясь на той же методологии, что и Сеть этномониторинга (СЭМ). Целью РНЦ является мониторинг, проведение экспертиз и прогнозирование межэтнических и этноконфессиональных отношений. В настоящее время РНЦ действует на территории пяти федеральных округов (ЮФО, СКФО, ПФО, СФО, ДВФО) с опорой на ведущие федеральные университеты и с привлечением экспертов из СЭМ. По словам руководителя обеих структурных организаций такая новация, как симбиоз СЭМ-РНЦ, «приживается сложно, ибо университеты работают в рамках строгих бюрократических и финансовых требований, но пока удается решать эти вопросы, благодаря системе государственных заданий, исходящих от федерального министерства науки и образования вместе со скромным финансовым обеспечением», однако, он также замечает, что «аналитические и мониторинговые разработки РНЦ получают только позитивные отзывы»<sup>211</sup>.

---

<sup>210</sup> Тишков В. А. Предисловие // Феномен этнического конфликта: междисциплинарный подход и общественные практики. Опыт предупреждения и урегулирования конфликтов. М., 2018. С. 5.

<sup>211</sup> Тишков В. А. Предисловие // Феномен этнического конфликта... С. 7.

С критикой «Сети» этнологического мониторинга» выступает А. Н. Садовой, который представляет его как попытку «обойти» проблему репрезентативности выборочных исследований, поскольку, результаты такого мониторинга, как правило, «опираются на синтез “открытой” информации, проводимой через СМИ, находящихся под контролем если не региональных органов власти, то местных элит»<sup>212</sup>. В свою очередь, он предлагает систему регионального этнологического мониторинга, методологическая база которого разрабатывалась им с начала 1990-х гг.<sup>213</sup>.

Помимо экспертной деятельности научных организаций с недавнего времени существует государственная информационная система мониторинга в сфере межнациональных и межконфессиональных отношений и раннего предупреждения конфликтных ситуаций, созданная для того, чтобы обеспечивать «формирование единого информационного пространства для поддержки принятия управленческих решений в сфере реализации государственной национальной политики»<sup>214</sup>. В качестве одной из своих основных задач данная система осуществляет мониторинг медиаресурсов в сети интернет на предмет прогнозирования межнациональных конфликтов и протестных акций. Система является закрытой, ей пользуются только представители органов исполнительной власти разных уровней при выполнении задач в сфере государственной национальной политики, а ее оператором является Федеральное агентство по делам национальностей.

Другим видом этнологического мониторинга может выступать исследовательская процедура, заключающаяся в системе

<sup>212</sup> Садовой А. Н. Некоторые аспекты организации мониторинга реализации федеральной концепции национальной политики в субъектах Российской Федерации // Диалог культур: глобализация, традиции и толерантность: сб. ст. по материалам Всерос. науч.-практ. on-line конф. «Диалог культур: глобализация, традиции и толерантность» (Кемерово, 16 ноября 2009 г.). Кемерово, 2009. С. 27–39.

<sup>213</sup> Садовой А. Н. Пруель Н. А. Этносоциальный мониторинг: принципы, методы, практика. Кемерово, 1996; Садовой А. Н. Организация этносоциального мониторинга (академическая наука и представительная власть) // Новейшие археологические и этнографические открытия в Сибири. Материалы IV годовой итоговой сессии ИАиЭ СО РАН. Новосибирск, 1996. С. 219–223. Современное состояние см.: Поддубиков В. В., Садовой А. Н., Белозёрова М. В. Экспертиза и мониторинг традиционных форм...

<sup>214</sup> Постановление Правительства Российской Федерации от 28 октября 2017 г. № 1312 «О государственной информационной системе мониторинга в сфере межнациональных и межконфессиональных отношений и раннего предупреждения конфликтных ситуаций» (В редакции постановлений Правительства Российской Федерации от 29.11.2018 № 1439, от 19.08.2020 № 1257, от 17.02.2022 № 204) URL: <http://government.ru/docs/all/113821/> (дата обращения: 29.02.2022).

постоянного/периодического наблюдения, после внедрения некоего Проекта. Такой мониторинг может проводиться по различным критериям, в зависимости от конкретной ситуации. В качестве одного из интересных примеров можно привести мониторинг пищевого статуса — состояния здоровья, сложившегося под воздействием фактического питания, который рекомендуют проводить среди жителей крайнего Севера. Такая оценка позволяет выделить основные алиментарные нарушения, обусловленные пищевыми привычками, другими словами, оценить влияние изменений пищевого рациона на состояние здоровья населения<sup>215</sup>.

Существование обширного спектра взглядов на практики этнологической экспертизы и многочисленных подходов к ее реализации, говорит о ситуации научно-практического поиска. Этнологическая экспертиза сегодня не является чем-то однородным, а скорее представляет собой своеобразный «мир экспертиз», в котором любая конкретизация этого понятия приводит к исключению некоторых видов деятельности, претендующих именоваться экспертными.

В сложившихся условиях важно выработать общую систему координат, в которой будут проводиться исследования. Такой системой, например, может стать алгоритм, который не будет противоречить ни одному из представленных подходов, но может объединить их в части обязательного содержания. Сами же методологические концепции, показывающие скорее путь самореализации авторов и их компетентность, могут быть при этом различными, даже в рамках одного исследования; их выбор может быть обусловлен конкретными задачами. Так, наиболее удобным для экспертизы территорий традиционного природопользования может быть экологический подход. Концептуальность быстрого научного реагирования применима к разработке форсайт-сценариев и позиционированию коренных малочисленных народов как равных партнеров

---

<sup>215</sup> Подробнее см.: Коренные малочисленные народы и промышленное развитие Арктики (этнологический мониторинг в Ямало-Ненецком автономном округе) / Василькова Т. Н. [и др.]. М.; Шадринск, 2011. С. 119–160; 205–206.

диалога. Системный и социологический подходы удобны при анализе исходных данных и т. д.

#### **1.4 Проблема законодательного закрепления этноэкспертизы**

Позиция представителей государственной власти по отношению к этнологической экспертизе кажется неоднозначной. С одной стороны, систематически выделяются средства на разработку (или ее содействию) соответствующего законопроекта, с другой, по замечанию Н. И. Новиковой, «правительство выступает с критикой предлагаемых законопроектов, а депутаты и чиновники, представляющие интересы крупного бизнеса, подчеркивают, что ЭЭ создаст «непреодолимые препятствия для развития бизнеса»<sup>216</sup>. А. А. Сирина, Г. А. Фонда́л добавляют также, что «взятая федеральными властями пауза в этом важном вопросе дает фору промышленникам для закрепления на землях, где живут и ведут традиционное природопользование представители северных народов»<sup>217</sup>.

Вопросы правовой основы этнологической экспертизы, а также анализ законодательства России в части правового статуса и правоприменительной практики ее проведения уже освещались в литературе<sup>218</sup>. Остановимся на основных моментах, демонстрирующих эволюцию процесса законодательного закрепления этноэкспертизы и рассмотрим пример Республики Саха (Якутия), как единственного субъекта РФ, где этноэкспертиза проводится в качестве государственной и регулируется на региональном уровне.

##### **1.4.1 Ход процесса**

Первые попытки придания экспертизе легитимного статуса были предприняты еще в 1992–1995 гг., но они закончились безрезультатно. Во многом, по причине непонимания важности итоговых задач и преследуемых

---

<sup>216</sup> Новикова Н. И. Этнологическая экспертиза в академическом дискурсе... С. 131.

<sup>217</sup> Сирина А. А., Фонда́л Г. Призрак нефтепровода... С. 69.

<sup>218</sup> См., напр.: Люди Севера. Права на ресурсы и экспертиза. М., 2008; Этнологическая экспертиза в России. Сборник нормативных правовых актов и аналитический материал. МОО «КМНСОЮЗ». 2021. № 6.

целей. Сказалась и та противоречивая обстановка, что царила в стране — слишком резкий переход от одного формата взаимоотношений к другому в российском обществе и противостояния ветвей власти друг другу<sup>219</sup>.

В 1993 г. статус коренных малочисленных народов Российской Федерации был закреплен на конституционном уровне, но следующая попытка внедрения этнологической экспертизы в практику государственного управления была предпринята только в конце 1998 г. Следствием этого стало возникновение в Министерстве по делам национальностей специализированного подразделения «Этноэкспертиза», в чью задачу и входила проработка закона. Однако, и эта попытка закрепления в юридическом формате уже существовавших по факту процессов, окончилась ничем из-за сжатых сроков, искаженного видения сути проблем и игнорирования необходимости предварительных исследований. Юридические аспекты в работе подразделения «Этноэкспертиза» превалировали над этнологическими, а форма стала важнее содержания.

В 1999 г. в Федеральном законе «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации» появляется определение этнологической экспертизы и начинается настоящий бум законотворческих инициатив, которые должны были окончательно решить этот вопрос на всех уровнях власти. Необходимость совершенствования нормативно-правового регулирования ответственности субъектов хозяйственной деятельности, осуществляющих освоение природных ресурсов перед местным сообществом, активно обсуждалась на заседаниях в Совете Федерации. Также необходимо отметить заседание виртуального круглого стола в ноябре 2005 г., где специалисты из различных областей науки говорили о необходимости проведения этнологической экспертизы, оценки социального воздействия проекта на территорию, в том числе его возможного влияния на жизнедеятельность различных проживающих в этой местности этнических групп<sup>220</sup>. На тот момент в законодательном закреплении этноэкспертизы

---

<sup>219</sup> Степанов В. В. Этнологическая экспертиза... С. 243.

<sup>220</sup> Освоение российского Севера должно происходить на основе законодательства // Официальный сайт Совета Федерации. URL: <http://council.gov.ru/events/news/24302> (дата обращения: 22.06.2022).



региональными специалистами виделась реальная возможность реализовать проблему формирования на основе ГИС-технологий единого банка данных для решения разноплановых по характеру задач, связанных с развитием этнических сообществ<sup>221</sup>.

В 2004–2006 гг. в Государственную Думу ФС РФ законодательными органами трех субъектов, а именно Собранием депутатов Ненецкого автономного округа<sup>222</sup>, Государственной Думой Ямало-Ненецкого автономного округа<sup>223</sup>, Сахалинской областной Думой<sup>224</sup> вносились на рассмотрение законопроекты с единой концепцией — включить этнологическую экспертизу в состав экологической экспертизы (в местах традиционного проживания и хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов). Итогом дебатов стал проект Федерального закона № 353031-4 «О внесении изменений в Федеральный закон “Об экологической экспертизе” (в части установления процедуры этнологической экспертизы в рамках экологической экспертизы)». Он был рассмотрен в первом чтении в сентябре 2007 г. и не был принят. В обоснование отрицательного решения было сказано, что «...предложение о совмещении в одной экспертизе двух — экологической и этнологической — не вполне обоснованно. Экологическая и этнологическая экспертизы имеют разные цели проведения»<sup>225</sup>. Стоит отметить, что, несмотря на неудачную попытку, и в настоящее время есть сторонники «слияния» двух законов. Так, Д. Д. Барамидзе предлагает включать в материалы проверки в рамках экологической экспертизы

<sup>221</sup> Садовой А. Н. Материалы этнологических экспертиз как исторический источник // Экономическая история Сибири XX века. Барнаул, 2006. Ч. 2. С. 10–11.

<sup>222</sup> Проект ФЗ № 63519-4 «О внесении изменений в Федеральный закон “Об экологической экспертизе”». О проекте и стадиях его рассмотрения можно ознакомиться на официальном сайте СОЗД (система обеспечения законодательной деятельности). URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/63519-4> (дата обращения: 04.04.2022).

<sup>223</sup> Проект ФЗ № 146315-4 «О внесении изменений в Закон Российской Федерации “Об экологической экспертизе”». О проекте и стадиях его рассмотрения можно ознакомиться на официальном сайте СОЗД (система обеспечения законодательной деятельности). URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/146301-4> (дата обращения: 04.04.2022).

<sup>224</sup> Проект ФЗ № 353031-4 «О внесении изменений в Федеральный закон “Об экологической экспертизе”». О проекте и стадиях его рассмотрения можно ознакомиться на официальном сайте СОЗД (система обеспечения законодательной деятельности). URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/353031-4> (дата обращения: 04.04.2022).

<sup>225</sup> Стенограмма обсуждения законопроекта № 353031-4 «О внесении изменений в Федеральный закон “Об экологической экспертизе”» в части проведения в рамках экологической экспертизы этнологической экспертизы. Заседание № 242. 04.09.2007 // Официальный сайт Государственной Думы. URL: <http://api.duma.gov.ru/api/transcript/353031-4> (дата обращения: 04.04.2022).

результаты проведенной этнологической экспертизы<sup>226</sup>. Н. Б. Вахтин считает, что именно этот путь является самым простым к «защите человека от последствий его собственной деятельности» и предлагает в законе «Об охране окружающей среды»<sup>227</sup> поменять формулировку объектов охраны, дополнив ее культурной составляющей<sup>228</sup>.

В октябре 2007 г. в Москве прошли парламентские слушания, задачей которых было «правовое обеспечение этнологической экспертизы как обязательного условия при освоении северных территорий и как одного из механизмов защиты исконной среды обитания, традиционного образа жизни и традиционного природопользования коренных малочисленных народов Севера»<sup>229</sup>. Слушания были организованы Комитетом Совета Федерации по делам Севера и малочисленных народов<sup>230</sup>. Наряду с пониманием важности законодательного урегулирования вопросов, связанных с этноэкспертизой, слушания наглядно показали, насколько разные цели преследуют потенциальные субъекты процесса, старавшиеся сформулировать важнейшие тезисы в свою пользу, игнорируя интересы друг друга.

В дальнейшем на расширенных заседаниях Комитета Совета Федерации по делам Севера и малочисленных народов, не раз поднимались вопросы о разработке нормативного правового акта об этнологической экспертизе. Например, в контексте достижения целей Концепции устойчивого развития коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока<sup>231</sup> обсуждались вопросы регулирования взаимоотношений промышленных

---

<sup>226</sup> См.: Барамидзе Д. Д. Этнологическая экспертиза в Российской Арктике: эколого-правовой аспект // Вестник Удмуртского университета. Сер.: Экономика и право. 2019. Т. 29, № 2. С. 174–179.

<sup>227</sup> Федеральный закон от 10.01.2002 «Об охране окружающей среды» № 7-ФЗ. Гл. 1. Ст. 4. URL: [http://www.consultant.ru/document/cons\\_doc\\_LAW\\_34823](http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34823) (дата обращения 10.07.2022)

<sup>228</sup> Вахтин Н. Б. Этнологическая экспертиза: этносы или люди? // Этнографическое обозрение. 2019. № 4. С. 138.

<sup>229</sup> Парламентские слушания от 25.10.2007. URL: <http://council.gov.ru/activity/activities/parliamentary/29626> (дата обращения: 10.07.2022).

<sup>230</sup> В настоящее время подкомитет Комитета Совета Федерации по федеративному устройству, региональной политике, местному самоуправлению и делам Севера.

<sup>231</sup> В Совете Федерации обсудили ход реализации правительственной концепции устойчивого развития Севера, Сибири и Дальнего Востока // Официальный сайт Совета Федерации. URL: <http://council.gov.ru/events/news/20376> (дата обращения: 10.07.2022).

компаний с коренными малочисленными народами<sup>232</sup>. Одним из результатов этого процесса стал проект Федерального закона «О защите исконной среды обитания, традиционного образа жизни и традиционного природопользования коренных малочисленных народов Российской Федерации», предусматривавший механизм проведения этнологической экспертизы. Важность и своевременность закона подчеркивали все специалисты, связанные с этим вопросом, но, несмотря на их доводы, без каких-либо веских научных и юридических оснований, закон был снят с рассмотрения в Государственной Думе в 2013 г.

В октябре 2016 г. Президент РФ В. В. Путин провел заседание Совета по межнациональным отношениям, посвященное актуальным вопросам реализации Стратегии государственной национальной политики России. По итогам был подготовлен перечень из девяти поручений, среди которых было и рассмотрение вопроса о нормативном закреплении процедуры этнологической экспертизы и представление соответствующих предложений в срок до 1 октября 2017 г. Ответственность за исполнение была возложена на премьер-министра Д. А. Медведева и высших должностных лиц (руководителей высших исполнительных органов государственной власти) субъектов Российской Федерации<sup>233</sup>. Сразу после утверждения перечня, заместитель Председателя Правительства А. Хлопонин дал указания «ФАДН России (И. В. Баринову) и РАН (В. Е. Фортову) совместно с заинтересованными федеральными органами исполнительной власти, органами исполнительной власти субъектов Российской Федерации, научными и экспертными организациями рассмотреть вопрос о нормативном закреплении процедуры этнологической экспертизы и представить соответствующие предложения в срок до 5 сентября 2017 года. О результатах доложить в Правительство Российской Федерации с проектом доклада

---

<sup>232</sup> Государство должно стать гарантом защиты прав малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока// Официальный сайт Совета Федерации. URL: <http://council.gov.ru/events/news/19104> (дата обращения: 10.08.2022).

<sup>233</sup> Пункт 3 перечня поручений Президента Российской Федерации В. В. Путина по итогам заседания Совета при Президенте Российской Федерации по межнациональным отношениям 31 октября 2016 г. от 4 декабря 2016 г. № Пр-2338. URL: <http://kremlin.ru/acts/assignments/orders/53412> (дата обращения: 01.11.2017).

Президенту Российской Федерации в указанные сроки»<sup>234</sup>. Планируемый срок вступления проекта нормативного правового акта в силу обозначен январь 2019 г.<sup>235</sup>

Подготовка предложений по этому вопросу осуществлялась Федеральным агентством по делам национальностей совместно с органами исполнительной власти субъектов Российской Федерации, Институтом этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая Российской академии наук, Ассоциацией коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации, Комитетом Совета Федерации по федеративному устройству, региональной политике, местному самоуправлению и делам Севера. Предполагалось, что первоначально правовое оформление будет реализовано в местах традиционного проживания и традиционной хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации и только потом будут выработаны рекомендации для всей территории страны.

На основании предложений, сделанных специалистами, ФАДН подготовил проект законодательного акта «Об этнологической экспертизе в Российской Федерации», текст которого разместили на Федеральном портале проектов нормативных правовых актов 30 января 2018 г.<sup>236</sup> для дальнейшего общественного обсуждения. Согласно проекту, определившему этнологическую экспертизу как оценку социально-культурных последствий внедряемой хозяйственной деятельности и иных управленческих решений на объекты этнокультурного наследия граждан, заказчиками этнологической экспертизы должны были стать юридические лица, которые планируют осуществлять

---

<sup>234</sup> Об обеспечении выполнения поручений Президента России по итогам заседания Совета по межнациональным отношениям 31 октября 2016 года // Сайт Правительства Российской Федерации. URL: <http://government.ru/orders/selection/401/25728/> (дата обращения: 10.08.2022).

<sup>235</sup> Федеральный портал проектов нормативных правовых актов. Официальный сайт для размещения информации о подготовке федеральными органами исполнительной власти проектов нормативных правовых актов и результатах их общественного обсуждения. URL: <https://regulation.gov.ru/projects#npa=77915> (дата обращения: 10.08.2022).

<sup>236</sup> «Об этнологической экспертизе в Российской Федерации» // Федеральный портал проектов нормативных правовых актов. URL: <http://regulation.gov.ru/p/77915> (дата обращения: 23.01.2020).

хозяйственную и иную деятельность на территориях, относящихся к единому перечню мест этнокультурного наследия (определялся Правительством РФ).

После публичного обсуждения законопроекта (на нулевых чтениях), с учетом поступивших в Общественную палату мнений, выводов, предложений и рекомендаций членов Общественной палаты, представителей органов государственной власти, предпринимательского сообщества, образовательных организаций, привлеченных к обсуждению общественных экспертов, которое проведено 21 марта 2018 г., подготовлено заключение Общественной палаты<sup>237</sup>. Проект был раскритикован. У представителей КМНС текст закона также вызвал «недоумение и разочарование», свои замечания к проекту они высказали на страницах Абориген-Форума<sup>238</sup>. В качестве основных недостатков нормативного акта были признаны следующие аспекты: (1) спорное определение объекта этнокультурного наследия (в законопроекте таковым является исключительно нематериальное культурное наследие); (2) отсутствие требований к составу экспертной комиссии; (3) нерациональная система регулирования — почти все полномочия, связанные с этнологической экспертизой, проект закона передает Правительству РФ; (4) отсутствие общественного контроля; (5) отсутствие у коренных народов, интересы которых, собственно, и должна защищать экспертиза, возможности высказать свое мнение относительно ее результатов.

Первый заместитель Председателя Общественной палаты Оренбургской области Николай Науменко упомянул о необходимости сопоставить этнологическую экспертизу с действующей государственной историко-культурной экспертизой<sup>239</sup>, предлагая вместо принятия отдельного закона, внести поправки в уже существующий.

---

<sup>237</sup> Заключение Общественной палаты Российской Федерации по результатам общественной экспертизы проекта Федерального закона «Об этнологической экспертизе в Российской Федерации» // Общественная палата Российской Федерации. URL: [https://www.oprf.ru/files/1\\_2018dok/zakl\\_etnologicheskaya\\_expertiza29052018.pdf](https://www.oprf.ru/files/1_2018dok/zakl_etnologicheskaya_expertiza29052018.pdf) (дата обращения: 22.10.2020).

<sup>238</sup> Отзыв Абориген-Форума (сети независимых экспертов, активистов, лидеров и организаций коренных народов России) на новую концепцию этнологической экспертизы, предложенную ФАДН // Официальный информационный интернет-портал Ассоциации коренных малочисленных народов Севера Республики Саха (Якутия). URL: <http://yakutiakmns.org/archives/8883> (дата обращения: 10.08.2022).

<sup>239</sup> Речь идет о Федеральном законе от 25.07.2002 № 73-ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» (с изменениями на 21 декабря 2021 года) // Электронный

Одним из препятствий к правовой регуляции обозначена непрерывная ротация управленческих кадров, отвечающих за реализацию федерального курса национальной политики на региональном и муниципальном уровнях, перманентном осознании рисков потери работы и социальных предпочтений в случае адекватного восприятия своей «зоны ответственности»<sup>240</sup>.

Обсуждение законопроекта в научном сообществе проходило на страницах журнала «Вопросы истории и культуры северных стран и территорий»<sup>241</sup>, отдельные экспертные мнения были опубликованы в издании «Государственная национальная политика России: экспертное мнение»<sup>242</sup>.

Подробно сформулировали свои предложения и замечания к проекту Федерального закона А. Н. Садовой и М. В. Белозерова, они расширили поставленную цель и предложили добавить в закон еще 21 статью<sup>243</sup>. В другой работе А. Н. Садовой отметил, что за пределами внимания разработчиков закона осталась «необходимость корректировки целей этнологических экспертиз с базовыми нормативно-правовыми актами, определяющими стратегию реализации национальной политики и комплексного решения задач сохранения историко-культурного и природного наследия» народов России<sup>244</sup>. В качестве цели он предлагает вместо недопущения нанесения урона объектам этнокультурного наследия граждан в РФ и негативного влияния управленческих решений на межнациональные отношения использовать следующую формулировку — «оценка эффективности реализуемой в субъектах РФ национальной политики, информационное обеспечение федеральных структур и региональных органов исполнительной власти, несущих прямую ответственность за этносоциальную обстановку в стране»<sup>245</sup>.

---

фонд нормативно-технической и нормативно-правовой информации Консорциума «Кодекс» URL: <https://docs.cntd.ru/document/901820936> (дата обращения 10.08.2022).

<sup>240</sup> Садовой А. Н. Этнологическая экспертиза: опыт и проблемы... С. 211.

<sup>241</sup> Вопросы истории и культуры северных стран и территорий. 2018. № 2 (42); № 4 (44).

<sup>242</sup> Государственная национальная политика России...

<sup>243</sup> Подробнее см.: Предложения А. Н. Садовой и М. В. Белозеровой // Вопросы истории и культуры северных стран и территорий. 2018. № 1 (41). С. 7–46.

<sup>244</sup> Садовой А. Н. К закону об этнологической экспертизе в Российской Федерации // Вопросы истории и культуры северных стран и территорий. 2018. № 2 (42). С. 7.

<sup>245</sup> Там же. С. 10.



Сторонники этноэкспертизы как инструмента защиты традиционного образа жизни коренных народов Севера, А. А. Пахомов и Т. С. Мостахова считают, что в предложенном варианте закона теряется сама сущность «этнологической экспертизы как процедуры определения ущерба, наносимого местным этносам КМНС в процессе промышленного освоения <...> Полагаем, что коренные малочисленные народы Севера не должны утрачивать свой статус как объекта особого патроната государства, в том числе и в плане этнологической экспертизы»<sup>246</sup>. И. П. Луцкан предложил внести изменения в Федеральный закон «О недрах»<sup>247</sup>, добавив в него условия обязательного прохождения этнологической экспертизы<sup>248</sup>.

А. В. Черных, аккумулируя вопросы нормативного закрепления этнологической экспертизы и ее реализации в Пермском крае, рассуждает о том, что разрабатываемый закон не должен стать основанием для лоббирования узких интересов, особенно в национально-территориальных образованиях, его принятие необходимо сделать с наименьшими бюрократическими последствиями<sup>249</sup>. Представляя результаты экспертного обсуждения этих вопросов в Омской области, Т. Б. Смирнова, акцентирует внимание на том, что экспертиза может быть инструментом для выявления какой-то региональной специфики и определять, на что именно следует обратить внимание в конкретном регионе<sup>250</sup>.

В. В. Степановым предлагается: (1) учитывать особенности реализации этнологической экспертизы по предметам правового регулирования и перевести ее в разряд мер государственного регулирования защиты интересов любых категорий граждан; (2) при решении вопросов, связанных с внедрением экономических проектов в местах проживания и традиционной хозяйственной

---

<sup>246</sup> Пахомов А. А. Мостахова Т. С. Этнологическая экспертиза: методологические подходы и опыт проведения в Республике Саха (Якутия) // Серия «ВЕСТНИК СВФУ». 2018. № 3 (11). С. 25.

<sup>247</sup> Закон РФ от 21 февраля 1992 года № 2395-1 «О недрах». URL: [http://www.consultant.ru/document/cons\\_doc\\_LAW\\_343](http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_343) (дата обращения 10.08.2022).

<sup>248</sup> Луцкан И. П. Информация о проведении этнологической экспертизы в Республике Саха (Якутия) // Вопросы истории и культуры северных стран и территорий. 2018. № 1 (41). С. 47–62.

<sup>249</sup> Черных А. В. Потребности в этнологической экспертизе в практике государственного управления в Пермском крае // Государственная национальная политика России... С. 249–252.

<sup>250</sup> Смирнова Т. Б. Перспективы применения этнологической экспертизы в Омской области // Там же. С. 253–255.

деятельности коренных малочисленных народов, проводить комплекс экспертиз (экологическую, санитарно-эпидемиологическую, этнологическую и др.), на основании которых обосновывать заключения о размерах экономического и иного ущерба; (3) определить объектом экспертизы совокупность документов, подлежащих анализу (например, проектную документацию, технико-экономическое обоснование, планы реализации и др.); (4) в качестве цели считать заблаговременное выявление рисков социально-культурного характера в результате внедряемого проекта/решения. Для нормативного закрепления процедуры этнологической экспертизы он предлагает первоначально создать реестр объектов этнокультурного (этнографического) наследия Российской Федерации, в котором будут прописаны требования его сохранности и виды экономической деятельности, подлежащие экспертизе. А сама процедура экспертизы будет заключаться в проверке, отвечают ли сведения из заявленной проектной документации требованиям сохранности объекта этнокультурного наследия, указанным в реестре<sup>251</sup>.

В июле 2018 г. вице-спикер СФ на заседании Совета по международным отношениям и взаимодействию с религиозными объединениями отметил, что ведется работа по подготовке возможных изменений в Стратегию государственной национальной политики и проекта федерального закона об этнологической экспертизе. В декабре 2018 г. Указом Президента РФ в Стратегию государственной национальной политики были внесены изменения, в числе которых п. 22.1, где этнологическая экспертиза отмечена как инструмент государственной национальной политики<sup>252</sup>.

В декабре 2018 г. ФАДН был разработан другой законопроект — «О внесении изменений в Федеральный закон от 30 апреля 1999 г. № 82-ФЗ “О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации”» в

---

<sup>251</sup> Степанов В. В. О подходах нормативного закрепления этнологической экспертизы в Российской Федерации // Государственная национальная политика России... С. 240–248.

<sup>252</sup> Указ Президента РФ от 06.12.2018 № 703. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/43843> (дата обращения 10.08.2022).



части установления порядка проведения этнологической экспертизы<sup>253</sup>. В нем, в частности, предлагалось внести в качестве важных полномочий Правительства Российской Федерации следующее: (1) утверждение порядка проведения этнологической экспертизы, документов стратегического планирования, реализация которых осуществляется в местах традиционного проживания и традиционной хозяйственной деятельности малочисленных народов; (2) утверждение перечня таких документов стратегического планирования, а также научную организацию, уполномоченную проводить этнологическую экспертизу. Обсуждение проекта прошло в марте 2019 г. Как сообщает О. А. Мурашко, все участники «единодушно указали на то, что законопроект необоснованно сужает сферу применения этнологической экспертизы»<sup>254</sup>.

В аналитическом вестнике Государственной Думы опубликованы ключевые результаты экспертно-аналитического исследования, проведенного в процессе разработки предложений по законодательному закреплению этнологической экспертизы в РФ<sup>255</sup>. Коротко основные идеи звучат следующим образом: (1) учет интересов и потребностей всех граждан РФ, независимо от их этнической принадлежности; (2) общей целью совершенствования законодательства признано «создание правовых и правоприменительных условий для сохранения и развития культуры, языков, материального и нематериального наследия»; (3) этноэкспертиза должна осуществляться не напрямую в отношении граждан (чтобы не акцентировать внимание исключительно на коренных народах), а в отношении элементов культуры, языка и местных общественных интересов в культурной сфере, так называемых объектах этнокультурного наследия; (4) предлагается сформировать и обновлять реестр таких объектов, сохранять которые необходимо вне зависимости от их этнической принадлежности; (5) обязательная экспертиза проводится в

<sup>253</sup> См.: Этнологическая экспертиза в России. Сборник нормативных правовых актов и аналитический материал. МОО «КМНСОЮЗ». 2021. № 6.

<sup>254</sup> Мурашко О. Второй вариант законопроекта ФАДН по этнологической экспертизе не был одобрен экспертами, а лишь вызвал у них множество вопросов, оставшихся без ответа // Официальный сайт ЦС КМНС / РИТС. URL: <http://csipn.ru/glavnaya/actual/4452-vtoroj-variant-zakonoproekta-fadn-po-etnologicheskoy-ekspertize-ne-byi-odobren-ekspertami-a-lish-vyzval-u-nikh-mnozhestvo-voprosov-ostavshikhsya-bez-otveta#.XkTMoW5uLbD> (дата обращения: 10.08.2022).

<sup>255</sup> Аналитический вестник. М., 2018. С. 32–36.

отношении конкретного перечня проектов и видов деятельности, кроме того, обозначен обязательный порядок ее проведения для проектов в местах традиционного проживания, традиционной хозяйственной деятельности и территорий традиционного природопользования коренных малочисленных народов Севера.

#### 1.4.2 Опыт Якутии

В части нормативного закрепления этнологической экспертизы интересен опыт отдельных регионов. Единственным субъектом РФ, где она проводится в качестве государственной и регулируется на региональном уровне, является Республика Саха (Якутия).

Однако это был не первый опыт. Известно, что после массовых протестов коренных малочисленных народов на севере Сахалина в 2005 г., известных как акция «Зеленая волна»<sup>256</sup>, правительство области приняло Постановление «Об утверждении Положения о порядке организации и проведения этнологической экспертизы на территориях традиционного проживания коренных малочисленных народов Севера Сахалинской области»<sup>257</sup>. Постановление было принято в 2007 г. В 2014 г., в него было внесено дополнение, которое конкретизировало, что обязательной этнологической экспертизой является «в случаях, предусмотренных законодательством Российской Федерации» (ст. 1.3). Сведений о проведенных этнологических экспертизах, согласно принятому региональному законодательству Сахалинской области, нет<sup>258</sup>. В настоящее

---

<sup>256</sup> Подробнее об этом см.: Хронология акции коренных малочисленных народов Севера «Зеленая волна» в январе 2005 года // Экологическая вахта Сахалина. URL: <https://ecosakh.ru/2005/01/20/hronologiya-akcii-korennyh-malochislennyh-narodov-severa-zelenaya-volna-v-yanvare-2005-goda/> (дата обращения: 10.08.2022). Вопросы взаимоотношений коренных народов Сахалина и нефтедобывающих компаний подробно рассмотрены в публикации: Мамонтова Н. А. Коренные народы Сахалина и нефтедобывающие компании // Культура и ресурсы. Опыт этнологического обследования современного положения народов Севера Сахалина М., 2015. С. 108–158.

<sup>257</sup> Постановление Администрации Сахалинской области от 14.03.2007 № 45-па // Архив документов Сахалинской области. URL: <https://sakhalin-gov.ru/doc/48257> (дата обращения 13.07.2022)

<sup>258</sup> Мной был направлен запрос в Министерство природных ресурсов и охраны окружающей среды Сахалинской области, поскольку именно Комитет природных ресурсов и охраны окружающей среды Сахалинской области определен уполномоченным органом исполнительной власти Сахалинской области в сфере организации и проведения этнологической экспертизы.

время, на официальных сайтах области отсутствует любая информация о Постановлении, включая и его текст.

В Якутии в 2010 г. принят закон 820-3 № 537-IV «Об этнологической экспертизе в местах традиционного проживания и традиционной хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов Севера Республики Саха (Якутия)»<sup>259</sup>, предусматривающий изучение влияния строительства промышленных объектов на коренные народы и компенсацию этим народам за причиненный ущерб.

Согласно принятому закону обязательными являются: (1) информирование о намечаемой хозяйственной и иной деятельности и ее возможном воздействии на окружающую среду; (2) проведение консультаций и согласование проекта с местным населением; (3) организация и проведение общественных слушаний, а также самой этнологической экспертизы<sup>260</sup>.

К настоящему времени имеются данные о проведении 47 этнологических экспертиз<sup>261</sup>. Несомненно, даже при небольшом количестве, эта региональная инициатива является положительным примером того, что законодатели на местном уровне самостоятельно пытаются решить столь сложный вопрос.

Экспертизе в Якутии посвящено большое количество статей, в которых описывается конкретный опыт, проблемы, сама процедура (краткий обзор со ссылками уже представлен во введении). Остановимся именно на тех моментах, которые важны с точки зрения использования (или наоборот неиспользования) их в законодательном закреплении этноэкспертизы на федеральном уровне.

Один из авторов законопроекта обращает внимание на то, что следует различать два разных понятия «государственную этнологическую экспертизу» и

---

<sup>259</sup> Закон республики Саха (Якутия) от 14 апреля 2010 года № 820-3 № 537-IV «Об этнологической экспертизе в местах традиционного проживания и традиционной хозяйственной деятельности и на территориях традиционного природопользования коренных малочисленных народов Севера Республики Саха (Якутия)» // Электронный фонд нормативно-технической и нормативно-правовой информации Консорциума «Кодекс». URL: <https://docs.cntd.ru/document/895252453> (дата обращения 13.07.2022).

<sup>260</sup> Пахомов А. А., Мостахова Т. С. Взаимодействие коренных малочисленных народов Севера и компаний-недропользователей: проблемы этнологической экспертизы в Республике Саха (Якутия) // Вестник Северо-Восточного федерального университета им. М. К. Аммосова. Сер.: Экономика. Социология. Культурология. 2017. № 4 (08). С. 9.

<sup>261</sup> Краткие сведения о проведенных экспертизах: Этнологическая Экспертиза // Официальный сайт Министерства по развитию Арктики и делам народов Севера Республики Саха (Якутия). URL: <https://arktika.sakha.gov.ru/etnologicheskaja-ekspertiza> (дата обращения: 01.07.2022).

«оценку воздействия на этнологическую среду». При этом государственная этнологическая экспертиза является инструментом органа государственной власти, «при котором исследуются материалы Оценки воздействия на этнологическую среду, предоставленные Заказчиком»<sup>262</sup>. Обратившись к сведениям «о проведенных этнологических экспертизах в Республике Саха (Якутия)», которые опубликованы на официальном информационном портале<sup>263</sup>, научным статьям экспертов и имевшемся ранее в общем доступе единственному отчету ОВЭС, однозначного понимания не сложилось в вопросе того, кто и какую конкретно часть работы выполнял и не нарушаются ли при этом принципы независимости экспертизы. Так, в графе исполнитель этнологической экспертизы стоит та же организация, которая, судя по отчету, является одновременно и исполнителем ОВЭС<sup>264</sup>. В большинстве случаев (21 из 47) в качестве исполнителя выступает ООО НПК «СеверПроект», компания, у которой по официальным данным, размещенным в интернете, указано большое количество разнородных кодов ОКВЭД<sup>265</sup>, что может являться признаком посредника, не ведущего реальной деятельности. Кроме исполнителя, в информации указывается экспертная группа, состав которой практически не меняется, даже если меняется исполнитель. Обилие вопросов, которое возникает при попытке разобраться в проведенных экспертизах, чтобы извлечь из нее какой-либо опыт, связано с тем, что с текстами отчетов попросту невозможно ознакомиться, единственными доступными материалами являются статьи самих экспертов<sup>266</sup>. Также отсутствует любая информация о мониторинге выполнения рекомендаций проведенных экспертиз.

---

<sup>262</sup> Слепцов А. Н. Государственная этнологическая экспертиза... С. 23

<sup>263</sup> Официальный сайт Министерства по развитию Арктики и делам народов Севера Республики Саха (Якутия). URL: <https://arktika.sakha.gov.ru> (дата обращения: 01.07.2022).

<sup>264</sup> Отчет № 13/2013 по теме Оценка воздействия на этнологическую среду объекта «Строительство двух одноцепных ЛЭП кВ НПС-15 — ПС-16» в местах традиционного проживания и традиционной хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов севера Якутии ПСХК КРО «Киндигирь» МО «Олекминский район», КРО МНС-Э «Сэргэлээх», община «Амга» МО «Алданский район». Раменское; Якутск, 2013. 75 с.

<sup>265</sup> ООО НПК «Северпроект» // Rusprofile.ru. URL: <https://www.rusprofile.ru/okved/567520#other> (дата обращения: 01.07.2022).

<sup>266</sup> См., напр.: Филиппова В. В. Историко-культурное наследие коренных малочисленных народов Севера Якутии: картографическое сопровождение этнологической экспертизы // ИнтерКарто. ИнтерГИС. 2018. Т. 24, № 1. С. 568–574.

Закрытость информации и излишняя бюрократизация сводят суть проведения этнологической экспертизы в Якутии к расчетам и выплате компенсаций. А. С. Басов, комментируя якутский опыт, обращает внимание, что в нынешней конфигурации процедура этнологической экспертизы не создает условий, а даже противоречит возможности диалога и партнерских отношений между компаниями и коренными малочисленными народами Севера именно потому, что реализуется как бюрократическая процедура с низкой культурой отчетов в плоскости денежного расчета и оценки компенсации<sup>267</sup>. Сами эксперты, анализируя свой опыт, также отмечают, что одним из слабых мест проведенных экспертиз, является недостаточно сформированные механизмы согласования интересов взаимодействующих сторон и ориентир на определение размеров компенсационных выплат<sup>268</sup>. Получается, что изначально положительный посыл законодателей о том, что экспертизе должна подвергаться любая хозяйственная деятельность на той территории, где проживают малые народы, о чем говорит п. 3 ст. 3 («предупреждение возможных негативных последствий влияния...») по итогу свелся к оценке размера потенциального вреда. Закон стал применяться как репрессивная мера, а не как средство предотвращения или уменьшения негативного влияния.

Для использования опыта Якутии стоит учитывать комментарий Д. А. Функа, который обращает внимание, на то, что данный закон, во-первых, ориентирован исключительно на этническое измерение социального бытия, во-вторых, в нем используется «квазитерминология», в частности употребление таких понятий как «исконная среда обитания», «этнологическая среда», «развитие этнологической ситуации» и возникающей в связи с этим неясности задач, которые решает такая экспертиза<sup>269</sup>.

---

<sup>267</sup> См.: Басов А. С. Диалог и бюрократические процедуры: этнологическая экспертиза в Республике Саха (Якутия) РФ // Сибирские исторические исследования. 2018. № 2. С. 91–123.

<sup>268</sup> Пахомов А. А., Мостахова Т. С. Этнологическая экспертиза: методологические подходы и опыт проведения в Республике Саха (Якутия) // Серия «ВЕСТНИКА СВФУ». 2018. № 3 (11). С. 24–30; Шадрин В. И. Актуальные вопросы... С. 25–38.

<sup>269</sup> Функ Д. А. «Этнологическая экспертиза»: российский опыт оценки социального воздействия промышленных проектов // Этнографическое обозрение. 2018. № 6. С. 75.

Несомненно, стоит обратить внимание и на положительный потенциал якутской практики. Например, в таких конкретных вещах, как создание при этнологической экспертизе ГИС–проекта (географической информационной системы), главной целью которой является формирование пространственной базы данных для научного исследования и обобщения результатов воздействия промышленных объектов на исконную среду обитания малочисленных народов. Такой ГИС–проект облегчает возможность объективно оценивать воздействия промышленных объектов на природную среду и рассчитывать ущерб<sup>270</sup>. Самостоятельным ГИС–проектом может стать карта историко-культурного наследия<sup>271</sup>. Во время проведения этнологической экспертизы следует учитывать убытки и возможные потери в любых видах деятельности, а не только традиционных<sup>272</sup>.

Регулирование процесса экспертизы опирается не только на закон, но и на соответствующие постановления и распоряжения<sup>273</sup>, которые были приняты постепенно, уже после проведения первых работ, что говорит о постоянном развитии и совершенствовании этой процедуры. Разработаны специальные методические рекомендации<sup>274</sup>.

Несмотря на несовершенство нормативно-правовой базы и размытость методики проведения этнологической экспертизы, следует признать, что сам факт ее регламентации на законодательном уровне, является достижением Якутии. Перспективы дальнейшего развития в этом направлении эксперты видят в стремлении к соуправлению<sup>275</sup> и повышению социальной ответственности

<sup>270</sup> Семенова Л. А. Создание ГИС — проекта при этнологической экспертизе // Арктика XXI век. Гуманитарные науки. 2017. № 3 (13). С. 34–39.

<sup>271</sup> Филиппова В. В. Историко-культурное наследие коренных малочисленных народов... С. 568–574.

<sup>272</sup> Потравный И. М., Гассий В. В. Оценка коневодства как вида традиционного природопользования при проведении этнологической экспертизы проектов в Арктике // Островские чтения. 2018. № 1. С. 188–194.

<sup>273</sup> Постановление Правительства РС (Я) от 06.09.2011 № 428 «О порядке организации и проведения этнологической экспертизы в местах традиционного проживания и традиционной хозяйственной деятельности КМНС»; Распоряжение Правительства РС (Я) от 30.10.2015 № 1228-р «О персональном составе Экспертной комиссии этнологической экспертизы».

<sup>274</sup> Методические рекомендации по проведению государственной этнологической экспертизы в Республике Саха (Якутия). Якутск, 2016; Санникова Я. М., Боякова С. И., Филиппова В. В. Этнологическая экспертиза в Республике Саха (Якутия): методические рекомендации по проведению полевых исследований // Арктика и Север в современных гуманитарных исследованиях. С. 52–62.

<sup>275</sup> Шадрин В. И. Актуальные вопросы... С. 25–38.

бизнеса на осваиваемой территории<sup>276</sup>; в мониторинге реализуемых «соглашений между компаниями и оленеводческими хозяйствами, между компаниями и национальными муниципальными образованиями»; в мониторинге воздействия бизнеса на социально-экономическое положение коренных малочисленных народов Севера и разработке методики оценки социального воздействия бизнеса<sup>277</sup>.

Опыт республики, где осуществляется множество хозяйственных проектов, требующих соответствующей оценки, важен для понимания задач, связанных с дальнейшим совершенствованием этнологической экспертизы не только на региональном уровне, но и на федеральном.

Все сложившиеся на практике факты убеждают, что принятие соответствующего закона в масштабах всей страны несомненно назрело, а прошлые многочисленные попытки являются основой для скорейшего решения вопроса.

### **1.5 Social Impact Assessment: международный экспертный опыт<sup>278</sup>**

Оценка социального воздействия — это процесс понимания и реагирования на социальные проблемы, связанные с реализацией проектов развития. Под социальным воздействием (как положительным, так и отрицательным) понимается то, что переживается или ощущается отдельной социальной группой вследствие какого-либо действия (или его отсутствия). Сама оценка проводится при эффективном вовлечении затронутых сообществ и включает в себя «анализ, мониторинг, управление предполагаемыми и непредвиденными социальными последствиями развития»; ее основная цель

---

<sup>276</sup> Пахомов А. А., Мостахова Т. С. Этнологическая экспертиза: методологические подходы... С. 24–30.

<sup>277</sup> Слепцов А. Н. Государственная этнологическая экспертиза... С. 15–24.

<sup>278</sup> Данилова Е. Н. Social Impact Assessment: международный экспертный опыт // Этнография. 2022. № 2 (16). С. 25–46.

состоит в том, «чтобы добиться более устойчивых и приемлемых биофизических условий и среды обитания человека»<sup>279</sup>.

Наиболее богатый опыт реализованных проектов в этой области имеет международная Ассоциация по оценке воздействия (*International Association for Impact Assessment, IAIA*). Специалисты IAIA считают, что оценка воздействия — это практический инструмент, помогающий удовлетворить сегодняшние потребности без ущерба для возможностей будущих поколений<sup>280</sup> и занимаются как оценкой воздействия на социальную сферу (*Social Impact Assessment, SIA*), так и оценкой воздействия на окружающую среду (*Environmental Impact Assessment, EIA*). В ежеквартальном журнале *Impact Assessment and Project Appraisal*<sup>281</sup> ассоциация публикует научные статьи, посвященные теории вопроса и результатам практического опыта.

Первоначально задуманная как инструмент прогнозирования последствий проектов развития, SIA постепенно выросла в целую систему со своей стратегией, которая контролирует, оценивает, анализирует и активно реагирует на социальные изменения на всех этапах разработки и реализации проекта. Методы и инструменты SIA применяются в управлении природными ресурсами<sup>282</sup>, при строительстве плотин<sup>283</sup>, в управлении землепользованием<sup>284</sup>, в бизнесе<sup>285</sup>, в государственном управлении<sup>286</sup>, в контроле пищевых продуктов<sup>287</sup>,

<sup>279</sup> См.: Vanclay F. International Principles for Social Impact Assessment // *Impact Assessment and Project Appraisal*. 2003. Vol. 21, № 1. P. 5–11.

<sup>280</sup> Официальный сайт ассоциации International Association for Impact Assessment. URL: <https://www.iaia.org/index.php> (дата обращения: 14.01.2022).

<sup>281</sup> Страница журнала *Impact Assessment and Project Appraisal* на сайте издательства. URL: <http://www.tandfonline.com/toc/tiap20/current> (дата обращения: 14.01.2022).

<sup>282</sup> См., напр.: Franks D. Social impact assessment of resource projects. International Mining for Development Centre. 2012. URL: [http://im4dc.org/wp-content/uploads/2012/01/UWA\\_1698\\_Paper-02\\_Social-impact-assessment-of-resource-projects1.pdf](http://im4dc.org/wp-content/uploads/2012/01/UWA_1698_Paper-02_Social-impact-assessment-of-resource-projects1.pdf) (дата обращения: 24.04.2022).

<sup>283</sup> См., напр.: Tilt B., Braun Y., He D. Social impacts of large dam projects: A comparison of international case studies and implications for best practice // *Journal of Environmental Management*. 2009. Vol. 90, № 3. P. S249–S257.

<sup>284</sup> См., напр., финский опыт разрешения конфликтов, связанных с землепользованием: Peltonen L., Sairinen R. Integrating impact assessment and conflict management in urban planning // *Environmental Impact Assessment Review*. 2010. Vol. 30, № 5. P. 328–337.

<sup>285</sup> Напр., как инструмент для организации сотрудничества в процессах вовлечения местных малых и средних предприятий в цепочки поставок многонациональных корпораций: Esteves A. M., Barclay M. A. Enhancing the benefits of local content: integrating social and economic impact assessment into procurement strategies // *Impact Assessment and Project Appraisal*. 2011. Vol. 29, № 3. P. 205–215.

<sup>286</sup> Напр.: Antonie R. Introducing a model for social impact assessment of public administration reform in Romania // *Transylvanian review of administrative sciences*. 2012. Vol. 8. P. 5–12.

<sup>287</sup> См., напр.: Including social impact assessment in food safety governance / Dreyer M. [and etc.] // *Food Control*. 2010. Vol. 21. P. 1620–1628.



в спорте<sup>288</sup>, в управлении стихийными бедствиями, при рассмотрении последствий постепенного изменения ландшафта<sup>289</sup> и др.

### 1.5.1 Краткая историческая справка

Оценка социального воздействия, как и оценка воздействия на окружающую среду, возникла в 1970-е гг. в США. Исследователи, изучающие SIA, историческим событием, положившим начало этого рода анализу, называют проект строительства Трансаляскинского нефтепровода (Trans-Alaska Pipeline Project), соединяющего северные склоны Аляски (месторождение Прудобей/Прудхо-Бей) с портом города Валдиз. Согласно планам, реализация проекта предполагала привлечение большого количества приезжих рабочих, что могло оказать значительное влияние на культуру проживающих здесь коренных народов. Во время проведения оценки воздействия на окружающую среду старейшина инуитов высказал опасения по поводу возможных изменений, которые могут произойти в жизни его народа. Считается, что в документах по EIA проекта Трансаляскинского трубопровода в 1973 г. термин «оценка социального воздействия» использовался впервые, при этом он употреблялся в контексте обсуждения воздействия на культуру инуитов<sup>290</sup>.

Первоначально SIA проводилась в качестве составной части EIA, однако постепенно, осознавая и учитывая тот факт, что социальные и биофизические вопросы принципиально отличаются друг от друга и соответственно должны исследоваться отдельно, она стала самостоятельной. В конце 1970-х гг. и начале 1980-х гг., в эпоху экономического бума в США, многие крупные энергетические проекты требовали проведения SIA, однако в тот период не было достаточного контроля над качеством осуществляемых оценок и подготовкой экспертов, а также отсутствовала ясность в отношении того, какие социальные

<sup>288</sup> См., напр.: Burnett C. Social impact assessment and sport development: social spin-offs of the Australia–South Africa junior sport programme // *International Review for the Sociology of Sport*. 2001. Vol. 36, № 1. P. 41–57.

<sup>289</sup> См., напр.: Vanclay F. The potential application of Social Impact Assessment in integrated coastal zone management // *Ocean & Coastal Management*. 2012. Vol. 68. P. 149–156.

<sup>290</sup> Momtaz S., Kabir S. M. Z. *Evaluating Environmental and Social Impact Assessment in Developing Countries*. Amsterdam, 2018. P. 91–92.

последствия следует рассматривать.<sup>291</sup> В связи с этим, в 1990-х гг. международная Ассоциация по оценке воздействия начала разработку основополагающих принципов для обеспечения общего руководства практикой проведения оценок. Основной вопрос, на который предстояло ответить: «чем является SIA — практикой, процессом или философией?» В конечном итоге было решено, что SIA является многоуровневой концепцией, играющей активную роль в развитии сообщества<sup>292</sup>.

Первые рекомендации, основанные на нормативно-правовой базе США, были представлены еще в 1994 г.<sup>293</sup> и касались основных процедур и понимания SIA. В 1997 г. для разработки международных руководящих принципов была создана целевая группа<sup>294</sup>. Итоговый документ, в подготовке которого в разное время приняли участие опытные эксперты и теоретики<sup>295</sup>, был одобрен в начале 2003 г. и опубликован в мартовском выпуске журнала *Impact Assessment and Project Appraisal*<sup>296</sup>. Разработанные принципы разъясняют важность рассмотрения широкого спектра действий при проведении оценки и обеспечивают надежность научного исследования; они предназначены для универсального применения, но поскольку социальные, политические и культурные условия в разных странах различаются, при исследовании всегда необходимо учитывать местный контекст. Международные партнеры по развитию, такие как Группа Всемирного банка, Азиатский банк развития и Программа развития ООН (World Bank Group, Asian Development Bank, and United Nation Development Program), приняли SIA и внедрили ее в свои проекты и программы в развивающихся странах<sup>297</sup>.

<sup>291</sup> Vanclay F. Principles for social impact assessment: A critical comparison between the international and US documents // *Environmental Impact Assessment Review*. 2006. Vol. 26, № 1. P. 4–5.

<sup>292</sup> Vanclay F. International Principles for Social Impact Assessment: their evolution // *Impact Assessment and Project Appraisal*. 2003. Vol. 21, № 1. P. 3–4.

<sup>293</sup> См.: Guidelines and principles for social impact assessment // *Impact Assess.* 1994. Vol. 12, № 2. P. 107–152.

<sup>294</sup> Esteves A. M., Franks D., Vanclay F. Social impact assessment: the state of the art // *Impact Assessment and Project Appraisal*. 2012. Vol. 30, № 1. P. 35.

<sup>295</sup> Hobson Bryan, Di Buchan, Rabel Burdge, Gary Cox, Allan Dale, Amber Frugte, Stewart Lockie, Abdoulaye Sene, Pierre Senecal, Roel Slootweg, Nick Taylor, Frank Vanclay.

<sup>296</sup> Подробнее о принципах, а также о сопоставлении первых документов 1994 г. и концепции, предложенной в 2003 г., см.: Vanclay F. Principles for social impact assessment... P. 3–14.

<sup>297</sup> См.: Burdge R. J. Benefiting from the practice of social impact assessment // *Impact Assessment and Project Appraisal*. 2003. Vol. 21, № 3. P. 225–229.

Эволюция оценки социального воздействия в начале XXI в. тесно связана с разработкой успешных практик привлечения к SIA коренного населения. Особое внимание к индигенному населению в процессе экспертизы обусловлено тем, что в разработанных международных принципах сделан акцент на улучшении жизни уязвимых и находящихся в неблагоприятном положении людей, к которым относятся в том числе коренные жители, имеющие собственные культурные особенности, язык, при этом обладающие исторически более низким статусом, имеющие также сильную привязанность к земле, где возможна деятельность по разработке природных ресурсов. В этом контексте права коренных народов закрепляют два международных документа: Декларация ООН о правах коренных народов и Конвенция Международной организации труда по коренным и племенным народам. Важным положением в дискурсе о правах коренных народов является свободное, предварительное и осознанное согласие (Free, Prior and Informed Consent, FPIC), которое должно быть получено до осуществления любого проекта, предполагающего непосредственное воздействие на коренные народы. При этом согласие должно быть получено без запугивания, до начала реализации проекта, планы которого следует обнародовать заранее, чтобы люди смогли понять, что для них будет значить этот проект<sup>298</sup>. Теоретически, философия FPIC может быть применима ко всем сообществам, затронутым различными проектами<sup>299</sup>.

Принципы успешной практики привлечения коренных народов к SIA разрабатывались в течение трех лет и были опубликованы в 2012 г., их целью является: во-первых, разрешить потенциально затронутым группам коренного населения высказать свое мнение и осмысленно принять участие в процессе развития, во-вторых, использовать традиционные знания для дополнения знаний, полученных с помощью «западных» научных методов, в-третьих, использовать

---

<sup>298</sup> Vanclay F., Hanna P. Conceptualizing company response to community protest: Principles to achieve a social license to operate // Land. 2019. Vol. 8, iss. 6. P. 6–7.

<sup>299</sup> Esteves A. M., Franks D., Vanclay F. Social impact assessment... P. 37.

традиционные знания для сохранения культуры коренных народов в проектах развития<sup>300</sup>.

В 2017 г. в Канаде, во время проведения международной конференции IAIA 17, Корпорация Niskamoon<sup>301</sup> в сотрудничестве с секцией коренных народов Международной ассоциации по оценке воздействия (the Indigenous Peoples Section of the International Association for Impact Assessment) организовала встречу представителей коренных народов из разных стран мира с сообществом по оценке воздействия с целью обмена мнениями и обучения по вопросам согласования проектов развития с защитой культуры и земель коренных народов. Результатом встречи стала Аашуканская декларация (The Aashukan Declaration), излагающая основные принципы проведения оценки социального воздействия на традиционных землях с точки зрения коренных народов<sup>302</sup>.

Концепция SIA продолжает постоянно развиваться. Эксперты работают над повышением эффективности оценки экологических и социальных последствий для развивающихся стран<sup>303</sup>, учитывается понимание растущего значения прав человека в предпринимательской деятельности<sup>304</sup>, проводится анализ отношений с затронутым сообществом и, основываясь на осознании заблуждений относительно человеческого поведения, меняется практика взаимодействия с ним<sup>305</sup>.

<sup>300</sup> См.: Croal P., Tetreault C. and members of the IAIA IP Section. Respecting Indigenous Peoples and Traditional Knowledge. Special Publication Series No. 9. Fargo, 2012. P. 1–4.

<sup>301</sup> Организация, занимающаяся вопросами соглашений между сообществами коренного населения Cree и государственной компанией Гидро-Квебек (Hydro-Québec), отвечающей за производство, транспортировку и сбыт электроэнергии в Квебеке. Корпорация Niskamoon обеспечивает эффективную основу для сотрудничества между Cree и Hydro-Québec. Корпорация постоянно облегчает и упрощает доступ к фондам и программам для людей, сообществ и организаций Cree. Корпорация Niskamoon стремится разрабатывать проекты в тесном сотрудничестве с землепользователями Cree и другими бенефициарами, чтобы смягчить последствия развития гидроэлектростанций в Eeyou Istchee.

<sup>302</sup> The Aashukan Declaration. URL: <https://aashukandotcom.files.wordpress.com/2017/04/the-aashukan-declaration.pdf> (дата обращения 11.07.2022).

<sup>303</sup> См., напр.: Kahangirwe P., Vanclay F. Evaluating the effectiveness of a national environmental and social impact assessment system: lessons from Uganda // Impact Assessment and Project Appraisal. 2022. Vol. 40, № 1. P. 75–87.

<sup>304</sup> Vanclay F. Reflections on Social Impact Assessment in the 21<sup>st</sup> century // Impact Assessment and Project Appraisal. 2020. Vol. 38, № 2. P. 126.

<sup>305</sup> Moreira S., Vanclay F., Esteves A. M. Fallacies about communities that lead to failed community relations // Impact Assessment and Project Appraisal. 2022. Vol. 40, № 2. P. 156–167.

### 1.5.2 SIA как методология

Как методология или инструмент исследования оценка социального воздействия выглядит как процесс, состоящий из определенных этапов, объединенных в цикл. В рамках одной экспертизы этот цикл может повторяться некоторое количество раз. В первую очередь это обусловлено тем, что на практике любой проект развития влияет на социальную ситуацию в разных масштабах и иногда приводит к последствиям, которые трудно было предусмотреть в рамках первичной оценки<sup>306</sup>, однако все они основаны на общих принципах и имеют общую последовательность.

Первый этап — *скрининг запланированных вмешательств для определения необходимости проведения SIA*. Он состоит из описания запланированного вмешательства и выявления связанных с ним проблем. Если проведение экспертизы является очевидным, то этот этап пропускают.

Второй этап — *определение объема работ и формулирование альтернатив*. Здесь определяется цель работ; задаются основные параметры и приоритетные вопросы для последующих этапов оценки, в том числе масштаб и сроки; устанавливаются основные стейкхолдеры; описывается предполагаемое воздействие со всеми его компонентами. В процессе определения объема работ эксперты предлагают использовать список переменных социального воздействия — измеримых изменений в сообществах и социальных отношениях в результате проекта развития или изменения политики<sup>307</sup>.

Один из важных моментов этого этапа, который отмечают большинство исследователей, касается стейкхолдеров. Во-первых, чтобы обеспечить участие

<sup>306</sup> См.: Mathur H. Social Impact Assessment: An Approach to Improving Development Outcomes // Assessing the Social Impact of Development Projects: Experiences in India and other Asian Countries. Cham, 2016. P. 26–29; Wolf C. P. Social Impact Assessment: Methodological Overview // Environmental Impact Assessment. NATO ASI Series. 1983. Vol. 14. P. 256–274; Franks D. Social impact assessment of resource projects. International Mining for Development Centre. 2012. P. 5–7. URL: [https://im4dc.org/wp-content/uploads/2012/01/UWA\\_1698\\_Paper-02\\_Social-impact-assessment-of-resource-projects1.pdf](https://im4dc.org/wp-content/uploads/2012/01/UWA_1698_Paper-02_Social-impact-assessment-of-resource-projects1.pdf) (дата обращения: 24.04.2022); Esteves A. M., Franks D., Vanclay F. Social impact assessment... P. 35.; Arce-Gomez A., Donovan J. D., Bedggood R. E. Social impact assessments: Developing a consolidated conceptual framework // Environmental Impact Assessment Review. 2015. Vol. 50. P. 87–93; Social Impact Assessment: Guidance for assessing and managing the social impacts of projects / Vanclay F. [and etc.]. Fargo ND, 2015. P. 8; 34–63; Momtaz S., Kabir S. M. Z. Evaluating Environmental and Social Impact Assessment... P. 95–96.

<sup>307</sup> Примеры таких чеклистов см.: Vanclay F. Conceptualising social impacts // Environmental Impact Assessment Review. 2002. Vol. 22, № 3. P. 183–211.

всех заинтересованных сторон в процессе исследования, следует в самом начале разработать программу привлечения общественности (публичные встречи, форумы, интервью, опросы, консультации)<sup>308</sup>. Во-вторых, чтобы избежать неправильной оценки, необходимо верно определить все заинтересованные стороны. Например, в проектах строительства плотин, в качестве стейкхолдеров исследователи предлагают определять не только людей, вынужденных переселиться, но и жителей верховий и низовий рек, а также сообщества, которые будут затронуты дорогами и линиями электропередач, группы охраны природы<sup>309</sup>. В-третьих, следует понимать, что затронутое сообщество не бывает однородным. Внутри него всегда есть несколько социальных подгрупп, например, мужчины–женщины; молодежь–пожилые; занятые–безработные и т. д. Их необходимо рассматривать отдельно, выделяя различия в интересах и уровне воздействия на каждую группу<sup>310</sup>.

Третий этап — *базовые социальные и экономические исследования*. Этот этап предполагает сбор исходных данных, в которых содержится информация о состоянии затрагиваемых сообществ до начала реализации проекта. Построенные социальные профили всех стейкхолдеров будут служить ориентиром и в дальнейшем обеспечат контрольные показатели для измерения изменений. Профилирование, выполненное на основе полевых исследований и анализе вторичной информации, включает анализ социально-экономических характеристик региона, ключевые социальные проблемы и характеристики затронутого сообщества (образ жизни, культура, здоровье и благополучие, права, страхи и чаяния, ключевые отрасли хозяйства), а также обзор государственного законодательства и политики, в том числе (при наличии) меры по смягчению социальных последствий, связанных с проектом.

Важным моментом на этом этапе исследования является выбор и объяснение методов, используемых для сбора информации, включая то, каким именно образом заинтересованные сообщества вовлечены в процесс оценки.

---

<sup>308</sup> Momtaz S., Kabir S. M. Z. Evaluating Environmental and Social Impact Assessment... P. 95.

<sup>309</sup> Tilt B., Braun Y., He D. Social impacts of large dam projects... P. S256.

<sup>310</sup> Vanclay F. The potential application of Social Impact Assessment... P. 68, 152.

Чаще всего выбор того или иного метода зависит от характера деятельности и этапа внедряемого проекта, а также от специфики сообщества. В целом организация SIA предполагает использование и количественных, и качественных методов социологических исследований. Так, Х. Матур отмечает, что количественный метод применяется, например, для анализа переписей населения, что позволяет определить точное число людей, попадающих под воздействие проекта. «Инвентаризация пострадавших» включает информацию об уровне и источниках доходов населения и влиянии проекта на них. В качестве основной единицы сбора данных чаще всего выступает домохозяйство, анализируются ресурсы общей собственности, общественные структуры, инфраструктура. При реализации крупных проектов, которые влекут за собой масштабные переселения, проводится отдельное выборочное социально-экономическое обследование 10–20 % людей от общего числа затрагиваемого сообщества, при этом в выборку должны попасть разные слои населения<sup>311</sup>.

Среди качественных методов исследования чаще всего применяются:

- интервью с ключевыми информаторами по заранее подготовленному вопроснику, охватывающему все аспекты социально-экономической ситуации и составленному на местном языке;
- дискуссии в фокус-группах — на основании подготовленного руководства (*guide*) проводится минимально структурированное интервью-обсуждение в группе из 6–10 участников. Методика помогает в генерации идей и гипотез для построения моделей вмешательств и получения данных для целей мониторинга;
- быстрая оценка, предполагающая сжатие процесса исследования и получение данных в кратчайшие сроки, представляет собой глубокое интервьюирование информантов, которые больше всего осведомлены о проблемах. Дополняется анализом вторичных данных и групповыми интервью с представителями соответствующих групп в сообществе;

---

<sup>311</sup> Mathur H. Social Impact Assessment... P. 33–37.

- публичные слушания — открытое собрание для всех затронутых и заинтересованных лиц. Команда SIA на этой встрече вначале описывает проект и его возможные воздействия, как положительные, так и отрицательные, а затем дает возможность свободного обсуждения по всем вопросам;
- консультации с местными группами<sup>312</sup>.

Четвертый этап — *разработка сценариев и моделирование возможных результатов*. Измерение будущей значимости и масштаба вероятных воздействий, определение возможных сценариев (альтернатив). Результаты используются для получения обратной связи от всех заинтересованных сторон, в том числе разработчиков проекта. Это позволяет определить, какой из предлагаемых сценариев повышает социальные результаты и минимизирует негативные последствия. По сути, является «этапом перепроектирования», когда инициатор предоставляет варианты для уменьшения или устранения негативных воздействий, таким образом происходит поиск оптимального варианта как для инициатора воздействия, так и для сообщества. В качестве основного метода предлагается использование сравнительного исследования конкретных ситуаций, которое позволяет экстраполировать прошлые социальные воздействия, аналогичные предлагаемому вмешательству на другие сообщества.

Пятый этап — *разработка стратегий управления*, которые позволяют одновременно смягчать негативные социальные последствия и повышать положительное воздействие. Полученные результаты «встраиваются» в исследуемый проект в качестве социальных программ, инициатив, планов, соглашений, включающих в том числе, вопросы управления культурным наследием, прав человека, выбора поставщиков, закупок и др. Стратегии управления могут быть абсолютно различными от информирующих центров, например, таких как Центр толкования в Аннаполисе (Annapolis Tidal Generating Station Interpretive Centre), раскрывающий посетителям информацию о

---

<sup>312</sup> Ibid. P. 33–37.



технологии использования возобновляемых источников энергии или Центр энергии и окружающей среды Тилбери (The Tilbury Energy and Environment Centre), являющийся образовательным ресурсом для местных школ и колледжей<sup>313</sup> до масштабных проектов переселения целых населенных пунктов, например, при строительстве плотин в Индии или проектов по добыче полезных ископаемых<sup>314</sup>.

В настоящее время, все чаще требованием со стороны правительств и инвесторов крупных проектов становятся Планы управления социальным воздействием (Social Impact Management Plan, SIMP), которые определяют согласованные социальные стратегии, предпринимаемые на всех этапах реализации проекта и отвечают приоритетным социальным вопросам, выявленным в ходе SIA. Например, в Австралии, в штате Квинсленд SIMP должны быть представлены вместе с SIA для утверждения проекта<sup>315</sup>. В 2008 г. здесь было создано специальное подразделение по оценке социальных последствий, которое координирует все региональное планирование и ответственность различных сторон в отношении управления социальными вопросами. В Южной Африке социальные и трудовые планы предоставляются вместе с заявкой на право добычи<sup>316</sup>. Можно предположить, что для всех стейкхолдеров SIMP является полезным: для правительств в качестве средства влияния на социальные результаты процессов развития; для компаний как организационный инструмент достижения целей социальной эффективности и поддержки дружеских отношений с затронутыми сообществами; для инвесторов как средство для лучшего согласования инвестиций с любыми принятыми

---

<sup>313</sup> Rowan M., Streater T. Converting project risks to development opportunities through SIA enhancement measures: a practitioner perspective // *Impact Assessment and Project Appraisal*. 2011. Vol. 29, № 3. P. 220.

<sup>314</sup> См., напр.: Appleby G. Integrating SIA into Resettlement Planning: An Example from Mineral Mining Projects // *Assessing the Social Impact of Development...* P. 45–60.

<sup>315</sup> Franks D. Social impact assessment of resource projects. International Mining for Development Centre. 2012. P. 11. URL: [https://im4dc.org/wp-content/uploads/2012/01/UWA\\_1698\\_Paper-02\\_Social-impact-assessment-of-resource-projects1.pdf](https://im4dc.org/wp-content/uploads/2012/01/UWA_1698_Paper-02_Social-impact-assessment-of-resource-projects1.pdf) (дата обращения: 20.01.2022).

<sup>316</sup> См.: Franks D., Vanclay F. Social Impact Management Plans: Innovation in corporate and public policy // *Environmental Impact Assessment Review*. 2013. Vol. 43. P. 40–48.

стандартами эффективности; для сообществ — это возможность оказывать постоянное влияние на развитие событий<sup>317</sup>.

А. М. Эстевес и Ф. Ванклэй отмечают еще одну стратегию, которая может быть встроена в SIA — Анализ потребностей социального развития (Social Development Needs Analysis, SDNA). Это процесс, направленный на выявление социальных проблем, которые необходимо решить, чтобы компания со временем внесла вклад в устойчивое развитие местного сообщества, создав при этом благоприятные условия для бизнеса<sup>318</sup>.

Шестой этап — *мониторинг и отчетность*. Мониторинг включает сбор и анализ информации с течением времени, через определенные промежутки, уточнение оценок в процессе их отслеживания во времени и информирование стейкхолдеров. Данные, полученные в результате мониторинга, должны быть четкими и понятными для всех групп заинтересованных сторон, что позволяет им отслеживать воздействия в течение всего запланированного вмешательства. Рекомендуемые компоненты этапа мониторинга — список ключевых воздействий, определение целей, по которым можно измерять или отслеживать эффективность.

Отчетность предполагает, что каждая оценка социального воздействия завершается подготовкой официального отчета для заказчика. В свою очередь заказчик обязан обеспечить его дальнейшее публичное распространение. Обычно готовый отчет структурирован в разделы, посвященные различным аспектам процесса SIA<sup>319</sup>, и завершен рекомендациями, в которых должно быть четко указано, может ли проект продолжить работу в его нынешней форме или же требуется внести изменения, либо полностью отказаться от него.

---

<sup>317</sup> См.: Ibid. P. 40–48.

<sup>318</sup> Подробнее см.: Esteves A. M., Vanclay F. Social Development Needs Analysis as a tool for SIA to guide corporate-community investment: Applications in the minerals industry // Environmental Impact Assessment Review. 2009. Vol. 29, № 2. P. 137–145.

<sup>319</sup> Примерная структура отчета: (а) введение; (б) описание проекта; (в) методы, используемые при определении воздействий проекта; (г) пострадавшее население; (д) ожидаемое воздействие проекта на разные группы, как положительное, так и отрицательное; (е) затронутые уязвимые группы; (ж) инвентаризация убытков для домашних хозяйств; (з) потери для сообщества; (и) общественные консультации и раскрытие информации; (к) выводы и рекомендации; (л) план смягчения.

Седьмой этап — *оценка и обзор*. Является заключительным этапом цикла и предполагает «оценку самой оценки» и при необходимости корректировку действий. Анализ фактической реализации запланированного вмешательства и согласование реальных социальных изменений с теми, которые прогнозировались в самом начале исследования. Такие исследования «ex post», хотя и сравнительно редки, помогают понять, насколько хорошо был реализован процесс SIA и позволяют усовершенствовать методы и приемы для последующих оценок<sup>320</sup>.

Представленная методология позволяет распространить оценку социального воздействия на все формы развития технологий, изменения окружающей среды и социального вмешательства. Как замечает Вольф, есть нетривиальный смысл, в котором все воздействия являются «социальными»<sup>321</sup>.

Несмотря на то, что в большинстве случаев, SIA направлена на управление конфликтами, возникающими в сфере добычи природных ресурсов, ее методологию вполне можно пробовать применять и для конфликтов на социально-политической и экономической почве, например, в таких конфликтных ситуациях, как «Арабская весна» или беспорядки в Греции после сокращения бюджета<sup>322</sup>. Любой конфликт является потенциальным полем для применения SIA, которая может способствовать конструктивному и устойчивому его разрешению, а также предотвращению аналогичных ситуаций в будущем<sup>323</sup>. Проведение оценки с привлечением всех стейкхолдеров и с учетом их интересов позволяет получить представление о потенциальных конфликтных вопросах со стороны всех возможных пострадавших и решить проблему смягчения негативных социальных последствий до того, как они приведут к явному конфликту. Даже если попытки нейтрализации или минимизации негативных социальных последствий недостаточны, в процессе оценки будут

---

<sup>320</sup> В качестве примера оценки «ex post» см.: Mining Developments and Social Impacts on Communities: Bowen Basin Case Studies / Petkova V. [and etc.] // Rural Society. 2009. Vol. 19, № 3. P. 211–228.

<sup>321</sup> Wolf C. P. Social Impact Assessment: Methodological Overview // Environmental Impact Assessment. NATO ASI Series. 1983. Vol. 14. P. 353.

<sup>322</sup> Prenzel P., Vanclay F. Social impact assessment can contribute to conflict management // Environmental Impact Assessment Review. 2014. Vol. 45. P. 31.

<sup>323</sup> Ibid. P. 33.

выявлены ключевые проблемы, что позволит оценить конфликтный потенциал проекта и заранее составить планы и стратегии для урегулирования спорных вопросов и ведения переговоров<sup>324</sup>. В дискурсе конфликта SIA может служить не только для предотвращения вреда, который еще может возникнуть, но и для уменьшения уже существующих конфликтов в обществе.

### 1.5.3 Проблемы SIA

При всей очевидной полезности SIA, на сегодняшний день существует ряд сложных моментов, возникающих при ее проведении. Сам процесс оценки довольно трудоемкий, его часто критикуют за громоздкость, дороговизну, длительность. Пожалуй, одна из самых сложных проблем является аналитическая, которая возникает в процессе выработки рекомендаций, ориентированных на будущее, тогда как даже сами критерии оценки в этом будущем могут уже измениться<sup>325</sup>. Именно поэтому предлагается проводить исследование реальных социальных изменений уже после реализации проекта для корректировки процесса управления и использовать эти данные при построении прогнозов в аналогичных ситуациях. Однако на практике, например в Австралии, лишь немногие исследования по оценке воздействия отслеживаются после разработки, чтобы проверить их точность и скорректировать стратегии смягчения, а мелкие проекты по изменению или расширению уже существующих крупномасштабных проектов, а также кумулятивные воздействия от нескольких проектов в одном регионе, как правило, вообще освобождаются от обязательной SIA<sup>326</sup>. Необходимость повторных оценок иллюстрирует сравнение результатов двух SIA, проведенных с промежутком в четыре года. Речь идет об австралийской угольной шахте «Копабелла» (Coppabella), расположенной в Центральном Квинсленде, где было проведено две оценки в 2003–2004 гг. и 2006–2007 гг. При проведении

---

<sup>324</sup> Ibid. P. 36.

<sup>325</sup> Wolf C. P. Social Impact Assessment: Methodological Overview // Environmental Impact Assessment. NATO ASI Series. 1983. Vol. 14. P. 254.

<sup>326</sup> Coal mining and the resource community cycle: A longitudinal assessment of the social impacts of the Coppabella coal mine / Lockie S. [and etc.] // Environmental Impact Assessment Review. 2009. Vol. 29, № 5. P. 330–331.

первоначальной SIA отмечались явно положительные тенденции во взаимоотношениях с коренным населением, были определены возможности для его культурного, экономического, социального развития при разработке шахты. Однако после реальных изменений стало очевидным, что уязвимое положение местных групп населения относительно других сообществ усилилось, поскольку расширение угольной шахты привело к притоку ряда бизнес-операторов и разработчиков земель для других целей, не связанных с разработкой ресурсов и соответственно не подлежащих обязательному детальному изучению и управлению культурным наследием<sup>327</sup>.

Оценка социального воздействия предполагает использование объективных методов и количественных показателей, однако такой подход чреват тем, что уводит экспертов к социальным проблемам, которые легче всего учитывать, количественно определять или измерять. Во-первых, количественные показатели не всегда сочетаются с убеждениями, ценностями и интересами различных заинтересованных сторон, присутствующих в социальном контексте. Во-вторых, использование количественных переменных смещает акцент результатов оценки на легко идентифицируемые и измеримые последствия, в частности такие как экономический рост и рост занятости, что уводит на задний план, а иногда и вовсе упускает из виду «более мягкие» социальные последствия, например, пагубные воздействия на культуру сообщества<sup>328</sup>.

Одной из проблем является адекватность участия общественности в процессе оценки<sup>329</sup>. Несмотря на то, что вовлечение всех заинтересованных сторон на протяжении всех этапов SIA является одним из принципов ее проведения, на практике этот момент реализуется не всегда или не в полной мере. Например, случай оценок, предпринятых для плановых мероприятий по добыче полезных ископаемых в Северной Финляндии, продемонстрировал, что, хотя ряд методов, таких как вопросники, интервью, фокус-группы, использовался для взаимодействия с общественными группами, при этом

---

<sup>327</sup> Подробнее об анализе оценок см.: Ibid. P. 330–339.

<sup>328</sup> Arce-Gomez A., Donovan J. D., Bedggood R. E. Social impact assessments: Developing a consolidated conceptual framework. P. 86.

<sup>329</sup> Esteves A. M., Franks D., Vanclay F. Social impact assessment... P. 37.

респондентами, как правило, были мужчины среднего или пожилого возраста. Женщины, молодые или необразованные люди в значительной степени игнорировались<sup>330</sup>. В практике также встречаются случаи, когда участие общественности осложняется проблемами ее привлечения. Так, при оценке проекта The Ilisu dam на р. Тигр в Турции, исследовательскую группу во время выездов сопровождал вооруженный конвой, а в некоторые небезопасные районы попасть так и не удалось<sup>331</sup>. Другой пример, демонстрирующий сложность привлечения общественности, иллюстрирует ситуация в Индии. В одном из исследований, посвященном ирригационному проекту The Lower Suktel Irrigation Dam Project in Orissa, люди не хотели делиться информацией и даже не пускали исследователей в свои поселения. Они организовали протест против строительства плотины и дали понять, что не дадут исследовательской группе войти, пока не выполнят их требования. Основной причиной этого протеста был печальный опыт переселения при похожих обстоятельствах, когда люди не могли восстановить свой уровень жизни после переселения, хотя и до этого он был довольно низким<sup>332</sup>.

Проблемой SIA также является некий формализм. Сфокусированность на соблюдении нормативных требований иногда приводит к тому, что оценка воздействия попадает в сферу компетенции бизнеса, не связанную с отношениями с сообществом. Такая ситуация наоборот отдаляет людей от доступа к информации о последствиях и связанных с ними решениях<sup>333</sup>.

Еще один важный вопрос касается самого эксперта (группы экспертов). Опыт показывает, что потенциал предвзятости в SIA может быть очень высок. Основной причиной искажений оценок является давление на команду SIA со стороны разработчиков проекта с целью получения благоприятного отчета и

---

<sup>330</sup> Suopajarvi L. Social Impact Assessment in Mining Projects in Northern Finland: Comparing Practice to Theory // Environmental Impact Assessment Review. 2013. Vol. 42. P. 29.

<sup>331</sup> Égré D., Senécal P. Social impact assessments of large dams throughout the world: lessons learned over two decades // Impact Assessment and Project Appraisal. 2003. Vol. 21, № 3. P. 220.

<sup>332</sup> См.: Agnihotri A. Building Dams, Ignoring Consequences: The Lower Suktel Irrigation Project in Orissa // Assessing the Social Impact of Development... P. 75–85.

<sup>333</sup> Harvey B., Bice S. Social impact assessment, social development programmes and social licence to operate: tensions and contradictions in intent and practice in the extractive sector // Impact Assessment and Project Appraisal. 2014. Vol. 32, № 4. P. 328–329.

положительного заключения. Известен случай (The case of the Don Sahong Dam in Laos), когда компания полностью изменила отчет консультанта в соответствии со своими интересами, после того, как не смогла запугать его. Некоторые эксперты поддаются давлению со стороны своих работодателей, и, даже если неохотно, все равно дают отчеты, которые не полностью отражают ситуацию о воздействии. Как правило, разработчики проектов сами финансируют исследования SIA в надежде получить обязательное разрешение на свои предложенные проекты, независимо от того, насколько пагубным в конечном итоге это окажется для людей<sup>334</sup>. Кроме этических принципов, существует и другая сторона качественной деятельности эксперта — его профессиональные компетенции. Иногда шарлатаны маскируются под ответственных профессионалов и проводят ошибочные исследования, поддерживая «вредные» проекты или попросту не могут понять всех аспектов проекта и то, как он может повлиять на местные сообщества<sup>335</sup>.

Помимо квалификации эксперта, важна прозрачность в процессе проведения оценки и публикация отчетов. По мнению экспертов, публичная доступность материалов SIA — постоянная проблема, даже общедоступные из них бывает трудно найти. Оценки, выполненные на местном уровне, редко имеют перекрестные ссылки и мало востребованы органами власти для управления воздействием<sup>336</sup>.

На международном уровне до сих пор преобладает практика проведения SIA в рамках существующих нормативно-правовых основ EIA<sup>337</sup>, что ограничивает вероятную полезность оценки социального воздействия числом запланированных вмешательств с соответствующими биофизическими

---

<sup>334</sup> Mathur H. Social Impact Assessment... P. 38.

<sup>335</sup> Vanclay F. Reflections on Social Impact Assessment... P. 129.

<sup>336</sup> Esteves A. M., Franks D., Vanclay F. Social impact assessment: the state of the art. P. 37.

<sup>337</sup> Несмотря на то, что в ряде стран SIA включена в процесс планирования и утверждена на уровне федерального законодательства (например, США, Канада, Новая Зеландия) или на уровне законодательства штатов (например, Австралия), ситуация, когда оценка влияния развития на социальную сферу жизни общества включена в исследование об окружающей среде, до сих пор характерна для многих стран, в частности Финляндии, Колумбии, Ирана, Южной Африки, Бангладеш и др.

проблемами<sup>338</sup>. Например, в Колумбии для шестнадцати различных видов запланированных вмешательств и действий требуется «экологическая лицензия», которую можно получить только после того, как EIA, включая определенные исследования, содержащие SIA, передана для рассмотрения и одобрения национальным органом местного планирования. В Иране SIA проводятся только тогда, когда запланированные вмешательства требуют одобрения EIA. В то же время, за неимением другой законодательной возможности, социальные оценки, проведенные в контексте экологической политики, также могут быть полезны. Так, в Бангладеш оценка воздействия на окружающую среду угольного проекта Фулбари (Asia Energy Corporation 2006), предполагающего переселение по крайней мере 160 домохозяйств, содержала различные социальные планы переселения и компенсации, восстановления средств к существованию, развития коренных народов, концептуальный план землепользования, общественные консультации и план по информированию населения. Отчет указывает на тщательный процесс консультаций с заинтересованными сторонами, но остается неясным, были ли их результаты учтены при принятии окончательного решения. Другой проект — Siddhirganj-Maniknagar 230 kV Transmission Lines Project (CEGIS 2008), линия электропередач длиной 11 км — затрагивал 82 домохозяйства и некоторые местные организации. Аналогично предыдущему проекту, SIA была проведена в рамках EIA, однако в этом случае, только три страницы были посвящены анализу социальных последствий, а в группе исследователей не было ни социолога, ни антрополога<sup>339</sup>.

В настоящее время наблюдается тенденция избегать или обходить нормы, предписанные для организации SIA, несмотря на существующее законодательство, обязывающее проводить оценку. По мнению М. Кернеа, стремление многих национальных правительств, государственных учреждений или частных корпораций открыто или тайно обходить социальные оценки или

---

<sup>338</sup> Arce-Gomez A., Donovan J. D., Bedggood R. E. Social impact assessments: Developing a consolidated conceptual framework. P. 88, 85–94.

<sup>339</sup> Momtaz S., Kabir S. M. Z. Evaluating Environmental and Social Impact Assessment... P. 107, 111.



переходить на SIA-light, показывает их отсталость от уровня знаний и этики, необходимых сегодня для разумного управления процессами развития<sup>340</sup>.

SIA является наиболее фундаментальной из всех оценок для проектов развития, она пытается оценить влияние, которое любой проект или деятельность может оказать на общество и прогнозирует возможные социальные результаты. Она может быть не только процессом выявления последствий и выполнением требований законодательства, но и механизмом содействия социальной устойчивости и инструментом для позитивных социальных изменений, например, путем организации переговорных процессов между добывающими компаниями и коренным населением, оказанием помощи местным сообществам в понимании последствий и выгод проекта и др.<sup>341</sup> SIA направлена не только на избегание проблем, но и на использование выгод, поскольку усиление положительного воздействия от ее проведения является фактором устойчивого развития<sup>342</sup>.

\*\*\*

Этнологическая экспертиза является одной из наиболее важных сфер практического применения этнологических знаний и в теории может сопровождать любые социально значимые проекты. Например, законодательные акты, хозяйственные проекты, государственные программы, образовательные и культурные мероприятия, а также множество других управленческих решений, реализация которых, так или иначе, влияет на конкретную группу людей (этническую общность, «население под воздействием», сообщество). Эта группа

---

<sup>340</sup> По мнению, М. Кернеа, в настоящее время ситуация вокруг оценки социального воздействия характеризуется турбулентностью и даже от части воспринимается как «шаг назад». Он считает, что в 2013 г. Всемирный банк, объединив все оценки воздействия в один документ (OP/BP 10.00 Investment Project Financing (World Bank 2013), фактически сводит политику в отношении SIA на нет. В новых требованиях для подготовки и финансирования инвестиционных проектов Всемирного банка в области развития присутствуют экономический и финансовый анализы, а все положения, касающиеся содержания для SIA, были проигнорированы. См.: Cernea M. Social Impact Assessments and Safeguard Policies at a Fork in the Road: The Way Forward Should Be Upward // Assessing the Social Impact of Development Projects. P. ix.

<sup>341</sup> Momtaz S., Kabir S. M. Z. Evaluating Environmental and Social Impact Assessment... P. 94; Vanclay F., Esteves A. M. Current issues and trends in social impact assessment // New directions in social impact assessment: Conceptual and methodological advances. Cheltenham, 2011. P. 3–19.

<sup>342</sup> См. об этом: João, E., Vanclay, F., den Broeder, L. Emphasising enhancement in all forms of impact assessment: Introduction to a special issue // Impact Assessment and Project Appraisal. 2011. Vol. 29, № 3. P. 170–180.

людей может состоять как из одной семьи, так и целого народа, ее члены могут иметь одинаковую или разную этническую идентичность, основа объединения этой группы — интересы и/или права, которые могут быть затронуты в процессе реализации проекта.

Исторический экскурс показывает, что многое в истории науки о народах прямо или косвенно связано с различного рода заказными обследованиями и изысканиями. Практика привлечения этнологов в качестве экспертов, хоть и эпизодическая, но существует при решении вопросов переписи населения, предупреждении и урегулировании конфликтов, миграционной политики, оценке мероприятий по сохранению и восстановлению культуры отдельных этнических общностей, анализе социально-культурных последствий хозяйственных проектов, в судебной практике. К настоящему времени сложилось понимание необходимости и возможности применения этнологической экспертизы, во-первых, в отношении широкого круга социально значимых проектов, во-вторых, в отношении всех граждан РФ, вне зависимости от их этнической принадлежности.

Существование обширного диапазона взглядов на практики этнологической экспертизы и многочисленных подходов к ее реализации, говорит о ситуации научно-практического поиска. Эта ситуация с одной стороны характеризуется отсутствием четких целей, ясной терминологии, точных определений, которые так необходимы в нормативной этике, с другой — разнообразным опытом экспертных оценок и исследований, потенциал которых может стать основой дальнейшего развития этнологической экспертизы в России.

Необходимость закона об этноэкспертизе очевидна, при этом разрабатываемая нормативно-правовая база должна стать той основой, на которой будут строиться отношения всех взаимодействующих сторон. Она не только призвана узаконить саму экспертизу, но и создать набор документов, в том числе положений, которые будут регулировать экспертные исследования и дадут возможность проверить обоснованность и достоверность сделанных

выводов. При разработке методов правового регулирования следует учитывать особенности реализации этнологической экспертизы в зависимости от тех общественных отношений, которые подвергаются правовой регламентации. В качестве примера можно привести следующий ряд предметов правового регулирования (рис. 4)<sup>343</sup>:



Рис. 4. Возможные предметы правового регулирования этнологической экспертизы

На фоне отсутствия законодательного закрепления процедуры этнологической экспертизы и ее явном этническом фокусе в Российской Федерации, опыт оценки социального воздействия, утвержденной на уровне государственного законодательства во многих странах, выглядит позитивно. Одна из последних экспертиз в России была проведена с использованием

<sup>343</sup> Об особенностях этнологической экспертизы по предметам правового регулирования см. также: Миграция и межнациональные отношения: ресурс государственно-общественного партнерства в России. М., 2019. С. 227–228.

методов и приемов SIA<sup>344</sup>. Д. А. Функ, подчеркивая обилие литературы, в том числе учебников, по проведению SIA, буквально призывает перестать «изобретать собственные виды этноэкспертиз» и начать наконец использовать накопленный опыт<sup>345</sup>. Впрочем, других исследователей не убеждают ссылки на «положительный западный опыт»<sup>346</sup>.

Дискуссия вокруг этнологической экспертизы и ее месте в мировом контексте и в связи с распространением оценки социального воздействия еще не исчерпана, а значит, есть повод для новых размышлений об различных аспектах этой проблемы.

---

<sup>344</sup> Басов А. С., Ковальский С. О. Опыт применения международного подхода к оценке социального воздействия в рамках этнологической экспертизы на Западном Таймыре // Сибирские исторические исследования. 2021. № 3. С. 171–198.

<sup>345</sup> Функ Д. А. «Этнологическая экспертиза»: российский опыт... С. 77–78.

<sup>346</sup> См., напр.: Вахтин Н. Б. Этнологическая экспертиза: этносы или люди? С. 135–139.

## ГЛАВА 2. СЦЕНАРИИ ПРОВЕДЕНИЯ ЭКСПЕРТИЗ

В контексте этнологической экспертизы как исследовательского процесса, сценарий ее проведения является ключом к получению новых знаний и обретает особую значимость для решения похожих задач — из инструмента, необходимого для принятия управленческого решения она превращается в методологию.

Для иллюстрации различных исследовательских стратегий и практик выбрано восемь кейсов. Главным критерием выбора стала публикация экспертизы и ее доступность широкому кругу читателей (большинство экспертных работ, по разным причинам, открыто не публикуются). Далее представлены аннотации рассматриваемых этнологических экспертиз (ЭЭ) в хронологическом порядке.

### *ЭЭ 1 (2002)*

Проведена в 2002 г. на территории Ямало-Ненецкого автономного округа по инициативе представителей коренных малочисленных народов Севера. Заказчик — Ассоциация «Ямал — потомкам!» и ОАО «Газпром». Цель экспертизы напрямую в тексте не указана. Из названия работы следует, что проводилась оценка потенциального воздействия программы ОАО «Газпром» поисково-разведочных работ в акваториях Обской и Тазовский губ на компоненты устойчивого развития этнических групп коренных малочисленных народов Севера. Эксперты — Д. Д. Богоявленский, Е. П. Мартынова, О. А. Мурашко, Е. Н. Хмелева, Ю. Я. Якель, О. А. Яковлева.

### *ЭЭ 2 (2004)*

Проведена в 2004 г. на территории Чувашенской сельской администрации МО «г. Мыски» Кемеровской области. Заказчик — Департамент национальной политики и общественных отношений администрации Кемеровской области и

ООО «МетАл». Цель напрямую в тексте не обозначена. Авторы указывают, что экспертиза проводилась для оценки межэтнического взаимодействия. Из названия работы также следует, что проводилась оценка воздействия угольных предприятий на системы жизнеобеспечения автохтонного и русского населения. Эксперты — А. Н. Садовой, О. В. Нечипоренко, М. В. Белозерова, В. В. Поддубиков, В. В. Шиллер.

*ЭЭ 3 (2005–2006)*

Проводилась в 2005–2006 гг. на территории Беловского и Гурьевского районов Кемеровской области. Заказчик — Ассоциация «Эне–Байат» и администрация Кемеровской области. Основная цель экспертизы — выявление главных направлений и тенденций этнополитических процессов в среде бачатских телеутов, степени обоснованности выдвигаемых национальными объединениями политических требований на региональном и федеральном уровнях и оценка эффективности проводимого курса региональной национальной политики по отношению к этой этнической группе. Эксперты — В. И. Бойко, В. С. Шмаков, О. В. Нечипоренко.

*ЭЭ 4 (2010)*

Проведена в 2010 г. на территории Пожарского района Приморского края. Инициатором проведения выступили Амурский филиал Всемирного фонда дикой природы и объединения удыгейцев. Конкретный заказчик в тексте не указан. Цель обозначена как исследование и прогнозирование ситуации юридического закрепления права аренды общины коренных малочисленных народов Севера на участок леса для заготовки пищевых лесных ресурсов и сбора лекарственных растений. Эксперты — О. О. Звиденная, Н. И. Новикова.

*ЭЭ 5 (2011)*

Проведена в 2011 г. на территории Тазовского района Ямало-Ненецкого автономного округа по инициативе Тазовского отделения Ассоциации КМНС

«Ямал — потомкам!». Цель — определение влияния изменений исконной среды обитания коренных малочисленных народов Севера и социально-экономической и этнокультурной ситуации в Тазовском районе в связи с планируемой хозяйственной и иной деятельностью, связанной со строительством объектов ОАО «АК “Транснефть”» «Трубопроводная система “Заполярье — НПС “Пур-пе”» и «Трубопроводная система “Заполярье — НПС “Пур-пе”. Сеть связи», на развитие коренных малочисленных народов Севера — ненцев. Эксперты — Е. П. Мартынова, Н. И. Новикова.

#### *ЭЭ 6 (2012)*

Проведена в 2012 г. на территории Тазовского района Ямало-Ненецкого автономного округа по инициативе представителей КМНС, заказчиком выступила администрация округа. Цель — исследование комплексного воздействия промышленного освоения на «аборигенное и шире — местное население». Эксперты — В. Н. Адаев, Е. П. Мартынова, Н. И. Новикова.

#### *ЭЭ 7 (2013)*

Проведена в 2013 г. в Ямальском районе Ямало-Ненецкого автономного округа в качестве составной части экологической экспертизы, заказанной ООО «Газпром Геологоразведка». Цель — прогноз последствий воздействия геологоразведочных работ на образ жизни кочевников-ненцев и разработка предложений по минимизации социального и этнокультурного ущерба. Эксперты — А. В. Головнёв, С. В. Лёзова, И. В. Абрамов, С. Ю. Белоруссова, Н. А. Бабенкова.

#### *ЭЭ 8 (2021)*

Проведена в 2021 г. на территории Таймырского Долгано-Ненецкого муниципального района Красноярского края в связи с разливом дизельного топлива на исконную среду обитания коренных малочисленных народов Таймыра. Заказчик — Ассоциация коренных малочисленных народов Таймыра,

на средства «Норникеля». Цель — исследование прямого ущерба от аварии и цепочки воздействий в экологии, хозяйственной деятельности и других сферах культуры и общественных отношений. Эксперты — А. В. Головнёв, В. Н. Давыдов, Е. В. Перевалова, Т. С. Киссер. Экспертиза научного коллектива МАЭ РАН была не единственной, проведенной по факту разлива нефтепродуктов на ТЭЦ-3 в городе Норильск. Первой стала оценка «Проектного офиса развития Арктики» (ПОРА)<sup>347</sup>, параллельно с анализируемой также выполнялись исследования ИЭА РАН, часть их результатов опубликована в статье<sup>348</sup>.

## 2.1 Действующие лица и заинтересованные стороны

Процесс этнологической экспертизы предполагает взаимодействие всех действующих лиц: органов власти, промышленных компаний, населения, оказавшегося «под воздействием», научного сообщества. Заинтересованные стороны, которые оказывают влияние на принимаемые решения или оказываются под влиянием этих решений называют стейкхолдерами (англ. *stakeholder*)<sup>349</sup>. Определение стейкхолдеров, анализ, учет, фиксация их интересов, ожиданий, потребностей — одна из ключевых задач этноэкспертизы, поскольку именно на пересечении интересов возникают условия для конфликта и, соответственно, формулируются альтернативы для последующей выработки стратегических изменений.

Основной категорией, в чьих интересах проводится этнологическая экспертиза, является население, которое оказалось или может оказаться под воздействием управленческого решения. Во всех анализируемых текстах таковым заявлены коренные малочисленные народы Севера. Этнологические

---

<sup>347</sup> Общественная площадка для коммуникации государственных, общественных и коммерческих организаций, заинтересованных в устойчивом развитии Арктики. URL: <https://porarctic.ru> (дата обращения: 02.07.2022).

<sup>348</sup> Басов А. С., Ковальский С. О. Опыт применения международного подхода к оценке социального воздействия в рамках этнологической экспертизы на Западном Таймыре // Сибирские исторические исследования. 2021. № 3. С. 171–198.

<sup>349</sup> Понятие «стейкхолдер» и модель применения теории были предложены Р. Э. Фриманом в 1980-х гг. в работе «Стратегический менеджмент: концепция заинтересованных сторон» (См.: Freeman R. E. Strategic Management: A Stakeholder Approach. Boston, 1984).



экспертизы 2002, 2011–2013 гг. проводились в интересах ненцев ЯНАО; в 2004 г. требование о проведении экспертизы исходило от шорцев, проживающих на территории Чувашенской сельской администрации МО «г. Мыски»; в 2005–2006 гг. в зоне влияния оказались бачатские телеуты Беловского и Гурьевского районов Кемеровской области; в 2010 г. в Пожарском районе Приморского края затронула интересы общины удыгейцев; в 2021 г. на Таймыре она коснулась представителей пяти народов: долганы, ненцы, нганасаны, энцы, эвенки.

При работе с сообществами коренных народов, как замечают и сами эксперты, создаются комфортные условия, поскольку «здесь есть и опыт, и связи, и внятные общие цели»<sup>350</sup>. С юридической точки зрения, малочисленными являются народы, «проживающие на территориях традиционного расселения своих предков, сохраняющие традиционные образ жизни, хозяйственную деятельность и промыслы <...> и осознающие себя самостоятельными этническими общностями»<sup>351</sup>.

### ЭЭ 1

В этнологической экспертизе 2002 г. население, попавшее в сферу влияния, неоднородно по этнокультурным и социально-экономическим характеристикам. Исследователи выделяют три зоны влияния проекта: непосредственного, умеренного и опосредованного. К зоне непосредственного и умеренного воздействия отнесены три района ЯНАО, описаны традиционные формы природопользования (рыболовство, охотничий промысел, оленеводство) и выполнен анализ демографической устойчивости. Для зоны опосредованного влияния описаны локальные типы традиционного природопользования. Авторы акцентируют:

«в нашем обзоре мы будем рассматривать то население, которое непосредственно и наиболее сильно затронуто совокупным влиянием

<sup>350</sup> Новикова Н. И. Прикладная антропология как научное направление // Антропология социальных перемен. Исследования по социально-культурной антропологии. М., 2011. С. 213.

<sup>351</sup> Федеральный Закон от 30 апреля 1999 г. № 82-ФЗ (ред. от 07.02.2022) «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации» // Электронный фонд нормативно-технической и нормативно-правовой информации Консорциума «Кодекс». URL: <https://docs.cntd.ru/document/901732262> (дата обращения: 12.07.2022).

работ на двух вышеуказанных площадях [Чугурьяхинской и Обской — Е. Д.]. Причем, влияние именно на это население, как мы постараемся показать, может быть критическим. Там, где данных по этому населению не будет, мы обратимся к материалам по всему ЯНАО»<sup>352</sup>.

В опубликованном тексте подробно описана традиционная культура коренного населения, однако, что касается конкретных замечаний затронутого сообщества, показывающих их участие в процессе исследования, встречается лишь одно мнение, которое, по словам экспертов, распространено среди местного населения:

«Землю уже всю расковыряли. Пастбищ совсем мало осталось. Все реки отравлены. Нужно хоть воду сохранить. Губа — это жизнь наших людей. Нельзя допустить, чтобы в ней качали газ. Плохо будет всем, особенно безоленным людям»<sup>353</sup>.

Авторы также отмечают, что при проведении экспертизы учтены «мнения и оценки руководителей, специалистов и общественных деятелей» и указывают список из 21 человека<sup>354</sup>, при этом, в зонах непосредственного и умеренного влияния проживают 18 597 человек (количество КМНС трех районов)<sup>355</sup>.

Влияние на другие действующие лица в этой экспертизе не рассматриваются. Интересы ОАО «Газпром» в исследовании не представлены, при этом в разделе «Экспертное заключение по соблюдению требований действующего законодательства» приведен список нарушений, которые компания допустила при разработке своей программы<sup>356</sup>.

## ЭЭ 2

При оценке межэтнического взаимодействия в 2004 г. организации и лица, включенные в процесс формирования социально-экономической ситуации, определившей конфликт, обозначены в самом начале текста экспертизы. Это оказался довольно широкий круг заинтересованных сторон, среди которых

---

<sup>352</sup> Опыт проведения этнологической экспертизы: оценка потенциального воздействия программы ОАО «Газпром»... С. 73.

<sup>353</sup> Там же. С. 68.

<sup>354</sup> Там же. С. 71.

<sup>355</sup> Там же. С. 14.

<sup>356</sup> Там же. С. 116.

помимо горнодобывающих и металлургических компаний «Мечел» и «ММК» указаны органы власти, природоохранные и общественные организации и др.

Позиции сторон в оценке причин и механизме конфликтной ситуации представлены отдельным разделом, явного акцента на мнениях коренных коренного народа нет, несмотря на то, что требование провести саму экспертизу исходило от шорцев<sup>357</sup>.

«Спектр мнений и оценок причин сложившейся конфликтной ситуации <...> поливариантен и изменчив. Каждая из позиций порою противостоящих сторон имеет свою внутреннюю логику, поскольку в конфликте столкнулись не только этнические, сколько экономические и политические интересы»<sup>358</sup>.

«Самая ожидаемая помощь с точки зрения населения — это решение комплекса жилищно-коммунальных проблем: 64 % респондентов считают, что угольные предприятия должны продавать сельчанам уголь по себестоимости <...> Также большой процент опрошенных связывает с предприятием надежды на решение жилищных проблем»<sup>359</sup>.

Эксперты делают важное дополнение, касающееся представления позиций и участия затронутого сообщества шорцев в решении проблем:

«Конструктивное решение проблем, стоящих перед населением Чувашенской сельской администрации возможно только в случае, если разрабатываемые программы будут не только опираться на поддержку шорцев, но и активно включать последних в их реализацию»<sup>360</sup>.

### ЭЭЗ

Интересная идея, связанная с представлением стейкхолдеров, предложена в экспертизе 2005–2006 гг. Интересы сторон, участвующих в социальных конфликтах, связанных с последствиями хозяйственной деятельности, продемонстрированы не в виде секторов, а в виде кругов, имеющих четкую область пересечения — область обоюдных интересов<sup>361</sup>. Эксперты отмечают, что ожидания сельского, как телеутского, так и русского населения связаны с тем,

<sup>357</sup> В приложении к экспертизе дана историческая справка, посвященная мысковской группе шорцев. См.: Этнологическая экспертиза. Оценка воздействия ООО «МетАл»... Приложение VII. С. 175–193.

<sup>358</sup> Там же. С. 66.

<sup>359</sup> Там же. С. 66.

<sup>360</sup> Там же. С. 128.

<sup>361</sup> Бойко В. И., Шмаков В. С. Нечипоренко О. В. Этнологическая экспертиза... С. 177.

что «именно собственники промышленных предприятий как ответственные за неблагоприятную экологическую и социальную обстановку (а не органы власти) обязаны решать социальные вопросы, возникающие на этнической территории»<sup>362</sup>.

#### ЭЭ 4

В этнологической экспертизе 2010 г. определение сообществ, интересы которых могут быть затронуты при реализации проекта, являлось отдельным пунктом технического задания, и авторы посвятили этому первую главу текста вместе с описанием среды обитания.

Экспертами установлено, что в зоне влияния проекта проживает 690 человек, которые «ведут схожий образ жизни и занимаются традиционным природопользованием (охота, рыболовство, сбор дикоросов), имеют общность культурно-бытовых черт и духовной культуры», среди них 80 % — коренные малочисленные народы: удэгейцы, нанайцы, орочи, эвенки, остальные 20 % не определены. Авторы замечают, что для целей экспертизы этнические различия большого значения не имеют и, опираясь на законодательство РФ, все местное сообщество определяют как коренное население и рассматривают его как единое территориальное сообщество, имеющее общие «интересы в сфере природопользования и сохранения биологического разнообразия»<sup>363</sup>. Однако, учитывая, что большую часть населения составляют удэгейцы (426 человек, 77 % от числа коренных народов), само исследование опирается именно на их изучение, в том числе описывается их этническая история.

По замечаниям экспертов, в самом процессе оценки местное население участвует в роли информантов (количество опрошенных не указано). Их интересы и ожидания от реализации проекта встроены в текст описания традиционного образа жизни, экологических знаний, современных форм хозяйственной деятельности и социально-демографической характеристики, при этом главный акцент сделан на исключительности связи коренных жителей с

<sup>362</sup> Этнологическая экспертиза. Оценка воздействия ООО «МетАл»... С. 206.

<sup>363</sup> Звиденная О. О., Новикова Н. И. Удэгейцы: охотники и собиратели реки Бикин... С. 7–28; 38.

тайгой. Из текста экспертизы следует, что местное население от проекта ожидает изменения их положения в лучшую сторону:

«...основные преимущества проекта, которые отмечали все удэгейцы, это лесоохранная функция аренды территории, которая теперь закреплена за общиной “Тигр”, и надежда на появление дополнительного дохода и рабочих мест — в этом все жители оказались единодушны»<sup>364</sup>.

«Общиной коренных малочисленных народов “Тигр” в поселках, расположенных в зоне компактного проживания коренных народов, ожидается существенное увеличение числа рабочих мест для местного населения. Жители поселков ожидают, что юридическое оформление права аренды орехо-промысловой зоны будет способствовать решению вопросов занятости, улучшению условий для реализации пищевых ресурсов тайги»<sup>365</sup>.

Чаще всего повторяемое ожидание — увеличение числа рабочих мест<sup>366</sup>.

Стоит отметить, что спустя пять лет после проведения экспертизы эта территория вошла в национальный парк «Бикин», а в 2018 г. попала в список объектов Всемирного Наследия ЮНЕСКО<sup>367</sup>. Национальный парк «Бикин» считается одним из первых, в уставе которого написано, что целью его создания является защита традиционного образа жизни коренных малочисленных народов<sup>368</sup>. Однако, несмотря на это, внутри самого сообщества произошел раскол, община «Тигр», в интересах которой была проведена первая экспертиза, утратила свои позиции, и была против создания национального парка<sup>369</sup>.

## ЭЭ 5

В этнологической экспертизе 2011 г., проводившейся по факту беспокойности местными жителями строительством объектов нефтепромысла

<sup>364</sup> Там же. С. 63.

<sup>365</sup> Там же. С. 114.

<sup>366</sup> Там же. С. 63, 114, 116.

<sup>367</sup> При создании национального парка вновь была проведена общественная этнологическая экспертиза, которая дала положительное заключение. Экспертами выступили к.с.н. О. В. Аксенова (Институт социологии РАН) и к.б.н. Н. В. Вронский (Центр содействия коренным малочисленным народам Севера; Российский НИИ культурного и природного наследия им. Д. С. Лихачева).

<sup>368</sup> Бочарникова А. В. Коренные народы и особо охраняемые природные территории: опыт соуправления природными ресурсами. М., 2017. Сер.: Библиотека коренных народов Севера, вып. № 17. С. 20.

<sup>369</sup> О конфликте подробнее см.: Миколайчук Д. Лесные люди и их вражда. Почему удэгейцы воюют с нацпарком «Бикин» // «Сноб». 23 октября 2019. URL: <https://snob.ru/entry/184272/> (дата обращения: 01.04.2022); Васюкова Е. «Это — дискриминация». Как в нацпарке «Бикин» случилась «гражданская война». URL: <https://www.sibreal.org/a/30309933.html> (дата обращения: 10.09.2021, на момент обращения 13.04.2022 сайт заблокирован).

в Тазовском районе, действующими лицами являлись представители КМНС, администрация района и ОАО «АК “Транснефть”». По данным экспертов, свои позиции высказывали все заинтересованные стороны, а члены общественной организации «Ямал — потомкам!» в Тазовском районе активно участвовали в самом процессе экспертизы.

Общие статистические данные о населении, непосредственно и наиболее сильно затронутым планируемым проектом представлены в главе «Демографическая ситуация в районе освоения»<sup>370</sup>. Далее эксперты предлагают подробное описание традиционного хозяйства ненцев, как наиболее многочисленной этнической группы, проживающей на обследуемой территории. В самостоятельной главе рассматриваются вопросы взаимодействия коренных малочисленных народов Севера с промышленными компаниями и, через представление мнений местного населения (ненцев) повествуется о рисках и обеспокоенности.

Во время проведения этнологической экспертизы собраны материалы, показывающие высокую степень обеспокоенности у коренных народов в связи с воздействием экспертируемых проектов на реку Таз и в связи с работой промышленных компаний в целом. Эксперты несколько раз подчеркивают, что отрицательные настроения связаны с низким уровнем информированности. Несмотря на соблюдение всех требований действующего законодательства, на общественных слушаниях ОАО «АК “Транснефть”» «не смогла достаточно хорошо и всестороннее объяснить коренному населению безопасность и целесообразность нефтепровода в районе»<sup>371</sup>. Кроме того, время для слушаний было выбрано крайне неудобно — сразу после праздника «Дня оленевода», что предопределило присутствие малого количества оленеводов.

## ЭЭ 6

Примером, в котором заявлена попытка изучения всех стейкхолдеров по единой методике и программе, включая представителей промышленных

<sup>370</sup> Мартынова Е. П., Новикова Н. И. Тазовские ненцы в условиях нефтегазового освоения. С. 45–50.

<sup>371</sup> Там же. С. 109.

компаний, является экспертиза 2012 г. Авторы исследования проводили встречи с работниками предприятий и отмечают, что, например, сотрудники ООО «ЛУКОЙЛ — Западная Сибирь» не могли четко сказать, в чем заключается политика компании, какие меры она принимает по взаимодействию с коренными народами<sup>372</sup>. Такая тенденция отмечается среди всех промышленных предприятий, осуществляющих свою деятельность в округе.

«Создается впечатление, что руководство компаний не прилагает усилий, чтобы набрать более квалифицированные кадры для такой работы [имеется в виду деятельность в отношении малочисленных народов — *Е. Д.*] и слабо ее контролируют. Возможно, что у нефтегазовых предприятий в округе нет четкого представления о том, какова должна быть эта деятельность. Мы встретили лишь одного работника компании (НовАтэк) А. Д. Лырмина, который мог охарактеризовать свои служебные функции»<sup>373</sup>.

Учитывая, что представители промышленников говорили неохотно и скованно, основными источниками по определению позиций компаний стали документы, характеризующие их политику: соглашения о сотрудничестве, правила поведения работников, должностные инструкции и др.

## ЭЭ 7

Ярким образцом трансляции интересов коренных народов является насыщенная прямой речью экспертиза 2013 г., в которой тундровые кочевники позиционируются как равные партнеры диалога, обладающие «огромным опытом арктической адаптации, уникальными технологиями мобильности, философией и практикой «жизни в движении»<sup>374</sup>.

Эксперт при этом собирает и транслирует «голос тундры», используя сводные данные анкетирования, интервью, непосредственные наблюдения и аналитику. В тексте представлены разные мнения, в которых выражены тревоги и пожелания оленеводов об утеснении, оседании, загрязнении и др. Риторика представления позиций основывается на идее баланса интересов и

<sup>372</sup> Адаев В. Н., Мартынова Е. П., Новикова Н. И. Качество жизни в контексте этнологической экспертизы... С. 175.

<sup>373</sup> Там же. С. 174.

<sup>374</sup> Этноэкспертиза на Ямале: ненецкие кочевья и газовые месторождения. С. 7–8.

взаимовыгодного диалога при столкновении совершенно разных культур кочевников и недропользователей. Причем со стороны кочевников отмечаются вполне позитивные настроения на этот счет. Например, А. С. Сэротэтто, глава общины «Харп», «настроен оптимистично и убежден, что сотрудничество с предприятиями ОАО «Газпром» позволит обеспечить сосуществование в тундре газовиков и оленеводов, для чего необходимо проводить совместные мероприятия»<sup>375</sup>. Ю. М. Худи, председатель общественного движения «Ямал», считает, что все можно уладить с помощью диалога<sup>376</sup>.

Транслируя разные мнения, экспертам удалось показать общий вектор ожиданий жителей Ямала, которые осознавая угрозы ресурсно-промышленного освоения их традиционному укладу жизни, культуре и мировоззрению, видят и открывающиеся во взаимодействии с предприятиями ТЭК новые перспективы. Кроме того, они удовлетворены активным строительством в поселках и ожидают финансовой помощи.

«У ненцев, наверное, разные мнения, но они сходятся в одной точке — чтобы поддержка была со стороны Газпрома, и финансовая, и по жилплощади»<sup>377</sup>.

Основные опасения ненцев связаны с экологическими проблемами и утратой кочевого образа жизни, поскольку они убеждены, что их культура может сохраниться только за счет ведения оленеводческого хозяйства. В качестве проблем также обозначены трудности трудоустройства, безработица, приток южных мигрантов. Качественное представление действующих лиц эксперты дополняют видеоматериалами, в которых местные жители транслируют свои интересы.

## ЭЭ 8

Действующие лица и заинтересованные стороны, фигурирующие вокруг ситуации разлива дизельного топлива на Таймыре, представлены в экспертизе

---

<sup>375</sup> Там же. С. 67.

<sup>376</sup> Там же. С. 95.

<sup>377</sup> Там же. С. 76.



отдельной главой<sup>378</sup>. В качестве стейкхолдеров определены добывающие компании, государственные структуры и проживающие на обследуемой территории коренные малочисленные народы.

Раскрывая пересекающиеся мотивы действующих лиц, эксперты показывают существующий расклад интересов и возможные сценарии развития событий. При этом добывающие компании представлены описательно, в основном по источникам СМИ (интернет-ресурсам), позиции государственных структур раскрыты через мнения тех представителей коренных народов, которые занимают соответствующие должности в административном аппарате. Коренные народы проиллюстрированы разными социальными группами — этнолидерами, ассоциациями, общинами. Прямые цитаты в тексте дополнены данными мониторинга настроений и персональных позиций через социальные сети.

Территорию воздействия эксперты разделили на три зоны: высокого, среднего и низкого влияния, в зависимости от удаленности от места непосредственного загрязнения<sup>379</sup>.

В экспертизе раскрыта не только палитра мнений относительно произошедшей катастрофы, но и настроения общественности в целом, круг проблем вокруг природопользования и землепользования, ожидания относительно льгот и компенсаций. В большей степени возмущения местного населения связаны с «посягательством на права КМНС» со стороны недропользователей, власти и лидеров коренных малочисленных народов Таймыра (КМНТ):

«Для народов — ненцев, энцев, долган, нганасан, эвенков и других северных народов, проживающих на Таймыре — никаких привилегий нет, фактически ни один законопроект не работает в силу. А для чиновников, депутатов, Управления по делам КМНТ Администрации района, краевых органов власти, работающих под прикрытием этих северных народов, статус и наличие этих северных народов — раздолье для удовлетворения собственных амбиций, получения высоких стабильных зарплат, и все это

---

<sup>378</sup> Этноэкспертиза на Таймыре: коренные народы и техногенные вызовы. С. 114–178.

<sup>379</sup> Там же. С. 67.

на фоне угрожающе разрастающейся нищеты коренных малочисленных народов Таймыра»<sup>380</sup>.

Эксперты полагают, что достижение полного единомыслия нереально, каждая из сторон считает свои интересы первостепенными, и даже, если заявляет о признании приоритета другой стороны, то все равно истолковывает его по-своему. При этом они полагают, что выработка механизма согласования принципиальных позиций и его строгое соблюдение возможно соблюдения возможна путем проведения публичных дискуссий и подписания официальных меморандумов.

\*\*\*

Во всех рассмотренных экспертизах населением, попавшим в сферу воздействия, являлись коренные малочисленные народы, но в тех случаях, где наряду с коренными, под влияние попадали и представители других народов, ведущие схожий образ жизни и природопользования, их интересы также учитывались. Этот факт еще раз подтверждает идею необходимости проводить экспертизу в отношении любых граждан РФ, вне зависимости от их этнической принадлежности, в противном случае, такая выборочная система иллюстрирует отсутствие элементарных норм равенства и оставляет возможность в случае выгоды «забывать» интересы действительно всех заинтересованных сторон.

Предыдущий опыт также дает нам ряд инструментов:

— делить территорию на зоны относительно уровня воздействия (ЭЭ 1; ЭЭ 8), с одной стороны, для того чтобы охватить максимальное количество населения, с другой, чтобы более конкретно представить интересы и четко выработать рекомендации;

— представлять позиции сторон отдельным разделом (ЭЭ 2; ЭЭ 8);

— изучать всех стейкхолдеров по единой методике и программе (ЭЭ 6);

— выделять области обоюдных интересов (ЭЭ 3), конструктивно сочетать ожидания сторон (ЭЭ 8);

---

<sup>380</sup> Там же. С. 142–143.

— более конкретно оперировать цифрами (ЭЭ 4).

Важным замечанием в части «действующих лиц» можно отметить обязательность их участия в самом процессе экспертизы, для чего следует организовывать соответствующие собрания, слушания, опросы. Время для слушаний должно выбираться разумно, чтобы участники событий могли на нем присутствовать (ЭЭ 5). При этом необходимо ориентировать стейкхолдеров на развитие многосторонних моделей взаимодействия и искать основы для кооперации (ЭЭ 8).

## 2.2 Источники и методы

После того, как определены основные заинтересованные стороны, начинается, собственно, процесс экспертизы как научного исследования, который немислим без метода познания. Как замечает В. В. Степанов, перевоплощаясь в эксперта, этнолог перестает быть «свободным и безответственным гуманитарием», и в своем новом качестве ему необходима теория и методика<sup>381</sup>. Отвечая на вопрос, как происходит сама экспертиза, включая полевые исследования и обработку материала и анализируя источниковую базу и методы, которые использовались при проведении конкретных этноэкспертиз, можно собрать гайд, который будет являться не готовым алгоритмом успешной экспертизы, но может служить руководством при разработке ее методики от замысла до реализации и удобным набором разнообразного инструментария.

### ЭЭ 1

В этнологической экспертизе 2002 г. в качестве основного принципа заявлен системный подход, а в самом тексте можно найти целый раздел, посвященный методам<sup>382</sup>, в котором содержатся цитаты из Операционной

<sup>381</sup> Степанов В. В. Принципы, объекты и терминология... С. 143.

<sup>382</sup> Опыт проведения этнологической экспертизы: оценка потенциального воздействия программы ОАО «Газпром»... С. 8–13.

директивы Всемирного Банка и книги В. В. Степанова<sup>383</sup>. Однако это скорее «методологический вектор», который берут авторы, а не методика конкретной работы.

Заявляя в самом начале своего исследования, что предметом экспертизы «должны являться возможные сценарии развития этнологической ситуации во время проведения, после и вследствие реализации Проекта»<sup>384</sup>, эксперты не следуют в полном объеме заданному ими же порядку действий. Фактически, из-за ограниченного срока (один месяц с учетом всех полевых работ) и большого массива запрошенных документов, который нужно было проанализировать (Проекты поисков залежей газа в сеноманских отложениях на площади Обская в акватории Обской губы и площади Чугурьяхинская в акватории Тазовской губы, Рабочие проекты на строительство соответствующих поисковых скважин, Оценки воздействия на окружающую среду поисково-разведочных работ на газ<sup>385</sup>) был выбран ограниченный набор направлений исследований: анализ демографической, этнокультурной, социально-психологической, социально-экономической устойчивости населения и оценка возможных последствий осуществления программы или проекта<sup>386</sup>.

Анализ демографической устойчивости и социально-экономического положения групп коренного населения, проживающих в зоне потенциального воздействия Проекта (см. раздел IV) выполнен по таким критериям как численность и размещение населения; половозрастная структура; медицинское обслуживание и заболеваемость; занятость и образование. Анализ устойчивости этнокультурной среды групп коренного населения, проживающих в зоне потенциального воздействия (см. раздел III) представлял собой описание традиционной хозяйственной деятельности.

## ЭЭ 2

---

<sup>383</sup> Имеется в виду книга «Методы этноэкологической экспертизы». М., 1999.

<sup>384</sup> Опыт проведения этнологической экспертизы: оценка потенциального воздействия программы ОАО «Газпром»... С. 13.

<sup>385</sup> Там же. С. 5–6.

<sup>386</sup> Там же. С. 5.

Принципиально иная методика применялась при проведении экспертизы 2004 г. В ней предлагался следующий порядок: определение круга действующих лиц; описание хроники событий и представление позиций сторон; оценка демографической ситуации; анализ традиционных форм жизнеобеспечения; рекомендации.

Используемый инструментарий социологического исследования авторы раскрыли в специально посвященном этому вопросу приложении III, согласно которому применены следующие прикладные методики: массовый опрос населения обследуемых населенных пунктов; выборочное неформализованное интервьюирование; включенное наблюдение; паспортизация сел; сбор документов официальных органов власти.

Для проведения неформализованного интервью использовалась анкета, включавшая более восьмидесяти вопросов, которые были сгруппированы по тематическим блокам: демография, миграция, структура занятости и безработица, уровень и качество жизни, формы природопользования и экологическая ситуация, роль промышленного комплекса, общинное самоуправление, межнациональные отношения, политическое сознание, этническая самоидентификация, оценка перспектив развития этноса.

Исследованием было охвачено по одному представителю из 133 домохозяйств (70 % от общей совокупности) и, благодаря таблицам из приложений, можно увидеть статистические данные опрошенных. Отдельным приложением представлены копии документов, отражающих суть конфликта и список документированных источников — нормативная и делопроизводственная документация, документы национальных ассоциаций, межведомственная переписка и др. В период проведения исследования также собирались материалы местных периодических изданий.

Признаки некой универсальности вышеописанной методики проявились в использовании тех же приемов в экспертизе 2005–2006 гг., несмотря на отличающиеся цели.

Источниковой базой экспертизы обозначены результаты полевых исследований, статистической обработки массовых источников, систематизации и информационной обработки делопроизводственной документации всех заинтересованных сторон.

Полевые исследования осуществлялись в два этапа. На первом проведено социологическое исследование, методология которого базировалась на материалах, разработанных в рамках научно-исследовательской программы «Комплексный мониторинг процессов этносоциального развития коренных малочисленных народов Сибири». Из 1 745 человек, попадающих «под воздействие», опрошено 146, из них 23 как эксперты<sup>387</sup>. На втором этапе, длившемся четыре месяца, выполнен анализ делопроизводственной документации.

Для сбора эмпирических материалов применялись прикладные методики: массовый опрос населения, выборочное неформализованное интервьюирование, включенное наблюдение, паспортизация сел, сбор документов официальных органов власти.

Интересный прием, который позволил представить ситуацию в динамике и определить круг организаций и лиц, постепенно вовлекавшихся в конфликт и в той или иной степени являющихся субъектами региональной национальной политики — это представленная хроника этнополитических и культурных процессов в среде телеутов Кемеровской области с начала XX в. до 2006 г. Кроме этого, выявлена общая направленность протекающих в среде телеутов этносоциальных процессов и круг проблем, ставящихся национальными объединениями перед органами региональной власти.

---

<sup>387</sup> Бойко В. И., Шмаков В. С. Нечипоренко О. В. Этнологическая экспертиза... С. 227.

Еще один момент, который следует отметить в контексте использованных приемов — применение цитогенетического метода для исследования биологических аспектов демографических процессов наряду с традиционным изучением данных, полученных из похозяйственных книг, книг регистрации актов о рождении и смерти, анкетировании. При применении цитогенетических методов для изучения адаптационного потенциала КМНС изучался полиморфизм цитокиновых генов и генов метаболизма ксенобиотиков (материал для этого исследования был собран ранее). Так, комплекс выявленных различными исследовательскими коллективами процессов был систематизирован и сопоставлен с результатами социологического исследования. Что это дало, из исследования не понятно.

Рассмотренные два последних случая являются богатыми источниками информации, в которых представлены различные аспекты демографических процессов, характеристика общественно-политических организаций и традиционных систем жизнеобеспечения, этносоциальная и социально-политическая ситуации. Однако не совсем ясными остались заключение и рекомендации экспертиз. Комментируя исследование 2004 г., Д. А. Функ отметил отсутствие в нем первичных материалов для доказательной выработки механизма социальной защиты населения, что вкупе с необязательностью выводов и продолжающимся освоением привели к резкому обострению ситуации<sup>388</sup>.

#### ЭЭ 4, ЭЭ 5, ЭЭ 6

Выстраивание методики исследования под техническое задание, сформулированное заказчиком, характерно для экспертиз 2010, 2011, 2012 гг., проведенных при участии ООО «Этноконсалтинг». При сравнении этих трех вариантов, можно сделать вывод, что эксперты действовали примерно по одной программе сбора данных, которая включала исследование следующих вопросов:

---

<sup>388</sup> Функ Д. А. «Этнологическая экспертиза»: российский опыт оценки социального воздействия промышленных проектов // Этнографическое обозрение. 2018. № 6. С. 74.

- (1) анализ нормативно-правовой базы проведения этнологической экспертизы;
- (2) анализ традиционного образа жизни малочисленных народов, зафиксированного до осуществления намечаемой деятельности, в зоне реализации и в зоне прямого и косвенного воздействия проекта;
- (3) выявление сообществ коренных малочисленных народов Севера и местных жителей, общин и иных объединений, интересы которых могут быть затронуты при реализации проекта;
- (4) сбор данных и проведение анализа социально-демографических показателей коренных малочисленных народов Севера и местных жителей в зоне реализации проекта;
- (5) обследование систем жизнеобеспечения коренных малочисленных народов Севера в зоне прямого и косвенного воздействия планируемой хозяйственной деятельности предприятия;
- (6) оценка социальной ситуации в зоне прямого и косвенного воздействия планируемой хозяйственной деятельности предприятия;
- (7) оценка состояния традиционной культуры в зоне прямого и косвенного воздействия планируемой хозяйственной деятельности предприятия;
- (8) определение и обследование наиболее уязвимых локальных этнокультурных групп и территорий в зоне прямого и косвенного воздействия планируемой хозяйственной деятельности предприятия;
- (9) определение и оценка возможных изменений в традиционном образе жизни малочисленных народов и местного населения при планируемой хозяйственной деятельности предприятия;
- (10) анализ политики промышленной компании;
- (11) общий прогноз развития этнодемографической, этносоциальной и этнокультурной ситуации (с учетом ее исходных данных) при реализации проекта;
- (12) разработка мер по предотвращению и/или снижению возможного негативного воздействия планируемой хозяйственной деятельности предприятия на исконную среду обитания и традиционный образ жизни коренных малочисленных народов<sup>389</sup>.

Во всех трех экспертизах в качестве методов обозначены «включенное наблюдение, опросы и интервью, причем особое значение придавалось экспертным интервью»<sup>390</sup>. Полевые исследования длились в Приморском крае шесть недель, на Ямале — чуть более трех недель в 2011 г. и около

<sup>389</sup> Адаев В. Н., Мартынова Е. П., Новикова Н. И. Качество жизни в контексте этнологической экспертизы... С. 16. Эта программа сбора данных также неоднократно публиковалась в статьях Н. И. Новиковой.

<sup>390</sup> Звиденная О. О., Новикова Н. И. Удэгейцы: охотники и собиратели реки Бикин... С. 12; Мартынова Е. П., Новикова Н. И. Тазовские ненцы в условиях нефтегазового освоения. С. 8–9; Адаев В. Н., Мартынова Е. П., Новикова Н. И. Качество жизни в контексте этнологической экспертизы... С. 11.



восьми в 2012 г. Помимо этого также использовались материалы из личных архивов экспертов.

Информантами по рассматриваемым проблемам выступали работники администраций муниципальных образований, руководители производственных объединений, в которых коренное население составляло значительную часть работников, сами охотники и рыбаки, активисты, районные депутаты, работники образования и здравоохранения. Из текстов экспертиз известно, что в 2011 г. записано более 100 интервью, в 2012 г. также опрошено 100 человек, пофамильный список которых прилагается отдельно.

Кроме полевого материала источниками исследований являлись нормативные документы Российской Федерации и региона исследования (ЯНАО или Приморского края), материалы оперативной статистики администраций районов работ и Департамента по делам КМНС ЯНАО и Тазовского отделения Ассоциации КМНС «Ямал — потомкам!», общины коренных малочисленных народов «Тигр».

Важным методологическим основанием своих работ авторы считают ее междисциплинарный характер на стыке социальной и юридической антропологии, а основным принципом оценки промышленного воздействия — системный подход, из которого следует, что любое воздействие (осуществляемое и планируемое) должно рассматриваться на все компоненты системы<sup>391</sup>. При этом начать следует с изучения демографических показателей, анализ которых дает возможность оценить, какое количество населения находится под влиянием и какова его структура.

Принципиально новым в исследовании 2012 г. стал анализ собранных полевых материалов в контексте изучения качества жизни. Эксперты полагают, что такой подход дает возможность учитывать не только статистические данные уровня благосостояния, но и включает в себя собственные оценки и представления населения, как на индивидуальном, так и на коллективном

---

<sup>391</sup> Адаев В. Н., Мартынова Е. П., Новикова Н. И. Качество жизни в контексте этнологической экспертизы... С. 48.

уровнях<sup>392</sup>. В этой же экспертизе указывается, что исследование выполнено в рамках «теории заинтересованных сторон», что подразумевает изучение всех стейкхолдеров одинаковыми методами. Однако в самом тексте мнения других вовлеченных сторон, кроме населения, оказавшегося под воздействием, отдельно не представлены.

Все три проведенные экспертизы основаны на полевых материалах и являются образцовыми этнографическими исследованиями образа жизни и системы жизнеобеспечения коренных народов. Особое внимание в них уделяется изменениям в традиционном природопользовании, демографии, социальной сфере. Акценты расставлены, как правило, в соответствии с техническими требованиями заказчика, которые в отсутствие правового регулирования определяются и согласовываются в том числе и самими исполнителями.

## ЭЭ 7

Методологически отличающейся от уже представленных кейсов выглядит экспертиза 2013 г., проведенная на Ямале. Акцент в ней сделан не на массовость, а на экспертность и, как результат, мы видим множество представленных мнений. Авторы полагают, что для трансляции взглядов и позиций исследуемого референтного сообщества «удобно использовать сводные данные анкетирования, интервью, непосредственных наблюдений и аналитики»<sup>393</sup>. При этом анкетирование — не социологическое, предполагающее массовый опрос, а этнографическое (в данном случае оно состояло из почти 80 вопросов), которое по существу является формализованным персональным интервью. Такой подход не является замером общественного мнения по заранее определенным параметрам, а позволяет очертить личную позицию собеседника в доверительной беседе и, как результат его применения, мы наблюдаем свод персональных позиций, который виден в том числе в большом количестве

---

<sup>392</sup> Новикова Н. И., Степанов В. В. Индикаторы качества жизни коренных малочисленных народов Севера Сахалинской области // Исследования по прикладной и неотложной этнологии. М., 2010. № 217.

<sup>393</sup> Этноэкспертиза на Ямале: ненецкие кочевья и газовые месторождения. С. 71.

прямых речей в тексте. Всего анкетами было опрошено 100 человек<sup>394</sup>, полевые исследования длились около восьми недель.

Кроме анкетирования были «собраны статистические материалы, в том числе данные о половозрастном составе населения и численности домохозяйств... статистика оборота оленних стад за десятилетие, а также аналитическая информация по развитию Ямальского района»<sup>395</sup>. Новым (на момент исследования) среди инструментов работы стал метод записи движения кочевников, который сводился к фиксации и последующей презентации технологий северного номадизма визуальными средствами этнографии и дизайна. Такой подход картографирования движения объединил возможности карты, видеофотокамер и GPS навигатора. В результате представленные карты с легендами в тексте этой экспертизе выгодно отличают ее от уже рассмотренных случаев.

Явным отличием и очевидным плюсом ямальского кейса 2013 г. является построение форсайт-сценариев, которые представлены в самостоятельной части, посвященной прогнозу и конкретным предложениям. Опираясь на аналитическую работу, авторы определяют и описывают условия (факторы), следование которым приводит к тому или иному результату, и представляют гуманитарные и социальные последствия этих сценариев. Речь идет о двух гипотетических сценариях: пессимистическом, подразумевающим «тотальное промышленное освоение западной тундры Ямала и преобразование среды обитания ненцев-оленеводов настолько, что произойдет их исход с территории Крузенштернского месторождения из-за невозможности вести традиционный образ жизни» и оптимистическом, предполагающим «минимизацию промышленной застройки и ее оптимальную конфигурацию, обеспечивающую сохранение условий для традиционного образа жизни и оленеводства ненцев»<sup>396</sup>. Предложенные сценарии показывают стейкхолдерам возможные пути развития ситуации при соблюдении конкретных условий, авторы определяют их как

---

<sup>394</sup> Там же.

<sup>395</sup> Этноэкспертиза на Ямале: ненецкие кочевья и газовые месторождения. С. 72.

<sup>396</sup> См.: Там же. С. 98–107.

равновесные факторы или основания. Владея такой информацией, дальнейшая стратегия развития, в том числе принятие конкретных управленческих решений, могут быть скорректированы.

Завершая анализ данных, касающихся источников и методов работы, которые декларируются в обозначенном тексте, следует также отметить, что отдельным разделом эксперты предложили познакомиться с «источниками и базами данных», в котором наряду с другими содержатся сведения об объектах культурного наследия на обследуемой территории.

## ЭЭ 8

Методология экспертизы на Таймыре схожа с описанной на Ямале, но существенно дополнена, авторы освещают ее в отдельной главе «Методология и инструментарий исследования»<sup>397</sup>. Ее основа — разработки реализованного под руководством А. В. Головнёва проекта «Мобильность в Арктике» и концепция «Новой этнографии»<sup>398</sup>.

Эксперты анализируют образ жизни населения Таймыра, рассматривая множество измерений, включающих модели освоения пространства, мобильности, традиционных хозяйственных и обрядовых практик. Непосредственное полевое исследование было осуществлено в серии экспедиционных выездов тремя отрядами общей продолжительностью шесть недель. Основными методами сбора материала были включенное наблюдение, глубинные интервью, беседы, фото- и видеофиксация. Кроме полевых, в экспертизе использованы и другие источники — архивные, визуальные, законодательные акты, проведено киберанкетирование<sup>399</sup> (всего опрошено 100 человек). Существенным дополнением, позволяющим отслеживать настроения сообщества и его реакцию на возможные экологические последствия ситуации, стал анализ масс-медиа и публикаций в интернете, мониторинг социальных сетей, проведение онлайн и телефонных интервью.

<sup>397</sup> Этноэкспертиза на Таймыре: коренные народы и техногенные вызовы. С. 58–78.

<sup>398</sup> Головнёв А. В. Новая этнография... С. 6–24.

<sup>399</sup> В тексте экспертизы приведен список вопросов: Этноэкспертиза на Таймыре: коренные народы и техногенные вызовы. С. 74–75.

Стоит отметить, что ни в одной другой подобной работе использование кибертехнологий не сыграло такой роли, как здесь.

В предисловии к тексту экспертизы авторы помещают паспорт региона и этнокультурную экспозицию, иллюстрируя их картами — такое решение позволяет сформировать представление об обследуемой территории до произошедшей аварии. Далее следует анализ техногенного вызова, который начинается с представления хронологии событий, благодаря чему мы узнаем не только факты случившейся катастрофе, но и круг действующих лиц, вовлеченных в данную ситуацию. Отдельным пунктом представлены оценки и мнения на разлив и ущерб, показывающий всю палитру взглядов. Дополняет описание произошедшей катастрофы подробный анализ уже проведенной в связи со случившимся экспертизы «Проектного офиса развития Арктики» и предложенной компенсационной политики «Норникеля».

Исследовательская часть, как и в предыдущей экспертизе, выполненной под руководством А. В. Головнёва, насыщена прямой речью. Новым в практике таймырской экспертизы является установка на максимальную открытость проводимых исследований, включая онлайн-трансляции бесед и интервью, что, по мнению самих экспертов, с одной стороны, полезно и увлекательно, так как «исследования ведутся под контролем руководителей региональной ассоциации коренных народов, ход и результаты проекта становятся достоянием общественности “в реальном времени”, благодаря чему складывается своего рода “публичная этнография”, а отдельные эпизоды исследований претендуют на пиар и хайп»<sup>400</sup>. С другой стороны, возникают этические вопросы, например, пикантные ситуации, связанные с «высказываем своего мнения относительно действий влиятельных лиц и других острых проблем современности»<sup>401</sup>.

В тексте экспертизы авторы пишут не только о трансформации образа жизни и моделей природопользования вследствие аварии, но и характеризуют современную этнокультурную ситуацию, повествуя об этнопроектах, лидерах и новой системе коммуникаций, связанной с распространением интернета в среде

---

<sup>400</sup> Этноэкспертиза на Таймыре: коренные народы и техногенные вызовы. С. 68.

<sup>401</sup> Там же.

местного населения. Отсутствие более конкретной статистической информации, в том числе в виде таблиц, объясняется тем, что данная экспертиза является только частью цикла экспертных работ на Таймыре, проводимой разными научными коллективами.

\*\*\*

Объем и состав проведенных работ во всех восьми случаях показывает, что этнологическая экспертиза как процесс является научным исследованием, в связи с этим, разработка системы методов должна являться важнейшим звеном в ее процессе. И, если под методикой этнологической экспертизы понимать порядок действий, охватывающий все этапы конкретного исследования, от постановки целей и задач до предлагаемых рекомендаций; объяснение того, как именно вовлечены затронутые и заинтересованные сообщества в процесс экспертизы; конкретизацию приемов и обоснование выбора тех или иных методов для решения конкретных задач, то в тексты экспертиз следовало бы помещать специальный раздел, посвященный методике работы.

Наличие такого раздела позволило бы определить заказчику и просто читателю, что получилось реализовать в ходе экспертизы, а что нет, и сделать изученные факты и явления проверяемыми. Кроме того, если запланирован дальнейший мониторинг ситуации, то использование таких же методов позволило бы сопоставлять результаты между собой и понимать, улучшается или ухудшается общая ситуация.

Основным источником экспертизы служат полевые исследования, отражающие текущую ситуацию, кроме них также следует привлекать архивные, визуальные, законодательные, кибер материалы.

Вне зависимости от использованных приемов и источников общий алгоритм экспертизы во всех случаях может быть примерно одинаков, а выбор конкретных методов зависит от ситуации. Иногда сама ситуация провоцирует или даже порождает использование того, или иного метода, как, например, в случае с картографированием движения на Ямале (ЭЭ 7) или раскрытие

конфликта через хронологическое представление фактов и явлений в Кемеровской области (ЭЭ 3).

Универсальными во всех экспертизах являются демографический анализ и качественное полевое интервью. Первый, скорее, статистический обзор, дает общую картину населения, попавшего под влияние, второй, подчеркивающий в том числе активное участие сообщества, демонстрирует индивидуальные и коллективные позиции, мотивы и настроения.

### 2.3 Диагностика и рекомендации

Этнологическая экспертиза, как часть «политического менеджмента»<sup>402</sup> и официальный инструмент реализации государственной национальной политики<sup>403</sup> больше всего проявляется в части предлагаемых рекомендаций, успешность которых напрямую зависит от правильной диагностики возможных социальных изменений. Сложность заключается в том, что необходимо просчитать изменения, которые коснутся в первую очередь критериев, не имеющих строгих количественных характеристик, а именно, как люди живут, работают, организуют свою повседневную жизнь, изменения, связанные с культурным воздействием, проявляющиеся в нормах и ценностях. Вне зависимости от типа воздействия (предполагаемого или осуществляемого), эксперт, учитывая, как правило существующие традиции и обычаи, а также мнения и предпочтения конкретного населения, чьи интересы затронуты, прогнозирует перспективы реализации того или иного проекта и исходя из этого, а также опыта схожих ситуаций, вырабатывает рекомендации.

#### ЭЭ 1

В этнологической экспертизе 2002 г. риторика предлагаемых рекомендаций основывается на принципе потенциального влияния на систему:

---

<sup>402</sup> Мартынова М. Ю. Миссия антропологии и этнологии: социальная роль и практическая значимость // XII Конгресс антропологов и этнологов России. С. 8.

<sup>403</sup> Указ Президента РФ от 06.12.2018 № 703.

исконная среда обитания — традиционные виды деятельности — образ жизни коренного населения. При этом основой сохранения и развития самобытной культуры обозначено промыслово-оленоводческое хозяйство. Диагностированная основная угроза — сокращение незатронутых промышленным освоением и экологически чистых земель и водоемов:

«Существующая сегодня система недропользования во многом не соответствует традиционным взглядам коренного населения на окружающую природную среду и способы взаимодействия с ней»<sup>404</sup>.

В качестве прогнозируемых ситуаций в случае реализации проекта обозначены люмпенизация, деэтнизация и депопуляция нескольких десятков тысяч представителей коренного населения региона<sup>405</sup>. Из более конкретных последствий: неблагоприятное воздействие на рыбные ресурсы и отсутствие возможности профессиональной переориентации населения<sup>406</sup>. Эксперты также сообщают, что промышленное освоение

«может создать препятствие для образования ТТП, поскольку хозяйственная деятельность по реализации данного проекта противоречит режиму особо охраняемых природных территорий — истощает рыбные запасы...»<sup>407</sup>

В заключении экспертизы жирным шрифтом обозначена рекомендация:

«...рассмотреть вопрос о возможности начала процедуры приостановления лицензии... до момента включения в Программу ОАО «Газпром» поисково-оценочных работ... отдельной программы обеспечения социально-экономических гарантий коренному и местному населению в случае негативных последствий реализации Программы поисково-оценочных работ»<sup>408</sup>.

При этом сама программа обеспечения социально-экономических гарантий не предлагается. Что касается компенсационных выплат, то эксперты полагают, что:

<sup>404</sup> Опыт проведения этнологической экспертизы: оценка потенциального воздействия программы ОАО «Газпром»... С. 67.

<sup>405</sup> Там же. С. 70.

<sup>406</sup> Там же. С. 96.

<sup>407</sup> Там же. С. 118.

<sup>408</sup> Там же. С. 127.



«Практика компенсаций не обеспечивает самостоятельного развития аборигенного сообщества, защиту среды обитания и наносит ущерб интересам будущих поколений. Никто не гарантирует, что после нефте- и газоразработок земля и вода будут пригодной для ведения традиционного хозяйства. Но уж если проблема компенсаций стоит, то, безусловно, они должны быть направлены на поддержку традиционных отраслей хозяйства как основы сохранения самобытности северных народов и, прежде всего рыболовной отрасли»<sup>409</sup>.

## ЭЭ 2

В этнологической экспертизе 2004 г., где объектом исследования являлось воздействие деятельности угледобывающих предприятий на системы жизнеобеспечения мысковской этнотерриториальной группы шорцев, в качестве угрозы в исследуемых населенных пунктах диагностирован демографический кризис и медленное вымирание. Сложившуюся ситуацию эксперты объясняют негативными последствиями долговременного промышленного освоения района и отсутствием взвешенной социальной программы, ориентированной на поддержку семьи и рекомендуют:

«При разработке демографической программы, предлагается в ближайшее десятилетие отдать приоритеты шорской группе, находящейся в худшем положении и более уязвимой в социально-экономическом плане»<sup>410</sup>.

Кроме этого предлагается расширение числа рабочих мест при определении для руководства угольных предприятий обязательных квот, приходящихся на местных жителей. Эксперты полагают, что это позволит не только решить вопрос с занятостью, «но может создать основу для постепенного решения проблем неполных семей»<sup>411</sup>.

Также интересным представляется замечание, сделанное относительно частных предприятий. Предлагается:

«...предусмотреть пересмотр лицензионных условий в сторону определения финансовых средств, направляемых на содержание хотя бы

<sup>409</sup> Опыт проведения этнологической экспертизы: оценка потенциального воздействия программы ОАО «Газпром»... С. 69–70.

<sup>410</sup> Этнологическая экспертиза. Оценка воздействия ООО «МетАл»... С. 88.

<sup>411</sup> Там же. С. 88.

части социальных объектов и участия в долговременных социальных программах, сориентированных на стимулирование рождаемости»<sup>412</sup>.

Повышать демографические показатели эксперты также предлагают за счет социальной политики:

«...предлагается внедрить программу кредитования под строительство жилья молодым семьям с погашением кредита за счет государства и частных предприятий в случае рождения трех и более детей»<sup>413</sup>.

Помимо демографической, обозначена проблема, связанная с традиционным шорским хозяйством, которое «пребывает в состоянии глубокого упадка и постепенно исчезает»<sup>414</sup>.

«...не только сельскохозяйственная, но и промысловая составляющая традиционной хозяйственной специализации коренного населения в пределах обследованного района в настоящее время крайне неэффективны как с сугубо экономической точки зрения, так и в плане реального их жизнеобеспечивающего потенциала»<sup>415</sup>.

Для решения этого вопроса эксперты, среди прочих, дают такие рекомендации:

«...предусмотреть в рамках социальной программы, финансируемой указанной шахтой, статьи расходов, направленных на поощрение альтернативных форм занятости автохтонного населения, максимально приближенных к традиционному образу жизни и специфике индивидуальной хозяйственной деятельности шорцев»;

«...организация систематических закупок у местного населения сельскохозяйственной продукции по предварительно согласованным ценам»;

«...практика прямых договоров местных жителей шахтой на поставку мяса, молочных продуктов или овощей для шахтовой столовой»;

«...организация в п. Чувашка централизованного заготовительного пункта, который осуществлял бы скупку у местного населения кедрового ореха, рыбы и дикоросов при практике немедленных расчетов...»;

---

<sup>412</sup> Там же. С. 89.

<sup>413</sup> Там же.

<sup>414</sup> Там же. С. 119.

<sup>415</sup> Там же.

«...рассмотреть вопрос о финансировании (возможно частичном) уже имеющихся у местного населения бизнес-проектов по развитию традиционных форм хозяйственной деятельности...»<sup>416</sup>

Последняя рекомендация, по мнению экспертов, важна не столько для экономической эффективности, сколько для снятия этносоциальной напряженности, полагая, что партнерские отношения между местным населением и собственником шахты способны обеспечить относительно мирное их сосуществование.

Что касается компенсационных выплат, то они признаны «серьезной стратегической ошибкой»:

«...поскольку, вне всякого сомнения, будут восприняты населением как определенная слабость со стороны руководства шахты и в недалеком будущем обязательно спровоцируют новые узлы еще более серьезных противоречий»<sup>417</sup>.

Обозначая все рекомендации в заключительной части, подчеркивается, что для конструктивного решения проблем необходимо не только опираться на поддержку шорцев, но и активно включать их в реализацию разрабатываемых программ, для чего на уровне областного законодательства необходимо определить и признать территорию традиционного природопользования, а также формы национального самоуправления в ее рамках с правом согласования любых управленческих решений<sup>418</sup>.

### ЭЭЗ

Если в части использованных источников и методов работы экспертиза 2005–2006 гг. была схожа с предыдущей, то по части рекомендаций, здесь складывается несколько иная картина. Поскольку она была посвящена выявлению главных направлений и тенденций этнополитических процессов, как таковые конкретные предложения в этом тексте отсутствуют. В заключении предлагаются выводы, характеризующие как современное состояние населения

---

<sup>416</sup> Там же. С. 119–120.

<sup>417</sup> Там же. С. 120.

<sup>418</sup> Там же. С. 128.

изучаемых районов, так и состояние межэтнического взаимодействия, по следующим пунктам: этнический состав и правовой статус; отношения к органам власти и проводимой политике; этнодемографическая ситуация и традиционные системы жизнеобеспечения; экологическая ситуация; отношение к угледобывающим предприятиям.

В каждом из обозначенных пунктов эксперты диагностируют проблемы, так, например, они сообщают, что прогрессирует процесс нивелировки этнических различий:

«осознаваемая телеутами угроза потери основы этнической самоидентификации — языка и культуры», «причины культурной ассимиляции коренятся в исчезновении объективного материального базиса для воспроизводства этнической самобытности»<sup>419</sup>.

«о наличии устойчивой обратной зависимости между показателями демографического регресса этнолокальных сообществ и степенью их адаптации к инновационным для этноса формам жизнеобеспечения»<sup>420</sup>.

Самые существенные противоречия, выявленные в процессе обследования, проявляются в системе взаимоотношений общественных национальных организаций и угледобывающего предприятия. Сформировавшийся в итоге политический курс «сориентирован на усиление норм и правил регулирования сферы недропользования, повышение роли органов местной власти и национальных общественных организаций в вопросах выработки и реализации экономической политики, развития национального предпринимательства, получения стабильных и приемлемых выгод от функционирования на этнической территории угледобывающих предприятий на основе долговременных договорных отношений»<sup>421</sup>.

#### ЭЭ 4

Этнологическая экспертиза 2010 г. со своими выводами и рекомендациями предлагает ознакомиться в заключении:

---

<sup>419</sup> Бойко В. И., Шмаков В. С. Нечипоренко О. В. Этнологическая экспертиза... С. 202.

<sup>420</sup> Там же. С. 204.

<sup>421</sup> Там же. С. 206.

«Экспертное исследование показало, что заключение договора аренды на данный участок леса общиной “Тигр” и осуществление планируемой деятельности по заготовке пищевых лесных ресурсов и сбора лекарственных растений не нанесет ущерба окружающей среде и будет способствовать сохранению традиционного образа жизни коренных малочисленных народов Приморского края и их устойчивому развитию»<sup>422</sup>.

Интересным может считаться разделение конкретных предложений на адресные группы, в зависимости от вовлеченной стороны процесса. Так, отдельные рекомендации даны органам государственной власти и местного самоуправления, среди которых, например:

«1. Любая планируемая деятельность на данной территории должна согласовываться с общиной “Тигр”. 2. Необходимо в кратчайшие сроки на всей реально используемой общиной территории образовать Территорию традиционного природопользования “Бикин” федерального значения, закрепив за ней статус территории традиционного природопользования как особо охраняемой природной и культурной территории <...> 3. ...начать процесс по приданию этой территории статуса памятника Всемирного культурного и природного наследия. 4. Рекомендовать органам власти и местного самоуправления Приморского края осуществлять полномочия по охране леса исследуемой территории совместно с общиной и оказывать адресную финансовую помощь общине “Тигр”» и др.<sup>423</sup>

Общине коренных малочисленных народов «Тигр» среди прочего предписывается:

«1. Рекомендовать расширить материальную базу общины для обеспечения деятельности по сбору и реализации дикоросов путем активного участия в федеральных и региональных программах, конкурсах, формируя инициативные заявки. 2. Рекомендовать общине создать этнокультурный центр с музейно-туристическим комплексом <...>. 3. Более широко популяризировать и разъяснять деятельность общины по сохранению исконной среды обитания и традиционного образа жизни коренных малочисленных народов Севера как в поселках Красноярского сельского совета, так и шире — в крае» и др.<sup>424</sup>

Государственным и общественным организациям, занимающимся изучением, защитой и использованием природных ресурсов предлагается:

<sup>422</sup> Звиденная О. О., Новикова Н. И. Удэгейцы: охотники и собиратели реки Бикин... С. 129.

<sup>423</sup> Там же. С. 130.

<sup>424</sup> Там же. С. 132.

«1. При разработке программы лесопользования учитывать мнение коренных малочисленных народов в отношении проведения рубок ухода и санитарных рубок. <...> 2. ...при разработке плана освоения территории опираться на данные этнологической экспертизы, учитывать комплексность традиционного природопользования коренных малочисленных народов, их знания и опыт неистощительного хозяйствования на данной территории» и др.<sup>425</sup>

Такой подход, в котором предлагаются рекомендации для всех участников исследуемого процесса представляется наиболее правильным. В рецензии на опубликованную экспертизу 2010 г. А. Н. Ямсков, отмечая достоинства исследования, также предлагает добавлять более конкретную информацию, в частности о потенциальных организациях и предпринимателях, готовых закупать отдельные виды будущей продукции, а также вероятные объемы поставок и закупочные цены<sup>426</sup>.

### ЭЭ 5

Этнологическая экспертиза 2011 г., оценивающая изменения «исконной среды обитания» ненцев, в связи со строительством нескольких хозяйственных объектов, предлагает не только рекомендации, но, поскольку объекты еще не построены, предварительно указывает возможные последствия, как негативные, так и позитивные. При этом обозначенные последствия имеют отношение только к рыболовству, поскольку, местные жители «обеспечивают свои потребности в большей степени за счет добычи и реализации рыбы». Среди негативных последствий, указывается ухудшение условий для рыбного промысла, «психологический стресс и социальная дезорганизация коренного населения»; среди позитивных — «рост потребности в рыбной продукции для приезжего населения», «приток техники и финансовых средств в регион, что создаст лучшие условия для технического переоснащения рыболовецких предприятий и общин коренного населения»<sup>427</sup>.

<sup>425</sup> Там же. С. 132–133.

<sup>426</sup> Ямсков А. Н. Рец. на: О. О. Звиденная, Н. И. Новикова. Удэгейцы: охотники и собиратели реки Бикин (Этнологическая экспертиза 2010 года). М.: ИД «Стратегия»; ИП Андрей Яковлев, 2010. 154 с. // Этнографическое обозрение. 2011. № 4. С. 170–173.

<sup>427</sup> Мартынова Е. П., Новикова Н. И. Тазовские ненцы в условиях нефтегазового освоения. С. 114.

Отмечая в целом и положительное влияние проектов, эксперты все же говорят о целесообразности рассмотрения всех возможных альтернативных вариантов размещения хозяйственных объектов. А в случае их осуществления предлагают такие рекомендации, как:

«Проектирование указанных объектов согласовать с находящимися в зоне прямого и косвенного воздействия проекта коренными малочисленными народами Севера, их организациями, лицами, относящимися к этим народам. Должно быть достигнуто свободное, предварительное и осознанное согласие коренных народов на строительство и эксплуатацию объектов. <...> назначить лиц, ответственных за взаимодействие с коренными малочисленными народами на всех этапах реализации проектов. <...> разработать должностные инструкции для персонала, обязывающие соблюдать следующие правила: запрет провозить и использовать на промышленных объектах охотничьи ружья и рыболовные снасти, запрет содержать собак, запрет провозить спиртные напитки.

<...> принятие на работу в компанию по рекомендации Ассоциации человека, отвечающего за взаимодействие с коренными народами; разработка плана мероприятий по подготовке специалистов из местного населения для работы на указанных объектах; выплата компенсаций в связи с изъятием пастбищ и рыбопромысловых участков; страхование от рисков и аварийных ситуаций»<sup>428</sup>.

Указывая, что влияние промышленного освоения должно оцениваться также и с точки зрения того, как оно воздействует на другие сферы жизни, напрямую несвязанные с ресурсами, эксперты диагностируют обострение демографических проблем — сокращение продолжительности жизни и алкоголизацию населения. В этом же ракурсе сделано еще одно замечание, связанное с психической уязвимостью, как специфической особенностью коренных народов Севера, а именно — порождение стрессовой ситуации из-за страха последствий аварийных ситуаций.

## ЭЭ 6

Этнологическая экспертиза 2012 г. проводилась на той же территории, что и рассмотренная выше, но с целью исследования комплексного воздействия

---

<sup>428</sup> Там же. С. 114–117.

промышленных компаний на коренное население района. Это обусловило необходимость диагностики проблем в различных сферах на основе анализа социальной ситуации и основных компонентов образа жизни, культуры и хозяйственной деятельности ненцев.

В результате проведенных исследований эксперты приходят к выводу, что с одной стороны деятельность промышленных предприятий по освоению нефтегазовых месторождений способствует улучшению социально-экономического положения района в целом и отдельных муниципальных образований, но, с другой стороны, она же приносит негативные последствия для ненцев, ведущих традиционный образ жизни. Исследование показало, что компании ограничивают свой вклад финансовыми вливаниями и строительством социальных объектов, при этом, никто не проводит мониторинг эффективности их деятельности. Эксперты считают, что в отношении коренных народов политикам компаний не хватает транспарентности и партнерства.

Основной текст экспертизы завершают десять рекомендаций, большая часть из которых настолько универсальны, что могут быть использованы практически в каждом случае, где фигурируют добывающие компании. Например:

«При планировании и осуществлении крупных промышленных проектов целесообразно рассмотреть все возможные альтернативные варианты»;

«Проектирование указанных объектов необходимо согласовать с находящимися в зоне прямого и косвенного воздействия проекта коренными малочисленными народами Севера, их организациями, лицами, относящимися к этим народам»;

«Ужесточить экологический контроль и мониторинг за деятельностью промышленных компаний в районе, ликвидировать имеющиеся загрязнения»<sup>429</sup>.

Интересным предложением выглядит организация «согласительной комиссии», состоявшей из представителей всех взаимодействующих сторон,

---

<sup>429</sup> Адаев В. Н., Мартынова Е. П., Новикова Н. И. Качество жизни в контексте этнологической экспертизы... С. 196.



которая обсуждала бы вопросы строительства и эксплуатации хозяйственных объектов и возможности минимизации их отрицательных последствий.

Помимо общих рекомендаций в исследовании встречаются более конкретные предложения, например, для борьбы с безработицей эксперты предлагают как минимум два пути: увеличение сферы занятости в традиционных отраслях хозяйства и развитие перерабатывающих предприятий и, как альтернативный вариант, вовлечение представителей коренных народов в промышленное производство. Для возможности второго пути предлагается дополнительно организовать отделы по работе с коренным населением в промышленных компаниях<sup>430</sup>.

Все предложенные рекомендации, как собственно и сама экспертиза, отличаются специальным вниманием к оценкам и предложениям коренных народов исследуемого района и качеству их жизни.

## ЭЭ 7

Еще одна экспертиза, акцентированная на мнения и суждения затронутого сообщества, была проведена на Ямале в 2013 г., но уже другим коллективом экспертов. Пожалуй, из рассмотренных, именно в этом исследовании для выработки рекомендаций использован самый нестандартный подход. Понимая, что проблема взаимодействия тундровых кочевников и недропользователей должна решаться на макроуровне, речь идет о рекомендациях локального масштаба (применительно к участку тундры Крузенштернского месторождения): в заключительной главе «Форсайт: сценарии и рекомендации» авторы строят прогнозы и делают конкретные предложения.

Разработка форсайт-сценариев, как исследовательская процедура, базируется на методике прогнозирования и представляет собой построение возможных вариантов развития событий, которые могут иметь место при соблюдении определенных условий. В данной форме исследования особое внимание уделяется достижению консенсуса между заинтересованными

---

<sup>430</sup> Там же. С. 188–189.

сторонами путем организации их диалога. Предложенные форсайт-сценарии в дальнейшем могут стать основой для формирования приоритетов при разработке стратегий развития отношений между основными участниками процесса, например, этнической общностью и местной администрацией или промышленной компанией.

## ЭЭ 8

Экспертиза на Таймыре проводилась как реакция на уже случившееся событие и стала методом быстрого научного реагирования. В заключительной главе, где эксперты предлагают свои рекомендации, также аккумулирован круг проблем и описаны возможные сценарии развития событий.

Последствия аварии разделены на непосредственные и опосредованные. К непосредственным отнесены прямой ущерб природе и пользователям природных ресурсов (экономике и здоровью коренного населения Таймыра). К опосредованным — эффекты цепных реакций в природе и обществе, «связанные с “последствиями последствий” аварии, в том числе со сдвигами потоков природных и социальных миграций и коммуникаций, с подвижками в структуре управления, а также деформацией отношений доверия и контроля»<sup>431</sup>. Помимо проблем, связанных с аварией, в тексте экспертизы обозначены и другие, оказывающие существенное влияние на текущую ситуацию. Например, фрагментированность различных сфер жизнедеятельности на Таймыре, в том числе управление, мешающую оперативно реагировать на чрезвычайные ситуации.

Сформулированные рекомендации адресованы всем заинтересованным сторонам и выстроены в порядке содержательной значимости и неотложности действий. Первым делом рекомендовано составление «Карты ресурсов и ресурсопользователей», посредством которой предполагается регулирование ресурсопользования с учетом интересов разных участников. Далее следует отладка согласований, активация согласованных стандартов взаимодействия,

---

<sup>431</sup> Этноэкспертиза на Таймыре: коренные народы и техногенные вызовы. С. 248.

координация действующих лиц путем создания на Таймыре координационного комитета с представительством всех заинтересованных сторон и др.

\*\*\*

Раздел с рекомендациями всегда будет вызывать много вопросов у экспертов, поскольку нужно дать оценку, прогнозируя ситуацию из расчета на несколько лет вперед, с учетом суммы факторов. В части рекомендаций, успешность которых зависит, в том числе и от правильной «постановки диагноза», важно придерживаться общепринятых этических принципов и моральных регулятивов, дающих эксперту концептуальную платформу для его деятельности. Во всех рассмотренных случаях, несмотря на декларативный характер в связи с отсутствием юридического закрепления этноэкспертизы, вырабатываемые рекомендации, так или иначе, предполагали дальнейшее их использование для корректировки национальной политики и программ социально-экономического развития.

Риторика сделанных предложений строилась на понимании ключевых проблем, но, к сожалению, чаще всего не обладала достаточной конкретикой. Например, призывы «ужесточить экологический контроль и мониторинг за деятельностью промышленных компаний», без определенного механизма выполнения выглядят довольно формальными.

Вне зависимости от решаемой проблемы, во всех кейсах присутствовал вопрос компенсационных выплат. В ряде случаев эксперты не рекомендуют компенсации, отмечая, что они наносят вред будущим поколениям (ЭЭ 1) или становятся предметом конфликта, поскольку вызывают зависть соседствующих (ЭЭ 2). Другие эксперты, напротив, призывают оказывать финансовую помощь, например, за фактическое выполнение природоохранных мероприятий (ЭЭ 4) или в связи с изъятием пастбищ и рыбопромысловых участков (ЭЭ 5), а иногда дополнительно акцентируют внимание на неудовлетворенности населения механизмами распределения компенсаций (ЭЭ 6), которые, однако, так до конца и не ясны. В одном случае, эксперты, не вторгаясь в сложившиеся практики

выплат, предлагают обратить внимание на два перспективных направления — создание и поддержание за счет компенсаций акционерного общества с участием тундровых оленеводов и медиакомплекса, популяризирующего ненецкую культуру (ЭЭ 7). Главным принципом выработки компенсационных мер должно быть финансовое и материальное содействие активной жизненной и деятельностной позиции коренных жителей в самом широком диапазоне (ЭЭ 8).

Важный момент, о котором упоминают в рекомендациях — мониторинг, отслеживающий реализацию предложенных мер. Однако проверить, осуществляется ли он в реальности на данном этапе не представляется возможным.

Эксперту следует понимать, что своими выводами он может повлиять на характер планируемых изменений и даже трансформировать их, а в случае, если его рекомендации не приносят должных результатов, то предлагаемые механизмы должны быть настолько пластичны, чтобы их можно было скорректировать.

#### **2.4 Навигационная схема этноэкспертизы**

Рассмотренные этнологические экспертизы являются примерами разнообразных исследовательских стратегий, и, несмотря на присущие им достоинства и недостатки, представляют собой информационные источники, по которым можно выделить ряд задач и подходов, характерных для экспертной практики в целом.

Одной из ключевых и первоочередных задач этнологической экспертизы является определение заинтересованных сторон, анализ их позиций, ожиданий, потребностей и ориентация этих сторон на конструктивное сотрудничество. Уместно показать в исследовании, как именно происходит определение стейкхолдеров, каким образом представлены интересы каждой социальной группы и как они вовлечены в сам процесс экспертизы. Учитывая, что даже само сообщество, оказавшееся под воздействием, не может являться однородным

и различно по этническому, социально-экономическому и др. составам, важно представить весь спектр мнений и возможные последствия для разных слоев населения.

Вне зависимости от используемых методов, алгоритм выполнения всех экспертиз примерно одинаков. Существует некая этническая общность, которая попадает под влияние управленческого решения, назовем его фактором воздействия. В оптимистичном варианте этноэкспертиза проводится до принятия управленческого решения и прогнозирует возможные последствия, которые могут быть как положительными, так и отрицательными. В зависимости от заключения экспертизы, события могут развиваться двумя путями: в случае отрицательного заключения проект сворачивается или отправляется на доработку, в случае положительного — внедряется и наступает процесс контроля (мониторинг). В пессимистичном варианте управленческое решение принято и этноэкспертиза служит реакцией на уже случившееся внешнее влияние, здесь привлечение экспертов необходимо для неотложной помощи. Заключение экспертизы содержит конкретные рекомендации, по сути, прописываются условия, при которых проект может быть реализован.

Этноэкспертиза, вне зависимости от фактора воздействия, территории и используемой методики, содержит в себе пять вопросов:

(1) *состояние* конкретной общности — исследование современной ситуации «квадрата культуры», в которой находится население, а именно его экологическая, соционормативная, материальная, духовная составляющие.

(2) *воздействие* — изучение внешнего «вмешательства», в зависимости от реализуемого варианта экспертизы, оптимистичного или пессимистичного, планируемое или фактически произошедшее.

(3) *деформация* — определение последствий влияния, происходящих или предполагаемых изменений, как положительных, так и отрицательных.

(4) *сценарии* — построение возможных вариантов развития событий (форсайт-сценариев), которые могут иметь место при соблюдении определенных условий, иными словами, что может произойти в результате деформации. Изучение базируется на методике прогнозирования, а его результаты отражают вероятные пути развития ситуации. На основании получившихся сценариев формируются приоритеты при разработке стратегий развития отношений между всеми заинтересованными сторонами.

(5) *рекомендации* — формулировка конкретных действий (сценариев, дорожных карт действий), позволяющих избежать или минимизировать отрицательные воздействия на состояние конкретной общности. Содержит конкретные меры по устранению негативных последствий или, если они неизбежны, то стратегии их преодоления, а также планы по улучшению ситуации путем извлечения выгод из сложившейся ситуации.

Для действенности экспертизы необходимо принятие соответствующего федерального закона. В нем целесообразно предусмотреть проведение этноэкспертизы до предполагаемого воздействия на этническое сообщество, на стадии «до внедрения проекта», и включать исследование по всем пяти вопросам.

Кроме государственных этноэкспертиз могут иметь место общественные, специальные, исследовательские, реализованные в разных формах. Учитывая, что фактором воздействия может быть любой намечаемый или внедряемый проект (законодательный акт, строительство хозяйственного объекта, школьная программа и пр.), то он уже может содержать документацию, касающуюся учета интересов и прав граждан в этнокультурной сфере. В ряде случаев эта документация и может быть результатом специальной экспертизы, что не исключает последующих этапов мониторинга и редакции.

Рассмотренные выше пять обязательных составляющих этнологической экспертизы могут иметь самостоятельный интерес для исследователей и для оценки ситуации самими этническими сообществами. Например, изучение

состояния конкретной общности возможно в форме *аналитического обзора* (по типу советской версии этноэкспертизы). Исследование воздействия в качестве отдельной экспертизы может быть в форме *диагностики*, которая предполагает, что фактор воздействия неизвестен, однако этническая общность по ряду показателей находится в неблагоприятной ситуации. Такая экспертиза может быть проведена с целью определения фактора воздействия и основана, например, на «диагностической этнографии». Идея последней состоит в том, что этнограф, прибывая на место исследования, пользуется своим инструментарием как врач и, исходя из уже существующих теорий, объясняет симптомы. Исследования сценариев в форме *форсайтов* также вполне могут быть самостоятельными экспертизами. Это возможно, например, в рамках крупных корпораций или местных администраций, когда предлагается несколько вариантов воздействия. В таком случае прогнозирование событий и разработка различных сценариев (картин будущего) позволило бы свести к минимуму отрицательные этнокультурные последствия.

### ГЛАВА 3. ЭТНОКУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ И МИССИЯ ЭКСПЕРТА

Большинство инициатив по проведению и законодательному закреплению этнологических экспертиз, так или иначе, связаны с необходимостью сохранения этнокультурного наследия, являющегося ценным ресурсом для современного сообщества и основным средством его культурной самоидентификации.

Выбор в качестве иллюстративного материала Ханты-Мансийского автономного округа — Югры неслучаен. Во-первых, он основан на личном опыте автора, а во-вторых, связан с особенностями территории, которые сложились благодаря сочетанию природных и историко-культурных ресурсов. Развитие нефтегазового комплекса в округе, начавшееся с конца 1960-х гг., вывело регион на первое место в стране по величине разведанных запасов и добыче нефти. Однако сегодня в центре дискурса оказалась цена развития, которую приходится платить за экстенсивное освоение природных ресурсов, сопровождавшееся отчуждением земель и необратимыми экологическими изменениями. Проживающие на территории округа коренные малочисленные народы на себе испытывают воздействие добывающих производств: уничтожение оленьих пастбищ, сокращение поголовья зверя, дичи, рыбы, нефтяные разливы ведут к разрушению основ традиционного хозяйства, а в ряде мест округа «под угрозой оказалось не только традиционное природопользование и жизнеобеспечение, но и вероятность самого этнического выживания»<sup>432</sup>. Практически в каждом случае, связанном с разработкой нового месторождения, возникают конфликты и перед местным населением всегда встает выбор траектории дальнейшего развития, при этом сохранение традиционного хозяйства и быта на родовых угодьях становится все более проблематичным.

---

<sup>432</sup> Перевалова Е. В. Обские угры и ненцы западной Сибири: этничность и власть: дис. ... докт. ист. наук: 07.00.07. Екатеринбург, 2017. Т. 1. С. 406.



### 3.1 Этнокультурное наследие как фундаментальная ценность этноэкспертизы

Этнокультурное наследие является одной из проекций культурного наследия. Добавление частицы «этно-», придающей этому понятию этническую окраску и указывающей на его связь с конкретной современной этнической группой стало применяться в научной литературе на фоне общей глобализации, когда черты отдельных культур (маркеры этнической самобытности) постепенно стали растворяться в современном социокультурном пространстве.

Сегодня понятие «этнокультурное наследие» часто можно встретить в этнографических работах, посвященных сохранению традиционной культуры; в музееведении, в контексте музеефикации нематериального наследия; в качестве основного ресурса в индустрии этнотуризма. Учитывая разночтения существующих понятий, возникают сложности с закреплением его в нормативной сфере и, как следствие, с сохранением и использованием этого ресурса.

В культурологических работах А. В. Смеляковой обосновывается ценностный статус этнокультурного наследия через его значимость в современном обществе. Автор предлагает определять этнокультурное наследие как «материальные и нематериальные свидетельства жизнедеятельности этносов, сохраняющие и передающие социально значимую информацию об этнических культурах»<sup>433</sup>. В музееведческих работах Т. С. Курьяновой к данной трактовке добавляется условие: материальные и нематериальные элементы культуры должны быть вписаны в окружающую природную среду, функционировать как живая или музеефицированная традиция и признаваться в качестве ценности не только данным этносом, но и окружающим «полиэтническим сообществом»<sup>434</sup>.

Понятие «этнокультурное наследие», утвердившись в научной терминологии, пока отсутствует в нормативно-правовой сфере. Несмотря на это,

---

<sup>433</sup> Смелякова А. В. Этнокультурное наследие как ценность: Аксиологический подход // Мир науки, культуры, образования. 2009. № 2 (14). С. 103.

<sup>434</sup> Курьянова Т. С. Сохранение и актуализация культурного наследия: учеб. пособие. Томск, 2014. С 36–37.

в нормативных актах его следует искать в качестве составной части культурного наследия.

Культурному наследию посвящено большое количество научных работ, раскрывающих его с различных ракурсов, в том числе в контексте его сохранения, понятийного аппарата и нормативно-правового регулирования<sup>435</sup>. Появившись как понятие в мировой практике в XVII в.<sup>436</sup>, «культурное наследие» практически до конца XIX в., соотносилось с недвижимыми объектами и смешивалось с пониманием исторического памятника. Постепенно, с середины 1950-х гг. понятие «наследие» становится значительно шире и начинает включать все материальные свидетельства человека и окружающего его мира.

Содержание понятия «культурное наследие» впервые было раскрыто в Конвенции «Об охране всемирного культурного и природного наследия» (1972 г.)<sup>437</sup>. В нашей стране конвенцию ратифицировали в 1988 г.

Термин «нематериальное культурное наследие» имеет свои корни в азиатских странах. Основываясь на идее того, что добиться эффективной передачи наследия можно в том случае, если она будет производиться самими носителями культуры, было введено понятие «живые сокровища человечества» (living human treasures)<sup>438</sup>.

<sup>435</sup> См., напр.: Курьянова Т. С. Актуализация культурного наследия коренных народов в музеях Южной Сибири: дис. ... канд. ист. наук: 24.00.03. Томск, 2013; Она же. Культурное наследие: смысловое поле и практика // Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение. 2011. № 2. С. 12–18; Она же. Сохранение и актуализация культурного наследия.

<sup>436</sup> Подробнее об этом см.: Ключевые понятия музеологии. М., 2012. С. 59–64. URL: <http://icom-russia.com/upload/iblock/532/5323743f731b222714f20ba0205ec238.pdf> (дата обращения: 10.03.2021).

<sup>437</sup> См.: Конвенция об охране всемирного культурного и природного наследия. Париж, 16 ноября 1972 г. // Официальный сайт Организации объединенных наций. URL: [http://www.un.org/ru/documents/decl\\_conv/conventions/heritage.shtml](http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/heritage.shtml) (дата обращения: 14.01.2019). В Конвенции под «культурным наследием» понимаются:

*памятники*: произведения архитектуры, монументальной скульптуры и живописи, элементы или структуры археологического характера, надписи, пещеры и группы элементов, которые имеют выдающуюся универсальную ценность с точки зрения истории, искусства или науки;

*ансамбли*: группы изолированных или объединенных строений, архитектура, единство или связь с пейзажем которых представляют выдающуюся универсальную ценность с точки зрения истории, искусства или науки;

*достопримечательные места*: произведения человека или совместные творения человека и природы, а также зоны, включая археологические достопримечательные места, представляющие выдающуюся универсальную ценность с точки зрения истории, эстетики, этнологии или антропологии.

<sup>438</sup> Ключевые понятия музеологии... С. 61–62.

На рубеже XX–XXI вв. этот принцип был принят на международном уровне и одобрен «Конвенцией об охране нематериального культурного наследия» (2003 г.). Согласно этой конвенции, нематериальное культурное наследие включает «обычаи, формы представления и выражения, знания и навыки, — а также связанные с ними инструменты, предметы, артефакты и культурные пространства, — признанные сообществами, группами и, в некоторых случаях, отдельными лицами в качестве части их культурного наследия. Такое нематериальное культурное наследие, передаваемое от поколения к поколению, постоянно воссоздается сообществами и группами в зависимости от окружающей их среды, их взаимодействия с природой и их истории и формирует у них чувство самобытности и преемственности, содействуя тем самым уважению культурного разнообразия и творчеству человека»<sup>439</sup>. В Российской Федерации эта Конвенция не ратифицирована, однако некоторые из ее положений, стали основой для ряда программ стратегического планирования в сфере культуры<sup>440</sup>.

В нашей стране правовую базу в сфере сохранения, изучения и использования этнокультурного наследия составляют Конституция, а также законодательные акты федерального и регионального уровней. Согласно ст. 44 Конституции РФ, «каждый обязан заботиться о сохранении исторического и культурного наследия...»<sup>441</sup> Официальное понятие «культурного наследия» определено нормативно-правовым актом «Основы законодательства Российской Федерации о культуре» (утв. ВС РФ 09.10.1992 № 3612-1) как «материальные и духовные ценности, созданные в прошлом, а также памятники и историко-культурные территории и объекты, значимые для сохранения и развития самобытности Российской Федерации и всех ее народов, их вклада в мировую

---

<sup>439</sup> Конвенция об охране нематериального культурного наследия. Париж, 17 октября 2003 г. // Там же. URL: [https://www.un.org/ru/documents/decl\\_conv/conventions/cultural\\_heritage\\_conv.shtml](https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/cultural_heritage_conv.shtml) (дата обращения: 14.01.2019).

<sup>440</sup> Анализ программ стратегического планирования до 2013 г. представлен в статье: Каргин А. С., Костина А. В. Сохранение нематериального культурного наследия народов РФ как приоритет культурной политики России в XXI веке // Культурная политика. 2008. № 3. С. 59–71.

<sup>441</sup> Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020). URL: [http://www.consultant.ru/document/cons\\_doc\\_LAW\\_28399](http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399) (дата обращения 13.07.2022).

цивилизацию»<sup>442</sup>. Этот же закон гарантирует народам и иным этническим общностям в Российской Федерации право на «сохранение и развитие своей культурно-национальной самобытности, защиту, восстановление и сохранение исконной культурно-исторической среды обитания»<sup>443</sup>.

Содержательную часть понятия культурное наследие раскрывает закон № 73-ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации»<sup>444</sup>, однако в нем, в отличие от указанного выше определения, включающего как материальную, так и духовную сферу, культурное наследие рассматривается только с точки зрения материальных объектов (ст. 3). Нематериальное культурное наследие, а также вопросы его сохранения, охраны, изучения, использования, актуализации и пропаганды этим законом не урегулированы. Объекты, имеющие ценность с точки зрения этнологии, согласно указанному закону, могут сохраняться только в качестве достопримечательных мест<sup>445</sup>.

Отношения некоторых элементов этнокультурного наследия урегулированы такими нормативно-правовыми актами как Федеральный закон «О народных художественных промыслах» № 7-ФЗ (отношения в области народных художественных промыслов как одной из форм народного творчества, характерной для определенной местности, в пределах которой он исторически сложился и развивается в соответствии с самобытными традициями)<sup>446</sup>. Закон РФ «О языках народов Российской Федерации» № 1807-1 (направлен на создание условий для сохранения и равноправного и самобытного развития языков народов Российской Федерации)<sup>447</sup>. Федеральный закон «О территориях традиционного природопользования коренных малочисленных народов Севера,

---

<sup>442</sup> Федеральный закон от 09.10.1992 № 3612-1 «Основы законодательства Российской Федерации о культуре». Ст. 3. URL: [http://www.consultant.ru/document/cons\\_doc\\_LAW\\_1870](http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_1870) (дата обращения 15.07.2022).

<sup>443</sup> Там же. Ст. 20.

<sup>444</sup> Федеральный закон от 25.07.2002 № 73-ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» (с изменениями на 21 декабря 2021 года) // Электронный фонд нормативно-технической и нормативно-правовой информации Консорциума «Кодекс» URL: <https://docs.cntd.ru/document/901820936> (дата обращения 10.08.2022).

<sup>445</sup> Там же.

<sup>446</sup> Федеральный закон от 06.01.1999 № 7-ФЗ (ред. от 29.07.2017) «О народных художественных промыслах». URL: [http://www.consultant.ru/document/cons\\_doc\\_LAW\\_21497](http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_21497) (дата обращения 16.07.2022).

<sup>447</sup> Федеральный закон от 25.10.1991 № 1807-1 (ред. от 12.03.2014) «О языках народов Российской Федерации». URL: [http://www.consultant.ru/document/cons\\_doc\\_LAW\\_15524](http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_15524) (дата обращения 16.07.2022).

Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации» № 49-ФЗ (отношения в области образования, охраны и использования территорий традиционного природопользования для ведения на этих территориях традиционного природопользования и традиционного образа жизни)<sup>448</sup>.

В соответствии с Федеральным законом № 172-ФЗ от 28.06.2014 г. «О стратегическом планировании в Российской Федерации» была разработана Стратегия сохранения культуры и культурно-исторического наследия народов Российской Федерации<sup>449</sup>, которая осталась лишь в форме проекта и не была утверждена. В действующих документах стратегического планирования, показывающих приоритетные задачи социально-экономического развития страны, наряду с другими, выделены направления, связанные с сохранением культурного и исторического наследия, с поддержкой коренных малочисленных народов Российской Федерации. Внимание к этнокультурному наследию прослеживается в таких государственных программах как «Развитие культуры и туризма» и «Реализация государственной национальной политики».

Государственная программа «Развитие культуры и туризма» на 2013–2020 гг., утвержденная постановлением Правительства РФ от 15 апреля 2014 г. № 317, реализуется Министерством культуры Российской Федерации<sup>450</sup>. В рамках подпрограммы «Наследие» она предполагает реализацию мероприятий по обеспечению сохранности и популяризации объектов культурного наследия. Объекты, имеющие ценность с точки зрения этнологии, попадают (могут попасть) в категорию объектов культурного наследия как достопримечательные места.

Другая государственная программа Российской Федерации — «Реализация государственной национальной политики», утвержденная постановлением Правительства РФ от 29 декабря 2016 г. № 1532, реализуется Федеральным

---

<sup>448</sup> Федеральный закон от 07.05.2001 № 49-ФЗ «О территориях традиционного природопользования коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации». URL: [http://www.consultant.ru/document/cons\\_doc\\_LAW\\_31497](http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_31497) (дата обращения 16.07.2022).

<sup>449</sup> Федеральный закон от 28.06.2014 № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации». URL: [http://www.consultant.ru/document/cons\\_doc\\_LAW\\_164841](http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_164841) (дата обращения 16.07.2022).

<sup>450</sup> Постановление Правительства РФ от 15.04.2014 № 317 «Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Развитие культуры и туризма» на 2013–2020 годы». URL: <https://base.garant.ru/70644226> (дата обращения 16.07.2022).

агентством по делам национальностей. В рамках подпрограммы «Коренные малочисленные народы Российской Федерации» она предполагает своей целью обеспечение поддержки коренных малочисленных народов Российской Федерации, включая сохранение и защиту их исконной среды обитания и традиционного образа жизни<sup>451</sup>. Показателями успешной реализации программы являются, во-первых, «повышение участия общественных организаций коренных малочисленных народов Российской Федерации в решении вопросов, затрагивающих права и интересы коренных малочисленных народов; увеличение количества общественных организаций коренных малочисленных народов Российской Федерации, вовлеченных в реализацию государственной национальной политики Российской Федерации». Во-вторых, «повышение качества жизни, уровня занятости, доступа к образовательным услугам, сохранение традиционного образа жизни, создание условий для ведения традиционной хозяйственной деятельности и традиционного природопользования, сохранение традиционной среды обитания в местах расселения коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации»<sup>452</sup>.

С точки зрения охраны этнокультурного наследия эта программа может быть применена, как поддержка государством инициативы коренного населения в вопросах необходимости проведения этнологической экспертизы в местах их проживания, организации общин коренных малочисленных народов, реализации различных этнопроектов, содействующих сохранению самобытных культур и традиционного образа жизни.

Учитывая существующую нормативно-правовую основу, этнокультурное наследие можно определить как совокупность материальных и нематериальных объектов, связанных с современной культурой и имеющих значимость для поддержания и развития самобытности народа. Этнокультурное наследие может функционировать и развиваться как в естественной природной и социальной

---

<sup>451</sup> Постановление Правительства РФ от 29.12.2016 № 1532 «Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Реализация государственной национальной политики». URL: [http://www.consultant.ru/document/cons\\_doc\\_LAW\\_210753](http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_210753) (дата обращения 16.07.2022).

<sup>452</sup> Там же.

среде («живая» культура), так и быть частью музейных коллекций или вышедших из бытования элементов культуры. Грань между материальными и нематериальными этнокультурными объектами условна, основная ценность состоит в их взаимосвязях, утрата которых ведет к обезличиванию предметов и потере смысла частицы «этно-». Так, любой элемент материальной культуры, имеющий отношение к сохранению национальной самобытности, как правило, наделен определенным смыслом / эстетикой / связан с обрядами и пр. В свою очередь, большинство элементов духовной культуры выражается в материальных атрибутах.

Поскольку этнокультурное наследие тесно связано с его носителями, то выбор стратегии сохранения может зависеть от этнического состава населения и степени деградации тех компонентов культуры, которые обеспечивают самосохранение и идентичность этнических общностей.

По степени сохранности этнокультурного наследия можно выделить три основные группы. Первая характеризуется полновесным сохранением функций и места элементов этнической культуры. Предметом охраны в этой группе объектов выступает «живая» культура с ее жизненным укладом, способом хозяйствования и языком. Сохранение актуально в комплексе, а не отдельными элементами культуры. Вторая характеризуется дисперсностью носителей этнокультурного наследия. Отсутствие численного перевеса ведет к постепенной утрате самобытности и растворению в другой культуре. Предметом охраны могут быть отдельные элементы этнокультурного наследия (традиции, топонимия, обряды, фольклор и пр.). Третья характеризуется сохранностью элементов культуры при существенном изменении их места в системе жизнедеятельности носителей культуры. Сохранившиеся элементы вышли из повседневного употребления по каким-либо причинам, но еще не археологизировались. Предметом охраны и изучения могут быть заброшенные стойбища, культовые места и др. Для каждой группы, учитывая разнообразие предмета охраны, может быть характерен тот или иной вариант стратегии сохранения этнокультурного наследия: создание достопримечательных мест,



особо охраняемых территорий или заповедников, музеефикация, научная фиксация и государственный учет.

На территории Ханты-Мансийского автономного округа — Югры практика создания достопримечательных мест является одной из стратегий, направленной на поддержание очагов «живой» культуры, тесно соседствующих с нефтяными вышками. Согласно федеральному и окружному законодательству, это, пожалуй, единственная возможность, которая позволяет определить в качестве объекта охраны территорию как целостную динамичную систему природопользования и жизнеобеспечения этнической группы. Достопримечательные места — «творения, созданные человеком, или совместные творения человека и природы» — являются одним из видов объектов культурного наследия. Помимо прочего они включают в себя объекты, представляющие ценность с точки зрения сохранения этнических культур, а именно места традиционного бытования народных художественных промыслов, памятные места, культурные и природные ландшафты, связанные с историей формирования народов и иных этнических общностей; места совершения религиозных обрядов; религиозно-исторические места (ст. 3)<sup>453</sup>. При создании достопримечательных мест предполагается выделение различных функциональных зон, в том числе для промышленного освоения, что позволяет обеспечить сосуществование нефти и коренных жителей, сохраняя природные ресурсы и возможность традиционного природопользования.

Создание достопримечательных мест в ХМАО — Югре идет с 2012 г., к настоящему времени в округе насчитывается 56 таких объектов культурного наследия<sup>454</sup>. Из этого числа большая часть связана с историей формирования этнических групп коренных народов, их культовых мест и мест традиционного проживания. Чаще всего одно достопримечательное место сочетает в себе

---

<sup>453</sup> Федеральный закон от 25.07.2002 № 73-ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» (с изменениями на 21 декабря 2021 года) // Электронный фонд нормативно-технической и нормативно-правовой информации Консорциума «Кодекс» URL: <https://docs.cntd.ru/document/901820936> (дата обращения 10.08.2022).

<sup>454</sup> Достопримечательные места на территории Ханты-Мансийского автономного округа-Югры // Служба государственной охраны объектов культурного наследия Ханты-Мансийского автономного округа — Югры. URL: <https://nasledie.admhmao.ru/dostoprimechatelnye-mesta-yugry/840047/obshchie-vsedeniya/> (дата обращения: 01.07.2022).



различные объекты, представляющие ценность с самых разных точек зрения, но важные также и для историков, археологов, этнологов, географов. При организации достопримечательных мест проводится ряд исследований, в том числе оценка этнического компонента историко-культурных ресурсов территории, которая фактически является этноэкспертизой, определяющей соответствие объекта требованиям законодательства.

### **3.2 Модели взаимодействия локальных групп коренного населения с добывающими компаниями (опыт Югры)**

На территории Ханты-Мансийского автономного округа — Югры проживают 32 тыс. человек из числа коренных малочисленных народов, что составляет 2 % от всего населения округа. Высокие темпы развития нефтегазовой промышленности в регионе вызывают у них опасения, их прогнозы пессимистичны и чаще всего связаны с фактическим «исчезновением земли» как таковой:

«Вот выкачают всю нефть, в земле пусто станет, и земля рухнет»; «в какое-то время провалится Тюменская область»; «когда газ кончится, начнутся обвалы земли, все города под водой окажутся»; «вы скажите нефтяникам, что там такие [сильные духи — *Е. Д.*] сидят, как дернут стрелу, никакой земли не будет»<sup>455</sup>.

Подобные апокалиптические истории, олицетворение нефти с кровью земли, зафиксированы и другими исследователями<sup>456</sup>. На р. Аган существует предание о куске бересты, на котором изображены «три этапа жизни земли»:

«[1] тайга, озера, много зверя, рыбы, оленей, а людей мало; [2] каменные дома, бетонные дороги, трубы и провода, людей куча, по небу железные корабли летают, зверя и рыбы мало; [3] города, дороги, газопроводы, самолетов не видать, птиц и рыб нет и людей нет. Это еще в старину нарисовали. Потом эта береста исчезла. А мы, кстати, к этому идем»<sup>457</sup>.

<sup>455</sup> ПМА, ХМАО — Югра, р. Аган, 2003; 2007; 2019.

<sup>456</sup> Вигет Э., Балалаева О.Э. Нефть, маргинализация и восточные ханты // Сибирские исторические исследования, 2014. № 4. С. 62–63.

<sup>457</sup> ПМА, ХМАО — Югра, р. Аган, 2007.

На фоне неутешительных прогнозов относительно будущего коренные народы формируют свои механизмы адаптации к изменяющимся условиям, интегрируют свою культуру в современную среду и готовы позиционировать себя в новом социальном пространстве в качестве активных участников диалога.

### 3.2.1 Яун-Ики

Одна из конфликтных ситуаций возникла на р. Большой Юган в результате активного нефтяного освоения компанией ООО «КанБайкал» территории, которая считалась у хантов вотчиной духа-покровителя всей реки. В центре дискурса оказались возможная утрата символа традиционных верований, разрушение природного ландшафта и социальные перемены<sup>458</sup>.

#### *История конфликта*

Зимой 2016 г. от хантов, проживающих в юртах Каюковых, поступили жалобы о разрушении действующего кладбища и священных мест в процессе сейсморазведочных работ. В поисках вариантов сохранения своих святынь они обратились к губернатору Ханты-Мансийского автономного округа — Югры с просьбой рассмотреть возможность организации достопримечательного места с жесткой регламентацией деятельности нефтяных компаний на территории их проживания. На тот момент О. Э. Балалаева, известная исследовательница культуры хантов, предложила вариант сохранения территории в виде биосферного резервата<sup>459</sup>. Стоит отметить, что идея сохранения территории компактного проживания хантов на р. Большой Юган возникла еще в конце 1990-х гг. Тогда был подготовлен проект биосферного резервата, который стал совместной инициативой общины юганских хантов, научного коллектива Юганского федерального заповедника, эксперта ЮНЭСКО О. Э. Балалаевой и американского антрополога Э. Вигета. Авторы отмечали, что Юганский бассейн

---

<sup>458</sup> Материалы этого раздела были опубликованы мной в главе 2 коллективной монографии «“Ресурсное проклятие”» и социальная экспертиза в постсоветской Сибири: антропологические перспективы». М., 2019.

<sup>459</sup> Балалаева О. Э. Биосферный резерват — реальная возможность сохранить Юган как уникальный этно-экологический комплекс // Вестник ассамблеи представителей коренных малочисленных народов Севера думы Ханты-Мансийского автономного округа — Югры. 2017. № 2 (35). С. 6–7.

представляет собой замкнутую этноэкологическую территорию и является одним из немногих очагов «автохтонной этничности», от сохранения которого может «зависеть существование древней традиционной культуры восточных хантов». Целью создания биосферного резервата являлось обеспечение и развитие сбалансированных взаимоотношений между коренным населением и окружающей средой<sup>460</sup>. Проект не был реализован. Организация достопримечательного места казалась более «рабочим» вариантом и была поддержана губернатором.

Первые полевые исследования по проекту достопримечательного места проводились нами в ноябре 2017 г., основной целью поездки была встреча с представителями коренных жителей и определение предварительных границ будущего объекта культурного наследия. Сбор этнографических сведений и историко-культурная оценка территории были выполнены в марте 2018 г. Все, с кем проводились беседы и/или анкетирование, твердо высказывались за организацию достопримечательного места, поскольку осознавали, что может повлечь за собой неконтролируемое нефтяное освоение этой территории. В апреле к нам поступила информация о том, что в с. Угут прошла совместная встреча «представителя недропользователя и представителя КМНС», в результате которой коренные жители подписали документ, признающий создание достопримечательного места «Яун-Ики Мых» на Унтыгейском лицензионном участке «нецелесообразным». В протоколе также указывалось, что создание достопримечательного места «не позволит Компании осуществлять свою деятельность в полном объеме, в результате чего, Компания не сможет оказывать дальнейшую материальную и иную помощь в рамках социально-экономического сотрудничества». Как выяснилось позже из бесед с информаторами, на этом собрании им пришлось выбирать: экономические соглашения или достопримечательное место.

Конфликтную ситуацию, сложившуюся вокруг создания достопримечательного места на Большом Югане, обсудили на рабочем

---

<sup>460</sup> Балалаева О. Э., Вигет Э. Биосферный резерват как форма сохранения этнической культуры (на примере юганских ханты). М., 1998. Сер.: Исследования по прикладной и неотложной этнологии. № 118.

совещании 15 мая 2018 г. На нем присутствовали представители недропользователей, разработчиков Проекта, Службы государственной охраны объектов культурного наследия и законодательной власти Ханты-Мансийского автономного округа — Югры. Из выступления генерального директора ООО «КанБайкал» Д. В. Перова стало ясно, что представители компании намеренно искажают информацию и, несмотря на факты, безапелляционно заявляют, что они не нарушают законов РФ и прав коренных малочисленных народов Севера. Единого мнения по рассмотренным вопросам у участников совещания не сложилось. А. В. Новьюхов, депутат думы ХМАО — Югры, предложил временно признать подписанный хантами документ недействительным из-за небольшого количества подписей и провести еще одну рабочую встречу летом, на которую пригласить хантов, подписавших протокол.

В июле 2018 г., перед запланированной встречей стейкхолдеров, вновь были проведены полевые исследования. Как оказалось, на этот раз жителей «запугивали» тем, будто они не смогут рыбачить и собирать ягоды в этих местах, если территории присвоят статус достопримечательного места. Непонятно, кто именно распространял эти слухи, поскольку во время бесед я и мои коллеги неоднократно разъясняли людям статус, который получит их территория, подчеркивалось, что традиционное землепользование в его пределах будет не ограничиваться, а наоборот поддерживаться. Июльская рабочая встреча в селе Угут проходила на повышенных тонах, адвокат нефтяной компании разговаривал с каждым из присутствующих хантов и пытался выяснить, сам ли он подписывал письмо губернатору, как бы намекая на то, что подписи были подделаны разработчиками проекта.

В результате июльской экспедиции мы вновь заручились поддержкой хантов, проект был доделан и в срок сдан заказчику. Следующим шагом должны были стать общественные слушания и последующее внесение границ достопримечательного места в территориальное планирование. Пока этого не произошло, компания «КанБайкал» вела активную деятельность и по

возможности осваивала нужные им земли. Статус достопримечательного места был присвоен территории только в 2021 г.

### *Действующие лица*

Коренным населением исследуемой территории являются юганские ханты (самоназвание *яун ях* — ‘реки Югана народ’, ‘народ реки’, ‘речные люди’), проживающие вдоль рек Большой и Малый Юган, считающиеся отдельной локальной этнической группой и говорящие на языке, который относится к сургутскому наречию восточной группы диалектов хантыйского языка<sup>461</sup> (рис. 5–10). Юганские ханты, на первый взгляд представляющие собой единую этнокультурную общность, имеют территориальные различия. Так, проживающие по Большому Югану ханты называют себя *энэл яун ях* — ‘большой реки народ’ и противопоставляют себя живущим на Малом Югане — *ай яун ях* — ‘малой реки народ’.



Рис. 5. Аграфена Никифоровна Каюкова за работой, р. Большой Юган. ПМА, ХМАО — Югра, р. Б. Юган, 2018

<sup>461</sup> Терешкин Н. И. Словарь восточно-хантыйских диалектов. Л., 1981.





Рис. 6. Алена Изаковна Каюкова. Выпечка хлеба, р. Большой Юган. Фото Е. Н. Даниловой. 2018 г.



Рис. 7. Наталья Егоровна Каюкова. Выделка шкур, р. Большой Юган. Фото Е. Н. Даниловой. 2018 г.





Рис. 8. Светлана Васильевна Качалова и Нина Николаевна Каюкова.  
«Отправка гусей», р. Большой Юган. Фото Е. Н. Даниловой. 2018 г.



Рис. 9. Лазарь Никифорович Мултанов. Изготовление нарт, р. Большой Юган.  
Фото Е. Н. Даниловой. 2018 г.





Рис. 10. Вячеслав Гаврилович Каюков на обласе, р. Большой Юган. Фото Е. Н. Даниловой. 2018 г.

В пределах границ достопримечательного места расположены несколько поселений. Деревня Каюкова, насчитывающая три с половиной десятка домов, расположенных на пяти улицах, считается самым крупным хантыйским поселением на р. Б. Юган. В деревне проживают около 150 жителей. Свой статус и название получила в 1950-е гг., до этого здесь находились юрты Рыскины.

К деревне Каюкова (рис. 11) относятся жители ближних юрт. В пределах спроектированных границ это юрты Каюковы летние (рис. 12–14) и зимние (рис. 15–16). Юрты Каюковы летние сами ханты называют Лунг Пухэл (*луңк пухэл*) — ‘духов селение’ (именно здесь проживает дух-хранитель Яун-Ики). В юртах насчитывается 12 жилых домов семей Каюковых и Мултановых. На зимнее время (примерно с 1 сентября) семьи Л. Н. Мултанова, А. М. Мултанова, В. Г. Каюкова, И. В. Каюкова перебираются в зимние юрты («там ягоду ближе собирать», «потому что бор рядом», «летние юрты как дачи, там теплицы»<sup>462</sup>).

<sup>462</sup> ПМА, ХМАО — Югра, р. Б. Юган, п. Угут, 2018.





Рис. 11. Деревня Каюкова / Юрты Рыскины (*ниңкэн кyxэн пухэл* — ‘женщины и мужика селение’), р. Большой Юган. Фото Е. Н. Даниловой. 2018 г.



Рис. 12. Юрты Каюковы летние (*дуңк пухэл* — ‘духов селение’), р. Большой Юган. Фото Е. Н. Даниловой. 2018 г.





Рис. 13. Юрты Каюковы летние (*дуңк пухэл* — ‘духов селение’), р. Большой Юган.  
Разгрузка баржи. Фото Е. Н. Даниловой. 2018 г.



Рис. 14. Юрты Каюковы летние (*дуңк пухэл* — ‘духов селение’), р. Большой Юган.  
Хозяйственный лабаз. Фото Е. Н. Даниловой. 2018 г.





Рис. 15. Юрты Каюковы зимние (*түлдүз нухал* — ‘зимнее поселение’), р. Большой Юган.  
Фото Е. Н. Даниловой. 2018 г.



Рис. 16. Юрты Каюковы зимние (*түлдүз нухал* — ‘зимнее поселение’), р. Большой Юган.  
Фото Е. Н. Даниловой. 2018 г.

В первоначально предложенном нами варианте предлагалось включить в территорию достопримечательного места юрты Чегаевы, однако все опрошенные ханты были против, аргументируя это тем, что сейчас в юртах проживает «новый» хант К., который записался в ханты ради выгод, а на самом деле таковым не является.

### *Представители традиционных верований*

Для всех групп сургутских хантов характерно почитание «хозяина» реки, который одновременно является покровителем целой территориальной группы *ях*. Покровителем большеюганских хантов считается Яун-Ики («Югана старик», «Юганский дедушка»), сын верховного бога Торума, состоит в родственных связях с покровителями других территорий.

Яун-Ики «отвечает» за всю территорию реки от истока до устья. Нередко среди хантов его называют «вотчинником». В его подчинении находятся духи-хозяева лесов, рек, поселений и отдельных семей. По данным В. М. Кулемзина, ряд божеств, в том числе Яун-Ики, не совсем духи, это «самые настоящие человекоподобные существа, одаренные самостоятельной жизненной силой... Они не обладают способностью перевоплощаться и менять место своего обитания... У местного духа Ягун ики имелись помощники — металлические антропоморфные фигурки. Но они находились за несколько десятков километров ниже по течению реки и рассматривались как «охранники», «сторожа» указанного существа, ибо последний не мог покинуть места своего обитания или скрыться незамеченным»<sup>463</sup>.

Яун-Ики заботится о населении, которое проживает в его «вотчине». Согласно легендам, он борется против Обского покровителя Ас-Ики, чтобы обеспечить хантов рыбой, ворует оленей на Казыме, а с Салыма приносит сосновые боры<sup>464</sup>. Самый большой каменный пережат на Большом Югане, находящийся в конце «пятого песка», называется «Яун-Ики водоворот». По-хантыйски это место называют Коймэн (Коим) Ури Мэлэн (*коймэң (койэм) ури мэдэң*) — «рыбы нерестится старица поворот реки». С хантыйского *мэдэң* —

<sup>463</sup> Кулемзин В. М. Человек и природа в верованиях хантов. Томск, 1984. С. 50.

<sup>464</sup> ПМА, ХМАО — Югра, р. Б. Юган, 2018.

«излучина» (изгиб русла реки), в некоторых диалектах также переводится как «омут». Крупные омуты нередко становятся элементами сакрализации, известны такие места у юганских хантов, переселившихся на р. Демьянку<sup>465</sup>. В былые времена в этом месте останавливались, на воду спускали материал и бросали монеты. Сейчас, когда проезжают мимо на лодке, делают три круга и в центр бросают монеты.

Яун-Ики считается родоначальником самого большого на Югане рода Медведя, в который входят фамилии Каюковы, Мултановы, Рыскины, по некоторым данным также Курломкины и Куплондеевы.

Зооморфным обликом Яун-Ики является медведь. Исследователи также отмечали, что он мог принимать облик соболя<sup>466</sup> или совы<sup>467</sup>. Однако, сегодня на Югане это уже не помнят. Медведи, змеи, ящерицы являются духами помощниками Яун-Ики, согласно легендам ящерицы (*сйсал*) служат ему завязками на саке-меховой одежде, а змеи (*кох, войах*) — подвязками на меховых кисах (вид обуви)<sup>468</sup>.

Антропоморфное изображение Яун-Ики деревянное, примерно около метра в высоту, с укороченными ногами. Его вырезают из кедра, привезенного из священной рощи близ юрт Чегаевых, изготовлением занимаются в летних юртах Каюковых, рядом со священным лабазом. Мастера выбирают из семей Усановых или Покачевых, «делать идола» считается «очень почетным» — тот, кто его делает, «дух в него вселяет». В старину деревянных *луңков* меняли каждые семь лет, либо в случае смерти мастера-изготовителя, при этом старого идола возвращали на то место, откуда был взят материал. Последнему изображению Яун-Ики уже около 25 лет<sup>469</sup>.

<sup>465</sup> Адаев В. Н. Сакрализация пространства как текущий процесс в культуре юганских хантов-переселенцев // Вестник Новосибирского государственного университета. 2013. Т. 12, вып. 7: Археология и этнография. С. 299.

<sup>466</sup> Мартынова Е. П. Религиозные представления юганско-балыкских хантов // Материалы и исследования по истории Северо-Западной Сибири. Екатеринбург, 2002. С. 85.

<sup>467</sup> Лимеров П. Ф. Семья Каюковых из пупи сир «рода медведя» — как носители традиционного фольклора хантов Югана: полевые заметки экспедиции к восточным хантам // Фольклористика Коми. Региональные фольклорные традиции Европейского Северо-Востока и Зауралья в межкультурном контексте. Сыктывкар, 2012. С. 170.

<sup>468</sup> ПМА, ХМАО — Югра, р. Б. Юган, 2018.

<sup>469</sup> Там же.

Являясь покровителем всех проживающих на Большом Югане хантов, Яун-Ики обитает в районе юрт Каюковых, а территорией его владения считается участок реки от юрт Каюковых до юрт Рыскиных. Как и у самих хантов, у Яун-Ики есть зимнее, весеннее и летнее места жительства, на которые он переезжает в зависимости от годового хозяйственного цикла: «зимой он на зимнем живет, весной рыбачит, летом — здесь, в юртах». Кроме этого у Яун-Ики есть палатка, в которой он живет во время зимней охоты, считается, что он не хочет сидеть один в пустой деревне и поэтому его берут с собой<sup>470</sup>.

На каждом из сезонных культовых мест построен лабаз. Вещи и фигуры духов раньше постоянно перемещались между ними, «когда выпадал снег — на зимнее, Юган открывался — на весеннее, летом — в поселок». На сегодняшний день Яун-Ики постоянно «живет» в летнем лабазе, основной причиной этому стало распространившееся среди юганских хантов евангельское христианство: «баптисты ему не молятся, поэтому, кто его будет таскать», «народа мало стало»<sup>471</sup>.

Все три культовых места связаны между собой общей функциональностью и представляют единый культовый ансамбль Яун-Ики. Несмотря на то, что сегодня все идолы «сидят» в летнем лабазе, и на весеннем, и на зимнем местах поддерживается порядок, так, чтобы в любой момент можно было перевезти идолов. Кроме того, в них продолжает находиться часть вещей, которую обычно не перевозили.

Остров зимнего лабаза называют Пев Пахрэн Тэл (*нев пахрэн тэл(?)*), — ‘остров еловой шишки’, (‘шишкин остров’, ‘шишкин бор’), он расположен в пойменном смешанном лесу левого притока р. Вандрас — речки Пев Сап (*нев сән*) — ‘еловой шишки речка’. В зимний лабаз идолы переезжали с первым снегом, а уезжали в мае по большой воде на своей лодке. На зимнем месте во время коллективных сборищ приносили кровавые жертвы (забивали оленей), на деревьях вывешивали приклады, чаще всего из светлой и белой ткани (рис. 17–18).

---

<sup>470</sup> Там же.

<sup>471</sup> Там же.





Рис. 17. Зимний лабаз Яун-Ики (*нев пахрәң тәд* – ‘остров еловой шишки’, р. Большой Юган.  
Фото Е. Н. Даниловой. 2018 г.



Рис. 18. Зимний лабаз Яун-Ики (*нев пахрәң тәд* – ‘остров еловой шишки’, р. Большой Юган.  
Приклады на деревьях. Фото Е. Н. Даниловой. 2018 г.



Весеннее место Яун-Ики называют Яун-Ики Эвэт (*ййвэн ики эвэт*) — ‘Яун-Ики святое место’, оно расположено в правобережье р. Большой Юган, на невысокой гриве, на берегу озера Лопасэн Тох (*дõпасэң тõх*) — ‘лабазиное озеро’, ‘лабазина лужа’ (*тõх*, называют небольшие озера возле речек или посреди болот и не имеющие своих ручейков). Яун-Ики переезжает сюда, когда начинает идти рыба, во время большой воды и рыбачит здесь, пока вода не начнет падать, примерно до середины июня. На весеннем месте берут «сколы» с деревьев для изготовления личных духов-покровителей — «когда нужно ангелов с собой держать» и приносят «списанные» фигурки, когда «срок закончится и он постареет» (рис. 19).



Рис. 19. Весенний лабаз Яун-Ики (*ййвэн ики эвэт*) — ‘Яун-Ики святое место’, р. Большой Юган. Места сколов с деревьев для изготовления духов. Фото Е. Н. Даниловой. 2018 г.

Летнее место Яун-Ики называют Ным Пухэл Лопас (*ним пухэл дõпас*) — ‘летнего поселения лабаз’, оно находится в летних юртах Каюковых (*дуңк пухэл* — ‘Духов селение’). Здесь духи проводили время летом, пока Юган не замерзнет (рис. 20).





Рис. 20. Летний лабаз Яун-Ики (*ним пухэд дѳнас* — ‘летнего поселения лабаз’), р. Большой Юган.  
Фото Е. Н. Даниловой. 2018 г.

Во всех лабазах, у задней стены, сделаны нары из досок, на них уложены оленьи шкуры (когда проходит время, лишние оленьи шкуры раздаются). Яун-Ики сидит на оленьих шкурах, он одет в шапку из выдры и одежду из сукна, на нем «как галстуки» завязаны семь (или больше) белых мужских платков. Если на него надевают новые платки, то старые раздают в подарок. Старая одежда складывается в специальный мешок, там же лежит его шуба из соболиных шкурок. На ногах у него зимние меховые кисты с подвязками. По бокам к Яун-Ики прислонены пять или семь деревянных стрел с железными наконечниками.

В лабазе, кроме Яун-Ики, у самой стены, сидят его жены — дочери Ас-Ики (‘обского деда’, ‘обского хозяина’), одетые в платки и женские саки в несколько слоев. Когда одежды становится слишком много, ее так же убирают в мешочек, который есть у каждого духа. Посередине между женами, лицом к ним, сидит их охранник (возможно, Вонт-Ики — ‘лесной мужик’). Возле «казны» боком, с правой стороны, не загораживая Яун-Ики, сидит еще один охранник, который присматривает за всем в лабазе, его называют *Йӓнк дор*

*Имиэн Икиэн Пах* — ‘Ледового озера мужчины и женщины сын’. К нему также обращаются, когда мучают какие-то страхи, например, «думаешь, что за тобой кто-то идет». Защитников также называют *Вон йоу* — ‘плечо люди’.

Помимо идолов в лабазе находятся 15 медвежат, вырезанных из дерева. Самый большой стоит посередине, по бокам от него по семь маленьких. Во время кровавого жертвоприношения самого большого медведя макают в кровь (в рану). В мешке у Яун-Ики есть змея, соболь, лось, орлан и коршун. Этих животных и птиц можно брать на время, для удачи, а потом возвращать обратно. Изображения заворачивают в тряпочки и кладут в специально сшитые мешочки, при этом молятся. Эти мешочки держат дома, мужчины на время охоты обязательно берут их с собой, «чтобы злые духи не ходили». У женщин также есть такие мешочки.

Хранитель культового места — *дуңк орт* — выбирается на три года, иногда этот срок продлевают, если некому передать духов. Хранителем может быть только мужчина из семьи Каюковых. В его обязанности входит следить за состоянием лабазов и его обитателей, раз в месяц хранитель меняет на них одежду, при этом старая складывается в специальный мешок. В былые времена хранитель каждый месяц на растущей луне посещал лабаз и окуривал куклы смесью из перетертой чаги и сушеного лосинового фаллоса, если была возможность, то готовил и ставил угощение, сейчас «поднести нечего».

В настоящее время хранителя нет, такое решение, что «у духов не будет хозяина», приняли сообща, заметив, что «кому передадут Яун-Ики, в той семье люди умирают». Все функции хранителя выполняет Андрей Антонович Каюков, однако сам он не считает себя хранителем в том смысле, которое вкладывалось в это ранее. Сейчас, чтобы выбрать нового хранителя, необходимо собраться всем и принять решение. Среди желающих «взять духов» был Спиридон Каюков из юрт Рыскиных<sup>472</sup>. Известно, что ранее хранителями были Иван Павлович

<sup>472</sup> ПМА, ХМАО — Югра, р. Б. Юган, 2018.

Каюков (1990-е гг.)<sup>473</sup>, Лисак Петрович Каюков (конец 1990-х гг.), Вячеслав Гаврилович Каюков (начало 2000-х гг.).

Коллективные посещения культового места Яун-Ики проводились один раз в год. На них съезжались носители фамилии Каюковых, живущие на других реках. Во время таких посещений на священном месте разжигали огонь, те, кто приехали в первый раз, бросали в костер монеты. После молились, заходили в лабаз, женщины при этом оставались в стороне и закрывались платком (они считались невестами). После общей трапезы снова произносили молитву и затем прибирались. Большие зимние сборища проходили не один день. Так, в первый день шла подготовка, во второй — все ехали к зимнему лабазу, где проводили время до наступления ночи, жгли большой костер, молились и приносили жертвы. На третий день ехали на весеннее место за сколами. Многие привозили своих личных духов «погостить в зимнем лабазе», там они стояли до отъезда домой.

В качестве даров под Яун-Ики кладут оленьи шкуры, дарят материал, надевают соболиную шубу, сбоку кладут шкуры песца, выдры, соболей. В лабаз приносят разнообразные подарки. Так, в одно из последних посещений ему подарили меч, американцы привезли мраморного медведя, часто дарят золотые кольца, которые олицетворяют змей и им предназначаются.

Последние несколько лет коллективных посещений не устраивают, но проезжающие мимо юрт Каюковых ханты поклоняются Яун-Ики «в домашних условиях». Ставят угощение дома или просто оставляют привезенные приклады, которые хранятся у Андрея Антоновича Каюкова, пока кто-нибудь не сходит в лабаз. Помимо коллективных посещений и поклонений проезжающих, к Яун-Ики обращаются в случае, если заболят зубы или приснится «особенный» сон. Так, если снятся змеи, то нужно на обуви Яун-Ики сделать новые завязки или просто сходить поклониться.

Кроме самого Яун-Ики, на Большом Югане почитают реликвии, связанные с ним. Так, самостоятельным духом считалось его копьё<sup>474</sup>, которое хранилось

---

<sup>473</sup> Балалаева О. Э. Священные места хантов средней и нижней Оби // Очерки истории традиционного землепользования хантов (материалы к атласу). Екатеринбург, 2002. С. 152.

<sup>474</sup> Кулемзин В. М. Человек и природа в верованиях хантов. С. 96.



недалеко от юрт Рыскиных. По другим сведениям, в юртах Рыскиных хранится его посох. Сох-юх-Ики (*sox'yux iki*) — ‘Березового посоха дед’, букв. ‘посох-старик’ или ‘старик посоха’ живет в лабазе недалеко от юрт Рыскиных, чуть выше по течению Большого Югана (рис. 21). Хранителем этого духа в настоящее время является Олег Рыскин. В работах Н. В. Лукиной дух Сох-юх ики — ‘Посох старика’ упоминается в качестве правой руки Яун-Ики<sup>475</sup>.



Рис. 21. Лабаз на культовом месте Сох-юх-Ики (*sox'yux iki* — ‘Березового посоха дед’).  
Фото Е. Н. Даниловой. 2018 г.

По преданиям, у Яун-Ики было четыре (иногда упоминаются три) жены. Первую он привез с Казыма, где украл 300 оленей и набрал камней, чтобы устроить перекаты на р. Большой Юган. Еще двух жен, дочерей Ас-Ики, он взял с правого берега р. Обь, однако брак с ними был запрещен верховным божеством, так как оттуда происходит род медведя. Последнюю жену Эвэт-Ими, он встретил на Югане (по другим сведениям на Тромъегане), у них родился сын:

«Однажды Яун-Ики украл невесту на Тромъегане. И Эвэт-Ики погнался за ним. А Яун-Ики стал убегать от него по реке. У Эвэт-Ики 6 братьев было.

<sup>475</sup> Лукина Н. В. Хантыйский обряд жертвоприношения // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. 2013. Вып. 2 (2). С. 106–114.

Тогда они обогнали Яун-Ики и поставили через Тромъеган сеть. Эвэт-Ики говорит братьям: «Я сильный, сеть удержу на этом берегу. А вы вшестером держите сеть на другом берегу». А Яун-Ики превратился в выдру, ударил в сеть, вырвал ее из рук у Эвэт-Ики с братьями и уплыл восвояси...» (И. А. Сопочин, р. Тромъеган)<sup>476</sup>.

Однако жизнь с ней также не заладилась, и они «развелись»<sup>477</sup>. По другим данным, их расставание связано с тем, что она была равной ему по силе<sup>478</sup>.

Лабаз Эвэт-Ими находится в юртах Чегаевых, где они «сидят» вместе с сыном. По сведениям информантов, в этом лабазе в четырех углах находятся по две стрелы с перьями, обмотанные красными лентами. Эвэт-Ими с круглой головой в платке и суконном саке без меха «сидит» на шкурах оленя. В дар ей приносят ткани красного цвета или с цветочным орнаментом, ставят женскую коробочку и игольницу, в которую втыкают восемь иголок парами, наперсток и оленьи жилы. Эвэт-Ики/Кын-Ики (сын Эвэт-Ими и Яун-Ики) с острой головой в саке из черной ткани с капюшоном. Ему дарят белые платочки и черную ткань.

«Мать что-нибудь скажет сыну, а он не слушает. Ему все подарки носили, Эвут-Ими обижалась. Сын её за это побил, она говорит: «Если бы был здесь отец, то он бы меня не бил». Яун-Ики услышал это и тут пол лабаза раскололся, и оттуда змея выползла — это был сам Яун-Ики. Он побил сына об нарты головой. Поэтому у Эвут-Ики голову острую делают»<sup>479</sup>.

Согласно данным П. Ф. Лимерова, сын Яун-Ики — остроголовый Атэм-Пухут-Ики («Плохого места муж»), которого отец часто наказывал за непослушание, таская за волосы. Он уносит души умерших в иной мир, «символом которого является кладбище»<sup>480</sup>.

У Яун-Ики есть брат Кон-Ики, который сейчас «сидит» в юртах Усановых. Согласно преданиям, братья постоянно ссорятся и воюют, их никогда не нужно сводить вместе. Поэтому Кон-Ики, путешествующего также как Яун-Ики, довозят только до юрт Ярсомовых.

<sup>476</sup> См.: Рудь А. А. Материалы по фольклору тромъеганских хантов: связь мифологии с сакральными ландшафтами // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого: сб. ст. Томск; Ханты-Мансийск, 2014. Вып. 12. С. 112.

<sup>477</sup> Лимеров П. Ф. Семья Каюковых из пупи сир «рода медведя»... С. 150–188.

<sup>478</sup> Карапетова И. А., Соловьева К. Ю. Образ хозяина «Яун-Ики» как символ культуры юганских хантов // Этнография народов Западной Сибири (Сибирский этнографический сборник). М., 2000. Вып. 10. С. 205.

<sup>479</sup> Полевые материалы этнографической экспедиции Е. В. Переваловой на р. Большой Юган, 1988 г.

<sup>480</sup> Лимеров П. Ф. Семья Каюковых из пупи сир «рода медведя»... С. 168.

«Кон-Ики — начальник грозы, у него по бокам помощники сидят тучки-облака. Всего богов грозы много, вот если молния один раз сверкнула и сразу гром, значит это Кон-Ики. Если метеорит летит, значит это Кон-Ики на коне ходит. На земле у него шуба хранится. Эта шуба сделана из соболиных шкур с лапками и мордочками, связанными между собой иглами. Когда делают поры, шубу вдвоем вытаскивают на переднюю стену, осторожно, чтобы не уколоться иголкой, их там несколько тысяч. Периодически соболей меняют, их приносят как жертву»<sup>481</sup>.

Помимо культовых мест, связанных с почитанием хозяина реки, на Большом Югане есть места, связанные с сакрализацией окружающего ландшафта. Один из них (Яун-Ики водоворот) упомянут выше. Такие места посещаются без какой-то особой периодичности, как правило, все они располагаются на пути следования, недалеко от дороги. Эти культовые места не имеют ранга и хранителя и не принадлежат конкретным семьям или юртам, ханты останавливаются и молятся там во время своего пути.

С левой стороны Большого Югана есть Йимэн Ури Кор Сап — ‘речушка в болоте священной старицы’, ‘ручей святой старицы’. Ручей, который вытекает из святой старицы Имн Урий и не замерзает в течение всего года, его называют «живун». Здесь останавливаются, бросают в воду монеты («те, кто первый раз едут»<sup>482</sup>).

С правой стороны Большого Югана, в районе юрт Рыскиных, есть «Святая гора», по-другому ее еще называют Эвэт/эвут. Слово Эвэт сами ханты не переводят, топонимы с таким компонентом встречаются практически у всех групп хантов и чаще всего связаны с определенным типом культовых мест — «домами обитающих духов». Н. И. Терешкин переводит *Эвэт* как «высокий мыс, обычно у слияний двух рек (речек), где в старое время строились укрепленные городки»<sup>483</sup>. В литературе также отмечалось, что первоначальное значение этого слова в хантыйском языке было, очевидно, «высокий мыс с укрепленным поселением»<sup>484</sup>. На «Святой горе» в качестве жертвоприношений на березы развешивают материал и платки:

<sup>481</sup> ПМА, ХМАО — Югра, р. Б. Юган, 2003.

<sup>482</sup> ПМА, ХМАО — Югра, р. Б. Юган, 2018.

<sup>483</sup> Терешкин Н. И. Словарь восточно-хантыйских диалектов. С. 47.

<sup>484</sup> Дмитриева Т. Н. Топонимия бассейна р. Казым. Екатеринбург, 2005. С. 126.

«Там два высоких места, между ними дорога. С одной стороны плохой кот мых, с другой — хороший. Вешают только хорошему, плохому нет. На хорошей стороне растут березы и осины, с другой стороны, с плохой — кедры, сосны, елки. Зимник идет через них — буранка, когда с вершины едут, заезжают, платки вешают. Зимой где-то один раз примерно в Угут ездят (летом чаще). Просто вешают, имена богов забыли»<sup>485</sup>.

Одним из аргументов, который мне приходилось слышать от сторонних лиц, заключался примерно в следующем: «да что там на Югане сохранять, там же баптисты одни», «да там никто не верит уже», «да там вообще делать нечего», полевые исследования показали обратное. Мне не раз доводилось слышать разговоры о том, что надо снова перевозить Яун-Ики по сезонным лабазам, некоторые высказывались о желании «держать духов». Активные действия «КанБайкала», затронувшие местные святыни, всколыхнули волну ревитализации. Причем она охватила всех жителей Югана, которые сегодня еще сохраняют «веру своих отцов», несмотря на то, что «под воздействием» оказались коренные жители, проживающие непосредственно на территории достопримечательного места, его создание поддержали и другие ханты, поскольку культовый ансамбль Яун-Ики является достоянием всего современного сообщества юганских хантов, их духовным центром, который посещают многие хантыйские семьи, в том числе проживающие и на других реках.

### *Баптисты*

Помимо традиционных этнических верований на Большом Югане, в том числе в юртах Каюковых, распространено евангельское (евангелистское) христианство. Баптисты стали посещать эти места с 2000-х гг. Первые миссионеры приезжали несколько раз, прежде чем «мы стали прислушиваться, рассказывали, что есть Бог настоящий, а наши идолы — просто духи» — вспоминает О. А. Каюкова. Первыми новую веру здесь приняли женщины, «мужчины уже после покаялись», крестил их Вениамин Перевозчиков.

В юртах Каюковых 11 членов церкви, каждое воскресенье они собираются для общих молитв, в которых просят прощения за содеянное и благодарят Бога

<sup>485</sup> ПМА, ХМАО — Югра, р. Б. Юган, 2018.



за все посланные им блага. Чтобы стать членом церкви, нужно покаяться, после тебе дают какое-то время (примерно полгода), в которое ты пытаешься жить, не совершая плохого (чаще всего это означает не употреблять спиртных напитков), только потом можно креститься. Для этого приезжают служители и путем омовения в Большом Югане обращают хантов в новую веру<sup>486</sup>.

Сегодня баптисты в юртах Каюковых научились «отделять веру от культурного наследия», «все, что было раньше, так и остается, мы ничего не трогаем», «кто хочет, ходит в лабаз, мы им никак не мешаем. Люди сами приходят к вере... Сейчас они знают, что можно верить и сами выбирают, как им быть»<sup>487</sup>. Дом молитвы, построенный летом 2018 г. (рис. 22), практически соседствует с летним лабазом Яун-Ики, который для всех юганских хантов продолжает оставаться тем символом культуры, который способствует сохранению их этнической идентичности.



Рис. 22. Юрты Каюковы летние (*Луңк пухэл* — ‘духов селение’), р. Большой Юган. Молельный дом. Фото Е. Н. Даниловой. 2018 г.

Многие из баптистов хранят в памяти историю своих предков и с удовольствием рассказывают легенды об остяцком богатыре Тонье (Танье,

<sup>486</sup> ПМА, ХМАО — Югра, р. Б. Юган, 2018.

<sup>487</sup> Там же.



Танге, Тониме), историческим прототипом которого являлся сын сургутского князя Бардака Кинема. Как выяснилось, территория спроектированного достопримечательного места связана с историческими событиями начала XVII в., а именно антирусским восстанием остяков Бардакова княжества (1616–1619), известным также как «восстание Тоньи»<sup>488</sup>. Согласно различным вариантам легенды, Тонья из своего укрепленного городка (сегодня объект археологического наследия городище Монкысь Урий) продвигался вверх по Югану в юрты Купландеевы. Старая зимняя дорога, по которой он ехал, проходила через бор Ики Кёрхэм Ёхом ('бор, где упал мужик' — дух, которого гнал Тонья) и сохранилась до сих пор, ее маркируют обтесанные деревья, где останавливался богатырь, чтобы отдохнуть или пострелять из лука<sup>489</sup>.

Все баптисты поддержали создание достопримечательного места, несмотря на то, что именно культовый комплекс Яун-Ики обговаривался в качестве основного объекта охраны.

#### *Другие заинтересованные стороны*

Мощным социальным институтом в рассматриваемом районе является Община коренных малочисленных народов Севера «Яун-Ях» — одна из самых популярных хантыйских общин, которая объединяет более 550 хантов, проживающих по Большому и Малому Югану. История ее создания и основные направления деятельности подробно описаны О. В. Балалаевой, принимавшей активное участие в ее создании<sup>490</sup>. Главой (председателем) общины с момента основания является В. С. Когончин.

Община всегда поддерживала сохранение территории исконного проживания коренного населения и долгое время противостояла наступлению нефтяного освоения. Однако, по словам председателя, сейчас все ханты «с интернетом и телевизором и не хотят в закрытой зоне сидеть». Экономические соглашения с нефтяными компаниями являются не только весомым источником

<sup>488</sup> Подробнее об этом см.: Вершинин Е. В. Восстание Тоньи-Кинемы в письменных и фольклорных источниках // Материалы и исследования по истории Северо-Западной Сибири. Екатеринбург, 2002. С. 98–110; Он же. Русская колонизация Северо-Западной Сибири в конце XVI–XVII вв. Екатеринбург, 2018. С. 430–431.

<sup>489</sup> ПМА, ХМАО — Югра, р. Б. Юган, 2018.

<sup>490</sup> Балалаева О. Э. Общинное движение в Сургутском районе и община «Яун-Ях» // Северный регион: наука, образование. Культура. 2014. № 1. С. 35–43.

дохода хантов, но и дают общине необходимое оснащение, позволяющее осуществлять свою деятельность (транспорт, морозильные камеры и т. п.). В этом смысле нефтяники являются единственной поддержкой, местные власти «нам не помогают»<sup>491</sup>.

Несмотря на то, что большинство жителей юрт Каюковых и Рыскиных состоят в общине, среди них есть недовольные, которым кажется, что община неправильно распределяет получаемые от нефтяников средства и оставляет весомую часть денег в своих руках. Некоторые на Югане выходят из общины, пытаются договариваться с нефтяниками напрямую, а кто-то переходит в другую общину — «Негус-ях», которая, по словам руководства, переманивает к себе хантов. Говорить о том, что их что-то не устраивает в общине, жители боятся и неохотно идут на такие беседы.

В письме губернатору, с которого началось создание проекта, указывалось, что в разработке достопримечательного места обязательно должны принять участие «местные жители Большого Югана и медицентр культурного наследия юганских хантов общины “Яун-ях”». Все попытки получить какую-либо информацию о медицентре или материалы, которыми он владеет, оказались безуспешными, то есть он существует, но как именно, непонятно и кто владеет данными, тоже непонятно. В результате, вся собранная информация была получена при работе с жителями юрт.

На встрече недропользователей и коренных жителей, проходившей в июле, Когончины, как представители руководства общины, вели себя отстраненно и отмалчивались, показывая, что они занимаются только организацией встреч, но решения принимают те ханты, которые действительно проживают на территории.

Позиция руководства общины относительно создания достопримечательного места не кажется однозначной. При личных встречах Л. Когончина говорила, «ну вот мы в Угуте живем, все рядом, у нас и нефть тут,

---

<sup>491</sup> ПМА, ХМАО — Югра, р. Б. Юган, 2018.

и ханты, и археология, и никто ни с кем не спорит»<sup>492</sup>, высказывались опасения, что прекратятся выплаты со стороны нефтяников, и мы только сделаем хуже. Оказывая организационную поддержку (за что я им очень благодарна), они выбрали позицию наблюдателей, не принимающих более никакого участия.

Во время работы в Угуте я общалась с представителями администрации и сотрудниками музея, никто не высказывал мнений против создания достопримечательного места, наоборот, идея сохранения территории нравилась всем, но так же, как и в общине, только с позиций наблюдателей. Приходилось слышать такие высказывания: «это самые бедные ханты на Югане, они ни за что не согласятся», «эти ханты всегда были бедными и ждали, когда к ним нефтяники придут», «посмотрим, что у вас получится»<sup>493</sup>.

Сами представители компании «КанБайкал» на всех проведенных встречах высказывались исключительно против создания достопримечательного места. В свой адрес мне приходилось слышать оскорбления, из серии «знаем мы вас, вы все это только за деньги делаете». Они отмечали, что исправно платят налоги государству и все строят с разрешения местных хантов, и «вообще вся экономика держится только за счет нефти», «мы тут детские площадки построили», «да этим хантам только денег надо», «ну вы же проект все равно сделаете, мы будем материалами пользоваться просто и все, а достопримечательное место не согласуем». Так или иначе, проект был завершен. Предлагалось проектируемое достопримечательное место сделать объектом культурного наследия регионального значения и выделить в пределах его территории семь основных функциональных зон, в том числе зоны традиционного природопользования и нефтяного развития. При построении зонирования, с одной стороны учитывались мнения нефтяников, которые предлагали свой вариант освоения территории, с другой — мнения хантов, которые старались обозначить важные для них места. Поиски компромиссов вокруг предполагаемого строительства какого-нибудь «куста» иногда

---

<sup>492</sup> Там же.

<sup>493</sup> Там же.

продолжались не один месяц, пока не находился нужный вариант, при этом защищая один участок территории непременно приходилось уступать другой.

### 3.2.2 Ауэн-Ими

Одним из примеров «удачного» проекта стало достопримечательное место «Эвут Рап» в Нижневартовском районе Ханты-Мансийского автономного округа — Югры. Основой для его выделения стал комплекс культовых этнографических объектов и объектов археологического наследия, компактно расположенных в среднем течении р. Аган (правого притока Оби). Этот комплекс включает в себя действующий культовый ансамбль Середина Агана, который на сегодняшний день является одним из самых крупных культовых объектов Нижневартовского района, возродившихся на волне восстановления святилищ и культово-ритуальных практик конца XX — начала XXI в.<sup>494</sup>

Научно-проектная документация для обоснования достопримечательного места<sup>495</sup> была подготовлена на основе проведенных этнографических исследований, которые включали, в том числе и оценку историко-культурных ресурсов территории.

Культовый ансамбль Середина Агана включает в себя четыре культовых места: Ауэн-Ими, Эвут-Ики, Сойем-Ики, Пыгыт-Ики, связанных между собой единой культовой практикой и памятное место Лолнэ Рап, маркирующее границу «святых» земель. Территория ансамбля является местом совершения религиозных обрядов и по представлениям коренного населения «принадлежит божествам» (на ней нельзя ставить палатку или чум, рыбачить, охотиться, собирать ягоды, вести вырубку)<sup>496</sup>.

Границы святого места начинаются «от впадения речки Нёух в Аган и доходят до Лягушачьего яра». Святыми считаются обе стороны реки и ее акватория на этом отрезке. С правой стороны Агана святые места тянутся вдоль

---

<sup>494</sup> Перевалова Е. В. Обские угры и ненцы западной Сибири. С. 407

<sup>495</sup> См.: Данилова Е. Н. Разработка научно-проектной документации для обоснования достопримечательного места «Эвут Рап» в Нижневартовском районе Ханты-Мансийского автономного округа — Югры: отчет о НИР / ООО НАЦ «АВ КОМ — Наследие». Архив АСА. Ф 1/305. Екатеринбург, 2015.

<sup>496</sup> ПМА, ХМАО — Югра, р. Аган, 2015.

р. Нёух по обеим его берегам и доходят до озера Нёухлор, из которого она берет начало. Акватории самого озера и реки также считаются священными. Единого наименования всех «святых земель» не существует, в литературе фигурируют такие названия как «Святой бор», «Священный бор»<sup>497</sup>. В картографических материалах к научной публикации О. Э. Балалаевой, посвященной священным местам хантов Средней и Нижней Оби, обследуемый культовый ансамбль, фигурирует как «Аган-Эвут-Ими-Ики»<sup>498</sup>. Сами ханты нередко называют эти места Яун кутэп — ‘Середина реки’ или Охэн кутэп — ‘Середина Агана’, Ауэн-Ими Эвут Рап — ‘Матери Агана святое место’.

Хранителями святых мест могут выступать мужчины из рода Айпиных или Лейковых. В обязанности хранителя входит уход и наблюдение за святым местом, организация общего «сборища», а также сопровождение отдельного гостя на святое место, если «ему туда надо»<sup>499</sup>.

На святых местах Середины Агана проводят как коллективные, так и индивидуальные обряды. Крупные коллективные «сборища» проходят два раза в год, обычно это происходит в холодное время года на новолуние (ориентировочно в ноябре и марте). Традиция посещать святые места зимой связана с труднодоступностью этих мест в летнее время. Индивидуальные посещения («по-семейному») не имеют четкой периодичности («хоть раз в месяц») и могут проходить в любое время года.

Время коллективного посещения определяет хранитель, после чего он отправляет двух человек по стойбищам с предупреждением о дате сбора (обычно за семь дней до начала). Крупное коллективное «сборище» проходит в течение нескольких дней. Полный ритуал включает посещение всех культовых мест Середины Агана, на каждое из которых может уходить один день. Порядок посещения обговаривается заранее между Айпиными, затем происходят приготовления (заготавливаются дрова на святом месте, раскатывается буранами снег).

<sup>497</sup> См.: Путем хозяйки Агана. Сборник материалов фольклорно-этнографической экспедиции, осуществленной по реке Аган Нижневартовского района в 1996 г. Нижневартовск, 1999.

<sup>498</sup> Балалаева О. Э. Священные места хантов... С. 163.

<sup>499</sup> ПМА, ХМАО — Югра, р. Аган, 2015.

На культовом месте Ауэн-Ими, занимающем обширную территорию протяженностью около 5 км по обеим берегам р. Нёух от истока до устья, главным божеством считается Хозяйка реки Аган — Ауэн-Ими (*Оуэн-ими* — ‘Агана Великая Женщина’), которая, согласно местным преданиям, является дочерью бога Торума<sup>500</sup>. Объектами святилища являются остатки культовых сооружений (заброшенные амбарчики-лабазы, жертвенные площадки и пр.), которые тянутся вдоль р. Нёух по правому и левому берегам (рис. 23). Существует традиция замены культового изображения богини и ее «дома» в случае смерти кого-либо из рода Айпиных–Лейковых. Самые ранние лабазы Ауэн-Ими находятся в устье р. Нёух (конец XIX в.), постепенно его переносили все выше и выше по реке. В настоящее время центральное место в культовом комплексе занимает действующий священный амбарчик (рис. 24) вблизи озера Нёухлор, который был поставлен в марте 2010 г.



Рис. 23. Культовое место Ауэн-Ими. Старый священный амбарчик на двух ножках, р. Нёух.  
Фото Е. Н. Даниловой. 2015 г.

<sup>500</sup> Подробнее об этом см.: Первалова Е. В., Карачаров К. Г. Река Аган и ее обитатели. Екатеринбург; Нижневартовск, 2006; Данилова Е. Н. Разработка научно-проектной документации для обоснования достопримечательного места «Эвут Рап»...





Рис. 24. Культовое место Ауэн-Ими. Действующий священный амбарчик. Фото Е. Н. Даниловой. 2015 г.

Культовое место Эвут-Ики занимает возвышенность Эвут Рап и бор рядом с ним (*эвут яхым вантын* — ‘Святой урман’). Главным божеством, почитаемым на этом месте, считается Эвут-Ики (*лабыт кор виттен Эвыт-Ики* — ‘Семижертвенный старик’). Возвышенность Эвут Рап воспринимается как «дом духов», поэтому здесь можно приносить жертву любому богу. С территории культового места, из березняка, чуть ниже ритуальной площадки, берут сколы с деревьев для изготовления изображений духов. Туда же относят «списанных» домашних духов (рис. 25). Согласно верованиям, когда владелец духов умирает, часть из них передается, остальных относят на святое место, «на Эвут приносят со всего Агана». В центральной части святилища расположена группа сосен с развешанными на них оленьими шкурами и отрезами ткани. На поверхности земли видны скопления костей животных, котлы, оцинкованные ведра, упавшие приклады, сломанный бубен, «списанные» домашние духи. Большинство берез на возвышенности также увешаны кусками материи, атласными лентами и шкурами животных.





Рис. 25. Культурное место Эвут-Ики. «Списанные» домашние духи. Фото Е. Н. Даниловой. 2015 г.

Культурное место Сойем-Ики расположено на левом берегу Агана, на мысу, образованном берегом реки и логом, и представляет собой небольшой участок леса с несколькими деревьями, на ветвях которых развешены ткани-приклады. У подножий деревьев оставлены многочисленные ведра, ковры. На момент проведения экспедиции, территория культурного места была выгоревшей, согласно полученной информации, планировался его перенос. Главным божеством, почитаемым здесь, считается Сойем-Ики — ‘Святой протоки старик’. Его еще называют Вонт-Кутэп-Ики — ‘Лесной середины старик’ или Йилес-Кой, Йилес-Пит-Ики — ‘Души защищает, души дает старик’. Посещают место Сойем-Ики только мужчины, женщинам «ступать» на священный берег запрещается, в это время они могут приносить дары духу огня.

Культурное место Пыгыт-Ики представляет собой участок низкого берега р. Аган. Лес в этом месте сырой, смешанный с густым подлеском. На небольшой открытой поляне находится жертвенный стол, костровое место и березы с развешанными на них прикладами. Рядом в леске, на земле между деревьями и под их кроной, лежат жертвенные ткани черного цвета, железные халаты,



шкуры и кости жертвенных животных (рис. 26). Главным божеством, почитаемым на рассматриваемом культовом месте, считается Пыгыт-Ики (*Пәхтә-Ики* — ‘Черный Старик’), он же Кынь-Ики. Его иносказательное имя *Котл-Парәк-Ики* — ‘Ели-Корня-Старик’. Пыгыт-Ики — дух/божество, защищающий от болезней и в тоже время их распространяющий: «Все болезни у него, может простить, а может так сделать, что ты на ноги не встанешь». Считается, что Пыгыт-Ики «забирает» людей после смерти.



Рис. 26. Культовое место Пыгыт-Ики. Железные халаты. Фото Е. Н. Даниловой. 2015 г.

Границу культового ансамбля Середина Агана маркирует памятное место Лолнэ Рап — ‘Лягушачий яр’, ‘Духа лягушки яр’, расположенный на правом берегу реки. Согласно преданиям, в этом месте богиня р. Аган в образе лягушки скатилась из болота к реке. Лягушка считается зооморфным обликом Аганской богини, ее сказочное имя Каух сапорги, Вах сапорги Анки — ‘Каменная лягушка, Железная лягушка’.

Культовый ансамбль Середина Агана, как действующее святилище коренных малочисленных народов Севера, является неотъемлемой частью их современной традиционной культуры, что позволяет говорить о нем, как об устойчивом факторе сохранения самобытности этноса.

Работа над проектом была выстроена в постоянном диалоге с коренным населением и представителями недропользователей, учет мнений обеих сторон позволил решить многие вопросы и избежать конфликтных ситуаций. В качестве важного итога можно отметить, что на общественных слушаниях, которые прошли по данному вопросу, многие коренные жители высказали свое желание организовать достопримечательные места на их родовых культовых местах<sup>501</sup>. Осознавая, что историко-культурное и природное наследие являются важным экономическим ресурсом региона, и существует опасность превращения достопримечательного места в объект этнотуризма, необходимо соблюсти важное условие — согласовать сохранение сакрального статуса с местным населением.

### 3.2.3 Поселение ‘Живых прудов’

Практика создания достопримечательных мест хоть и является успешной в сохранении ряда объектов этнологии и организации диалога между недропользователями и коренными жителями, но ограничена в своих возможностях, поскольку не во всех спорных ситуациях, касающихся земельных конфликтов, удастся ее применить. В качестве примера можно привести ситуацию, которая возникла в 2019 г. в Нижневартовском районе.

Недалеко от г. Новоаганска, на р. Аган, есть небольшое стойбище *дидэң йэңкнэ киврэн пухал* — ‘живых прудов поселение’. Проживающие на стойбище ханты Айпины ведут традиционный образ жизни: занимаются оленеводством, рыболовством, собирательством, охотой, традиционными ремеслами; общаются между собой на родном языке; сохраняют этнические верования и продолжают практику посещения святых мест (рис. 27). Земля, на которой они ведут свое

<sup>501</sup> ПМА, ХМАО — Югра, с. Варьеган, 2016.



хозяйство, входит в лицензионные участки компании ООО «ЛУКойл-Западная Сибирь», которая должна в обязательном порядке согласовывать размещение любых хозяйственных объектов с главой территории традиционного природопользования.



Рис. 27. Айпины Семен Александрович и Любовь Николаевна. Фото Е. Н. Даниловой. 2019 г.

Конфликт, о котором идет речь, возник из-за того, что компания запланировала строительство гидронамывного карьера на другом берегу реки, на участке, который официально не является ТТП, но фактически используется местными жителями.

«Про карьер нам ничего не говорили, мы про это случайно узнали. А через Аган у нас угодьев нету [на другой стороне Агана], они и не спрашивают ничего»<sup>502</sup>.

Следует отметить, что граница ТТП, проведенная по акватории Агана, никогда не являлась реальной границей традиционной деятельности, на другом

<sup>502</sup> ПМА, ХМАО — Югра, р. Аган, 2019.

берегу расположены культовые места, которые действуют (возможно, с некоторыми перерывами) примерно с рубежа XIX–XX вв. На острове, который планируется снести для карьера, ханты собирают ягоды. Строительство карьера не только разрушит участок сбора ягод и перекроет путь к святилищам, но может привести к более масштабным последствиям, в частности, к уничтожению нерестовых стариц, а сброс мутной воды гидронамывом скажется на традиционных занятиях и других семей хантов и лесных ненцев, проживающих на Агане. Сам карьер не является единственным объектом, к нему будет построена дорога, мост через реку. Инфраструктура затруднит выпас оленей и облегчит пути браконьерам. С. А. и Л. Н. Айпины уверены, что им придется переселиться, но говорят:

«мест больше нет, [нефтяные] кусты нас окружили. Они [нефтяники] давят на нас. Если они сейчас сделают карьер, вот тут вот речка есть, им опять переправу делать надо. Они у нас на пути все разрушают, они не думают о природе. Да им что природа, им нефть только нужна», «они святые места разрушат, они нам жизни не дадут. Это еще отцов моих святые места. Мы там [где карьер планируют делать] и рыбу ловим, там же ягодные места и святые места. Они же не понимают, то что мы же живем от леса. Карьер на той стороне нам не нужен, пусть в той стороне будет [показывает на болота]. Вот километров 20 от нас есть карьер в болоте, а бора [целые] остались. Там [где карьер будет], может водой все снести, там течение сильное бывает. Надо запретить это. Тут все, места пропадут, тут делать нечего будет»<sup>503</sup>.

Проведенная историко-культурная экспертиза обеспечила положительное заключение, поскольку археологических памятников в месте расположения карьера не нашлось, а там, где нашлись, на подъездных путях, дорогу скорректировали. Проведенные этнологические исследования в окончательном варианте учтены не были, «ну ягоду собирают да, так они ее везде собирают, оснований недостаточно», а описанные возможные социальные последствия строительства карьера кажутся недостаточными для того, чтобы дать отрицательное заключение:

---

<sup>503</sup> ПМА, ХМАО — Югра, р. Аган, 2019.

«Эксперт не имеет формальных оснований для вынесения отрицательного заключения по проекту, но рекомендует при его реализации максимально учесть мнение местных жителей во избежание социального конфликта»<sup>504</sup>.

Достопримечательное место в качестве стратегии сохранения всего комплекса здесь невозможно, поскольку объекты, которые могут стать основанием для его создания, например, культовые места, кладбища, поселения, расположены далеко друг от друга, их можно сохранить в виде такого объекта культурного наследия лишь точечно, но это не даст оснований недропользователям не использовать территорию между ними. Вероятно, если бы существовал закон об этнологической экспертизе, то этот участок земли удалось бы отстоять.

\*\*\*

ХМАО — Югра обладает значительным историко-культурным ресурсом, при этом наследие коренных народов, осваивающих эту территорию на протяжении длительного времени и до сих пор проживающих на ней, составляет весомую долю в общей массе культурного наследия региона. Стратегия, которой придерживается округ, создавая достопримечательные места, со стороны Службы государственной охраны объектов культурного наследия пока считается единственной, позволяющей сохранять объекты этнологии в соответствии с современной нормативно-правовой базой. Однако в большинстве случаев такие мероприятия проводятся уже после возникновения конфликта, как ответ на вызов. Если проводить экспертные работы заранее и выявлять такие территории еще до того, как там будет планироваться хозяйственное освоение, это, конечно, не решит всех проблем экстенсивного развития региона, но позволит учитывать интересы коренного населения и сократит конфликтность, а также привлечет внимание к другим ситуациям, когда возможность организации достопримечательного места отсутствует.

---

<sup>504</sup> Там же.

### 3.3 Эксперт и экспертность: профессиональные компетенции и этические ориентиры

Ключевой фигурой, определяющей содержание и качество экспертизы, является эксперт. Гарантом его объективных выводов служат, с одной стороны, этические и нравственные основы деятельности, которыми он руководствуется, а с другой — профессиональная компетентность. Именно эксперт придает гибкость работе, поскольку в каждом конкретном случае делает выбор в пользу тех или иных методов исследования и адаптирует их.

Эксперта от не-эксперта отличают профессиональная компетенция, основанная на знании в той или иной области<sup>505</sup> или особый набор знаний, умений и навыков, обеспечивающий выполнение некоторого ограниченного круга задач<sup>506</sup>. В таком ракурсе понятие «эксперт» фактически приравнивается к понятию «специалист». В. Г. Николаев считает эти два слова синонимами, отличающимися между собой лишь новизной и модностью<sup>507</sup>. В. С. Вахштайн сообщает также о существовании радикальной точки зрения на этот счет, согласно которой «нет никакого экспертного знания, а есть экспертные высказывания, поэтому эксперта экспертом делает не то, что он знает, а тот, кто задает ему вопрос как эксперту»<sup>508</sup>.

В рассмотренных практиках под экспертом обычно понимается специалист, обладающий соответствующей профессиональной компетенцией, назначенный/выбранный для выполнения конкретной работы (экспертизы). Результат этой работы — экспертное знание, которое часто приравнивают к научному<sup>509</sup> или выделяют в его особый слой<sup>510</sup>. Среди особенностей экспертного знания отмечают его прикладную направленность: производство,

<sup>505</sup> См.: Кошовец О. Б. Эксперт и воспроизводство научного знания // Экономика как искусство: методологические вопросы применения экономической теории в прикладных социально-экономических исследованиях. М., 2008. С. 210–249.

<sup>506</sup> Николаев В. Г. Эксперты и экспертное знание в несовершенном обществе // Экспертиза в современном мире: от знания к деятельности. М., 2006. С. 125–149.

<sup>507</sup> Там же.

<sup>508</sup> Вахштайн В. С. Структура экспертного знания // ПостНаука. URL: <https://postnauka.ru/video/94241> (дата обращения: 20.04.2022).

<sup>509</sup> См.: Черных А. И. Экспертное знание и публичная экспертиза. М., 2010.

<sup>510</sup> Кошовец О. Б. Эксперт и воспроизводство научного знания. С. 210–249.

потребление и применение экспертного знания чаще всего происходит вне сферы научной деятельности и не направлено непосредственно на воспроизводство самой науки<sup>511</sup>. Это знание «конкретно, ситуативно и содержит в себе уникальный рецепт по выходу из ситуации»<sup>512</sup>, в частности одним из таких рецептов являются хранимые паттерны «состояние–действие» (например, для решения проблем в похожих ситуациях). Экспертное знание обеспечивает основу для прогнозирования и дает возможность оценить вероятность возникновения проблемы<sup>513</sup>. В направленности экспертизы на будущее (проводится с целью влияния на него) проявляется определенная темпоральная асимметрия<sup>514</sup>. Обозначенные выше особенности экспертного знания очерчивают концептуальные рамки для понимания функций, которые априори должен уметь выполнять эксперт, вне зависимости от области его деятельности.

Рассматривая фигуру эксперта в контексте этноэкспертиз, на первый взгляд, кажется вполне очевидным, что это должен быть именно этнолог/антрополог. Поскольку этноэкспертиза предполагает регулирование интересов различных групп со своими культурными нормами и моделями поведения, то именно этнологи/антропологи, искушенные «в общении в уникальных в культурном и социальном отношении средах», хорошо подготовлены для того, чтобы «быть посредниками между этими группами, помогая им приходиться к соглашению и строить устойчивые альянсы»<sup>515</sup>. Существует и иная точка зрения, согласно которой роль антропологов в этом процессе кажется не столь очевидной и «экспертные работы могут быть проведены и без них — силами других социальных специалистов»<sup>516</sup>. Например, в международной практике те, кто занимаются оценкой социального воздействия, сначала проходят обучение базовым профессиям (кроме

---

<sup>511</sup> Там же.

<sup>512</sup> Смирнов С. А. Экспертное сообщество: от мифа к институции // Электронный альманах о человеке Antropolog.ru. URL: <http://antropolog.ru/doc/persons/smironov/smironov18> (дата обращения: 13.07.2022).

<sup>513</sup> Orasanu J. M. Flight Crew Decision-Making / J. M. Orasanu // Crew Resource Management. Second Edition. USA, 2010. P. 147–179.

<sup>514</sup> Этноэкспертиза на Таймыре: коренные народы и техногенные вызовы.

<sup>515</sup> Гулдин Г. Антропологи как культурные брокеры: пример Сахалина // Этнографическое обозрение. 2008. № 3. С. 49.

<sup>516</sup> Ковальский С. О. Дисциплинарные отношения... С. 144

антропологов, это могут быть психологи, географы, социальные и медицинские работники), а затем уже изучают и практикуют методологию SIA<sup>517</sup>.

Принимая во внимание тот факт, что в отечественной практике этноэкспертиз в качестве экспертов обычно привлекают этнографов, вопросы экспертности рассмотрены именно в этой плоскости.

### 3.3.1 Профессиональные компетенции

В рассуждениях на тему, кто из этнографов может быть экспертом и каков механизм их назначения В. В. Степанов замечает, что привлекать специалистов следует разными способами: на конкурсной основе, благодаря рекомендациям, или же просто по объявлению<sup>518</sup>. А. Н. Садовой и М. В. Белозерова конкретизируют, что этнографы, по примеру археологов, должны получать специальное разрешение на конкретный вид работ по типу Открытых листов<sup>519</sup>. Среди компетенций, которыми эксперту надлежит обладать, отмечают умения устанавливать контакт с исследуемой группой<sup>520</sup>, знание народа (культуры, территории) по своим прежним исследованиям<sup>521</sup>. Антрополог как будто становится действующим политиком, но политиком «с одной речки», для которого первостепенное значение реализуемых проектов развития определяется тем, стали ли люди на «его речке» счастливее<sup>522</sup>. В такой «политкорректности» нужно быть осторожными, чтобы стремление «помочь любимой этнической группе» не помешало рассматривать нужды других категорий населения<sup>523</sup>. Кроме политика, этнограф играет роль переводчика между разными культурами — корпораций, правительства, местных сообществ<sup>524</sup>. Переводчика не только «языков и их диалектов, но также различных ценностей,

<sup>517</sup> Wong C., Ho W. Roles of social impact assessment practitioners // *Environmental Impact Assessment Review*. 2015. № 50. P. 124–133; *Social Impact Assessment: Guidance for Assessing...* P. 53.

<sup>518</sup> Степанов В. В. Принципы, объекты и терминология... С. 157.

<sup>519</sup> Предложения А. Н. Садовой и М. В. Белозеровой // *Вопросы истории и культуры северных стран и территорий*. 2018. № 1 (41). С. 7–46.

<sup>520</sup> Коренные малочисленные народы и промышленное развитие Арктики... С. 14–15.

<sup>521</sup> Этноэкспертиза на Ямале: ненецкие кочевья и газовые месторождения. С. 94.

<sup>522</sup> Новикова Н. И. Этнологическая экспертиза в академическом дискурсе... С. 132.

<sup>523</sup> Степанов В. В. Принципы, объекты и терминология... С. 156

<sup>524</sup> Гулдин Г. Антропологи как культурные брокеры... С. 49. Он также добавляет к ним еще одну группу — специалистов по социальному развитию.



мировоззрений и нужд»<sup>525</sup>. Как посредник между заинтересованными сторонами он обеспечивает их информированность и предоставляет «право голоса всем участникам анализируемых отношений»<sup>526</sup>. Н. И. Новикова, дополняя отмеченные выше черты, характеристики и качества этнографа, позволяющие ему стать экспертом, подчеркивает важность его статуса как интеллектуала в обществе<sup>527</sup>.

Вновь обращаясь к опыту оценки социального воздействия, интересным представляется исследование, которое провели ученые из Гонконга. В нем наглядно демонстрируется, что именно ожидается от эксперта как от профессионала. Проанализировав большой объем литературы, посвященной опыту SIA в разных странах, они предлагают выделять одиннадцать взаимосвязанных между собой ролей эксперта, разделенных на три категории<sup>528</sup>:

Первая категория — роли в SIA, как в исследовательском проекте, имеющем определенную структуру и ограниченном временными рамками:

- роль 1. *Руководитель* экспертной группы, обладающий соответствующими компетенциями.
- роль 2. *Методолог*. Аккумулирует знания о теориях и методах SIA;
- роль 3. *Социальный исследователь* (тот, кто проводит полевое исследование). Компетенции: (1) Понимать социальную динамику затронутых сообществ; (2) определять область и предмет исследования со знанием социальной организации; (3) разработать концептуальную основу со ссылкой на социальные теории; (4) придерживаться принципов СИА и исследовательской этики; (5) подготовить переменные социального воздействия; (6) сбор первичных и вторичных данных с помощью социальных методов; (7) оценить первичное, вторичное и совокупное социальное воздействие запланированных вмешательств на разных этапах развития; (8) интерпретировать связи между социальными переменными; (9) оказание помощи в выборе и разработке альтернативных вмешательств с учетом социальных исследований;

<sup>525</sup> Свидерска К. Уилсон Э. Горнодобывающая промышленность и коренные народы в России: регулирование, участие и роль антропологов // Этнографическое обозрение. 2008. № 3. С. 27.

<sup>526</sup> Коренные малочисленные народы и промышленное развитие Арктики... С. 15.

<sup>527</sup> Новикова Н. И. Этнологическая экспертиза в Российской Федерации: правовые основания и перспективы для коренных народов // АРКТИКА. XXI век. Гуманитарные науки. 2017. № 3 (13). С. 4–20.

<sup>528</sup> Wong C., Ho W. Roles of social impact assessment practitioners. P. 124–133.

- (10) разработать меры по управлению положительными и отрицательными социальными последствиями;
- (11) информировать о распределении компенсация и выгод.

— роль 4. *Разработчик социальной стратегии*. Тот, кто разрабатывает рекомендации: меры по смягчению, преодолению и улучшению;

— роль 5. *Консультант* по управлению социальным воздействием.

Вторая категория — роли в SIA, как проекте, ориентированном на представлении интересов всех заинтересованных сторон. Эксперт в таком случае должен учитывать интересы каждой группы, изучать воздействия на каждую из них и соответствующим образом разрабатывать конкретные рекомендации.

— роль 6. *Разработчик сообщества*. Люди, которые вносят свой вклад в устойчивое развитие и улучшение общества.

— роль 7. *Провидец*. Люди, которые предвидят будущее развитие сообщества и экстраполируют пути воздействия запланированных мероприятий.

— роль 8. *Специалист по вовлечению общественности*. Люди, которые сознательно стремятся привлечь сообщества к планированию, осуществлению и оценке запланированных мероприятий.

— роль 9. *Координатор*. Люди, которые способствуют обсуждению и переговорам между различными сторонами, участвующими в запланированных мероприятиях.

Третья категория — роли в SIA, ориентированные на ее улучшение.

— роль 10. *Исследователь SIA*. Люди, которые проводят исследования SIA и делятся полученными знаниями с другими практикующими специалистами с целью улучшения практики SIA.

— роль 11. *Учитель*. Люди, которые рассказывают другим об основных концепциях SIA и прививают ее ценности в качестве нормы.

Исследователи отмечают, что, несмотря на категоризацию, все роли взаимосвязаны и пересекаются между собой. По сути, они демонстрируют полный набор компетенций эксперта, который также может быть применим и в отечественной практике.

В идеальном варианте эксперт должен обладать комплексом знаний в области теории, методики и практики экспертизы. При этом компетенция может дополнительно определяться его образовательным уровнем, специальной

подготовкой, стажем работы, опытом в решении аналогичных задач, личными возможностями.

Контент-анализ сетевого дискурса показал, что профессиональная подготовка кадров по этнологии в России осуществляется на базе 10 вузов в 8 городах (6 программ для бакалавриата и 10 для магистратуры)<sup>529</sup>. Кроме того, продолжает сохраняться практика подготовки этнографов на исторических факультетах нескольких крупнейших университетов<sup>530</sup>. В Институте истории СПбГУ в Санкт-Петербурге осуществляются целенаправленная подготовка экспертов-этнологов (магистратура по профилю «Этнологическая экспертиза»)<sup>531</sup>.

Подготовку экспертов в региональных высших учебных заведениях исследователи предлагают решать на основе интеграции специализированных кафедр в систему мониторинга за состоянием этносоциальной обстановки. «Процесс обучения должен быть сориентирован, в первую очередь, на решение государственных задач, а не предоставление “услуг” студенту как потребителю»<sup>532</sup>.

Важным шагом в образовательном пространстве можно считать утверждение в 2022 г. Министерством науки и высшего образования России нового перечня специальностей и направлений подготовки высшего образования, которые вступают в силу с 1 сентября 2024 г. В этом перечне антропология / этнология стала самостоятельным направлением подготовки в категории «исторические науки»<sup>533</sup>.

---

<sup>529</sup> Данные на 2022 г.

<sup>530</sup> Подробнее об особенностях и проблемах антропологии и этнологии в постсоветском академическом и образовательном пространствах можно посмотреть на страницах журнала Сибирские исторические исследования (2018. № 1; № 3).

<sup>531</sup> Образовательная программа магистратуры «Этнологическая экспертиза» // Официальный сайт Института истории. Санкт-Петербургский государственный университет. URL: <https://history.spbu.ru/obuchenie/osnovnye-obrazovatelnye-programmy/magistratura/1261-obrazovatelnyaya-programma-magistratury-etnologicheskaya-ekspertiza.html> (дата обращения: 18.05.2022). Об особенностях реализации этой программы см.: Новожилов А. Г. Проблемы формирования и реализации магистерской программы «Этнологическая экспертиза» в Санкт-Петербургском государственном университете // Сибирские исторические исследования. 2018. № 1. С. 90–102.

<sup>532</sup> Толерантность в мультикультурном обществе... С. 139

<sup>533</sup> Приказ Министерства науки и высшего образования Российской Федерации от 01.02.2022 № 89 «Об утверждении перечня специальностей и направлений подготовки высшего образования по программам бакалавриата, программам специалитета, программам магистратуры, программам ординатуры и программам ассистентуры-стажировки» (Зарегистрирован 03.03.2022 № 67610) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202203030033> (дата обращения: 10.06.2022).

Выполненный обзор и личный опыт автора<sup>534</sup> подсказывают, что сама по себе этнологическая экспертиза междисциплинарна и, помимо профессиональной компетенции в этнографии/этнологии, также требует знаний социологии, демографии, права, экологии, географии, поэтому наиболее эффективным может быть командный подход. Именно по такому же принципу чаще всего выполняются SIA, к которой привлекаются специалисты широкого спектра дисциплин<sup>535</sup>.

### 3.3.2 Этические ориентиры

Помимо профессиональных компетенций, определяющих знания эксперта, существует также этические ориентиры, которые создают концептуальную платформу для его деятельности<sup>536</sup>. В отечественной этнологической мысли этические проблемы не часто становятся предметом научной рефлексии. Одной из площадок, на которой активно ведется обсуждение подобных вопросов, является журнал «Антропологический форум»<sup>537</sup>. Некоторые нюансы этики полевой работы в контексте этноэкспертиз отражены в статье Н. Б. Вахтина<sup>538</sup>.

В международной практике, где существуют этические кодексы и соответствующие принципы проведения оценки социального воздействия, подчеркивается важность изучения этических вопросов<sup>539</sup>. Она определяется

<sup>534</sup> ПМА, ХМАО — Югра, р. Аган, 2015; 2019; ПМА, ХМАО — Югра, р. Б. Юган, п. Угут, 2017; 2018; ПМА, ХМАО — Югра, г. Ханты-Мансийск, 2018.

<sup>535</sup> См.: Wong C., Ho W. Roles of social impact assessment practitioners. P. 124; Esteves A. M., Franks D., Vanclay F. Social impact assessment: the state of the art. P. 34–42; Vanclay F. International Principles for Social Impact Assessment. P. 5–11.

<sup>536</sup> Некоторые положения из данного раздела, касающиеся влияния исследователя на изучаемое сообщество, опубликованы мною в статье: Данилова Е. Н. Провокация этнического ренессанса: о влиянии исследователя на изучаемое сообщество // Уральский исторический вестник. 2019. № 4 (65). С. 116–123.

<sup>537</sup> Напр.: Форум: Исследователь и объект исследования // Антропологический форум. 2005. № 2. С. 8–134; Форум: Отношения антрополога и изучаемого сообщества // Там же. 2016. № 30. С. 8–80; Форум: Этические проблемы полевых исследований // Там же. 2006. № 5. С. 6–166.

<sup>538</sup> Вахтин Н. Б. Этнологическая экспертиза: этносы или люди? // Этнографическое обозрение. 2019. № 4. С. 135–139.

<sup>539</sup> Процесс SIA должен соответствовать этическим ожиданиям международного сообщества SIA, а также этическим требованиям, касающимся процессов сбора данных. Передовая практика в оценке воздействия по существу требует соблюдения 18 принципов: уважение к участникам, информированное согласие, специальное разрешение, необходимое для аудио- или видеозаписи, добровольное участие и отсутствие принуждения, право участника отказаться от участия, полное раскрытие информации о финансировании источники, никакого вреда для участников, избежание неправомерного вторжения, отсутствие использования обмана, презумпция и сохранение анонимности, право участника проверять и изменять стенограмму, конфиденциальность личных вопросов, защита данных, возможность участия, этическое управление, предоставление процедур рассмотрения

необходимостью понимания того, когда и как могут возникнуть этические проблемы во время исследования, уметь анализировать и разрешать их, в том числе уметь справляться с ситуациями, в которых моральные принципы противоречат друг другу, развивать понимание своих личных обязательств и ответственности<sup>540</sup>.

Изучая то или иное сообщество, в том числе во время экспертизы, несмотря на стремление к объективности и невмешательству, мы оказываем на него влияние. Ф. Ванклей, относительно SIA полагает, что даже сам ее процесс может привести к социальным последствиям. Это связано с тем, что многие организации стараются держать свои планы в секрете и люди впервые слышат о предлагаемом проекте, только когда проводится оценка социального и/или экологического воздействия. Так, сами социальные исследования, проводимые в поддержку интересов затронутых сообществ, могут стать причиной их страха и беспокойства<sup>541</sup>.

Чаще всего влияние эксперта связано с тем, что основной этнографический метод включенное наблюдение, сам по себе предполагает вовлеченность этнографа. Роли исследователя, в зависимости от степени вовлеченности, были описаны еще в 1950-х гг.: полный участник, участник как наблюдатель, наблюдатель как участник и полный наблюдатель. Полный участник (*complete participant*) скрывает свои цели и даже личность от тех, за кем наблюдает, он взаимодействует с ними настолько естественно, насколько это возможно, в тех областях их жизни, которые ему интересны. Участник как наблюдатель (*participant-as-observer*) отличается от предыдущей роли тем, что информаторы знают о наблюдении. Наблюдатель как участник (*observer-as-participant*) предполагает минимальный контакт и формальное наблюдение во время одноразовых интервью. Полный наблюдатель (*complete observer*) не вступает во взаимодействие с участниками процесса, они не знают, что он наблюдает за

---

жалоб, уместности методологии исследования и полной отчетности по методам. Об этом см.: Baines J. T., Taylor C. N., Vanclay F. Social impact assessment and ethical research principles: ethical professional practice in impact assessment. Part II // *Impact Assessment and Project Appraisal*. 2013 Vol. 31, № 4. P. 254–260.

<sup>540</sup> Vanclay F., Baines J. T., Taylor C. N. Principles for ethical research involving humans: ethical professional practice in impact assessment. Part I // *Impact Assessment and Project Appraisal*, 2013 Vol. 31, № 4. P. 243.

<sup>541</sup> Vanclay F. The potential application of Social Impact Assessment... P. 152.

ними и что они, в некотором смысле, служат его информаторами. Исследователь, в зависимости от своих задач, выбирает нужную роль, «чтобы будучи тем, кто он есть, он мог лучше всего изучить те аспекты общества, в которых заинтересован»<sup>542</sup>.

Вопросы степени включенности наблюдений и скрытости исследований находятся в этической плоскости и, как правило, решаются в пользу интересов тех, кого изучают. В зарубежной исследовательской практике для этого существуют специальные институциональные комиссии, осуществляющие этический контроль<sup>543</sup>. Однако в полевых работах, в том числе при проведении SIA, могут быть случаи, когда люди не должны знать о проводимых исследованиях. Например, это допускается на ранних стадиях оценки социального воздействия, чтобы помочь эксперту сформировать понимание местного социального контекста<sup>544</sup> или избежать ситуации, когда потенциально затронутые лица изменяют свое обычное поведение из-за самой ситуации сбора информации<sup>545</sup>.

Роль исследователя, как активного участника процесса очевидна, не важно является он «мухой на стене», почти незаметно наблюдая «естественную обстановку» или «полноправным участником» изучаемой им повседневной жизни<sup>546</sup>. Принимая во внимание тот факт, что мы всегда являемся частью того мира, который изучаем, и возможно, никогда не сможем быть только наблюдателем, всегда влияя на изучаемые явления или так или иначе участвуя в них, мы можем использовать это знание, анализируя свою собственную роль в исследовательском процессе. В данном случае в экспертизе это может и должно быть отражено в подробном описании методов работы. Рефлексивность в этом контексте является неотъемлемым компонентом, оказывающим влияние на будущее.

---

<sup>542</sup> Подробнее об этом см.: Raymond L. Gold. Roles in Sociological Field Observations // Social Forces. 1958. Vol. 36, № 3. P. 217–223.

<sup>543</sup> Подробнее об этом см.: Зависка Дж. Этика полевой работы в этнографии // Антропологический форум. 2006. № 5. С. 173–175.

<sup>544</sup> Baines J. T., Taylor C. N., Vanclay F. Social impact assessment... P. 256.

<sup>545</sup> Ibid. P. 257.

<sup>546</sup> Hammersley M., Atkinson P. Ethnography. Principles in Practice. London, 2007. P. 17.

Следующий этический момент касается сбора полевых данных, а именно анонимности представляемых мнений и возможности публикации определенного вида материалов. Стоит ли публиковать список информантов в отчете об экспертизе? С одной стороны, наличие такого списка дает хоть какой-то шанс на возможность проверить данные исследования, с другой — возможны ситуации, в которых нарушение конфиденциальности неблагоприятно отразится на человеке (даже, если это утверждение основано только на его мнении). Опубликованный список сузит круг лиц, чьи комментарии используются, а, например, те, кто занимает официальные должности, может быть легко идентифицирован. Специалисты SIA в таких случаях предлагают обязательно спрашивать информантов, можно ли их цитировать и давать возможность проверять данные<sup>547</sup>.

При публикации материалов необходимо также учитывать, что нередко информаторы выступают против того, чтобы некоторые сообщаемые ими данные, становились известными широкой публике, считая, что это может нанести им вред. Из практики работы среди обско-угорских и самодийских народов, чаще всего это имеет отношение к информации о культовых местах: «святые места нельзя обнародовать, если его обнародуешь, значит это не святое место. А сейчас через все святые места прошли профиля, дороги, разные прочие рубки, освоение, бурение. И вот получается, что святые места теперь, ну как сказать, стали как клуб»<sup>548</sup>. Этическая сторона подобных проблем довольно острая: с одной стороны, существует необходимость сохранения культовых мест, как значимых маркеров этнической самобытности и в некоторых случаях сами местные жители вынуждены обращаться за помощью с целью их охраны из-за активного промышленного освоения, с другой — некорректное отношение к этому вопросу, в том числе со стороны исследователей, может привести к росту социальной напряженности и конфликтам. На одном из общественных слушаний, посвященных обсуждению проекта достопримечательного места<sup>549</sup>,

---

<sup>547</sup> Baines J. T., Taylor C. N., Vanclay F. Social impact assessment... P. 257.

<sup>548</sup> ПМА ХМАО — Югра, с. Варьеган, 2016.

<sup>549</sup> В ХМАО — Югре с 2012 г. успешно реализуется стратегия сохранения культовых мест путем придания им правового статуса объекта культурного наследия в виде достопримечательных мест. В данном случае речь идет о проекте «Эвыт-Ики (Шаман Гора)».

негативную реакцию вызвала публикация отчетной документации в интернете. «В представленном проекте показаны все пути и дороги на Шаман Гору как нам теперь ее защищать до придания юридического статуса?»<sup>550</sup> По предложению одной из местных жительниц А. С. Сопочиной, в таких случаях «необходимо на суд общественности выносить урезанный вариант научной документации, согласованный с коренными жителями, без четких привязок святилищ и фотофиксации обрядов. Иначе получается своего рода реклама для всякого рода любителей старины и сектантов, которые на сегодняшний день являются большой проблемой для носителей традиционной культуры»<sup>551</sup>. Некоторые представители коренных народов полагают, что обнародование информации о священных местах может нанести вред не только самому месту, но и здоровью человека, который его опубликовал. Ю. Вэлла, в одной из своих книг описывает случай, когда он отказался озвучить список священных мест на заседании Общественной палаты ХМАО — Югры (в 2005 г. окружная Дума приняла закон о Святылицах), а также удалил из рукописи главу «Святылица», опасаясь за здоровье близких и свою жизнь<sup>552</sup>.

В качестве одного из вариантов решения проблемы сохранения тайны информации при нанесении на карту священных мест или любых других, о которых информант предпочитает умалчивать, О. Мурашко предлагает технический путь — наносить на карту большую зону, чем само место<sup>553</sup>.

Важным также является аспект, касающийся «возвращения» данных «в народ» (*sharing data, disclosure, member check*). С одной стороны, как признание долга перед изучаемым обществом, ученые основываются на тезисе, что «можем ли мы когда-нибудь сделать достаточно для наших участников исследования в обмен на то, что они сделали для нас», и полагают, что

<sup>550</sup> Протокол общественного обсуждения научно-проектной документации по обоснованию достопримечательного места «Эвыт-Ики (Шаман Гора)». Д. Русскинская Сургутского района, 29 апреля 2016 года. Из личного архива.

<sup>551</sup> Там же.

<sup>552</sup> Вэлла Ю. Река Аган со притоками. Опыт топонимического словаря. Бассейн р. Аган. Ханты-Мансийск, 2012. Ч. 3. С. 108–110.

<sup>553</sup> Мурашко О. А. Традиционные знания коренных народов: потенциал управления средой обитания и развития культуры. М., 2020. Сер.: Библиотека коренных народов Севера. Вып. 19. С. 46.



информаторы должны полностью контролировать то, что производится<sup>554</sup>. С другой стороны, исследователи осознают, что существуют особые обстоятельства, которые делают обнародование данных неэтичным по отношению к информаторам или сообществу в целом<sup>555</sup>.

С методологической точки зрения, «member check» можно использовать как исследовательский прием. Так, например, ученым предлагают «возвращать» стенограммы ее участникам, чтобы совместно интерпретировать данные<sup>556</sup> или знакомить информаторов с материалами исследований обращая внимание на ситуации, когда «они возражают против того, что мы думаем, говорим или пишем о них» и обязательно отражать эти возражения в своих исследованиях<sup>557</sup>. Рассмотрение подобных ситуаций само по себе является ценной обратной связью и может использоваться для исправления/корректировки первоначальных теоретических концепций, в том числе во время проведения экспертиз.

Высокая эффективность деятельности эксперта теснейшим образом связана не только с профессионализмом, но и с нравственностью. При работе с пограничными вопросами, где, как раз, и проявляется умение эксперта дать правильную оценку, а не просто провести формальное исследование, становятся важными именно личные качества исследователя, его умение не просто собрать материал, но и правильно сделать выводы, учитывая интересы всех взаимодействующих сторон. Иными словами, профессионализм (выражающийся в способности произвести экспертное знание и дать объективную оценку) всегда должен быть основан на моральных принципах. Важным шагом в этом направлении могут стать рационально разработанные, твердо установленные и обязательные формальные правила / принципы, определяющие с одной стороны набор профессиональных компетенций, с другой — этических ориентиров, необходимых для проведения экспертизы.

<sup>554</sup> O'Reilly K. Ethnographic methods. London, 2005. P. 63.

<sup>555</sup> Code of Ethics of the American Anthropological Association. URL: <https://www.americananthro.org/ParticipateAndAdvocate/Content.aspx?ItemNumber=1656> (дата обращения: 17.07.2019).

<sup>556</sup> O'Reilly K. Ethnographic methods. P. 63–64.

<sup>557</sup> Подробнее см.: Tanggaard L. Objections in Research Interviewing // International Journal of Qualitative Methods. 2008. Vol. 7, № 3. P. 15–29.

## ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В диссертационном исследовании на основе комплексного анализа ряда этнологических экспертиз постсоветского времени в широком историко-социальном контексте систематизированы опыты, методы и технологии быстрого научного реагирования на проблемные ситуации, несущие в себе риски для этнических сообществ. История отечественных этноэкспертиз от ситуативного востребования экспертов-этнологов до формирования современных концепций и подходов иллюстрирует, что заказные обследования и изыскания в науке о народах, так или иначе, присутствовали с самого ее основания. К настоящему времени в сфере практического применения фундаментальных этнологических знаний можно выделить ряд тенденций, характерных для экспертной практики в целом.

Этноэкспертиза, включая прикладные этнологические исследования в составе историко-культурной и экологической экспертиз, проводится в редких случаях, а ее результаты носят рекомендательный характер. В большинстве экспертиз делается акцент на исследовании традиционных культур, а в научном сообществе до сих пор встречаются мнения, что этноэкспертиза должна проводиться исключительно в отношении коренных малочисленных народов, в противном случае она теряет свою специфику. Однако общественные запросы, а также приоритеты, которые определены национальной и культурной политикой РФ, позволяют говорить о том, что в этнологической экспертизе могут нуждаться любые граждане, проживающие на территории государства, если их интересы и/или права оказались затронуты внешним воздействием. При этом нет необходимости уходить от «этнизации». Напротив, всесторонняя проработка проблемной ситуации в измерениях этничности средствами этнографии и смежных дисциплин (истории, социологии, гуманитарной географии, экологии и др.), является преимуществом российской этноэкспертизы, поскольку

подчеркивает значимость этнокультурного наследия и ресурса, культурного многообразия, лежащего в основании стабильного развития общества.

Области, в которых следует применять этноэкспертизу, разнообразны: от планирования и осуществления экономических, культурных и других программ до разрешения межэтнических конфликтов и противоречий. По сути, ее назначение — сопровождать любое управленческое решение и влиять на него, защищая, таким образом, интересы конкретных групп людей.

Основные направления, где экспертиза может (должна) стать обязательной:

- принятие управленческих решений в сфере реализации государственной национальной политики;
- принятие управленческих решений в сфере экономики (проекты промышленных объектов любых масштабов и транспортной инфраструктуры);
- принятие управленческих решений в культурной и социальной сферах (этнокультурное наследие, образовательные услуги, туристические услуги);
- в нормативно-правовой сфере (законы, нормативные акты, разработка программ развития).

Разнообразие подходов и теоретических основ проводимых экспертных исследований говорит о ситуации научно-практического поиска и о накоплении достаточно большой методологической базы, что, несомненно, является положительным аспектом для развития самой науки. Однако для реализации ее социальной роли необходимо прийти к какому-то консенсусу здесь и сейчас, потому что для общества и государства важны практические итоги проделанной работы. В этом ракурсе очевидна необходимость формирования единой системы координат научных концепций для сопоставления результатов экспертиз между собой. Усугубляет ситуацию закрытость информации. Материалы проведенных экспертиз зачастую не доступны как для ученых, так и для сообществ, в отношении которых они проводятся. Если бы они находились в общем доступе,

можно было бы сформировать корпус источников по современной этнокультурной обстановке в регионах, что привело бы к прозрачности и возможности использовать имеющийся опыт.

Для экспертной практики характерно отсутствие кодификации профессиональных и этических принципов. Между тем такой свод правил необходим для того, чтобы создать точки опоры и уменьшить риск ангажированности и личных амбиций. При этом регламентация не должна ограничивать возможности эксперта, обладающего личным опытом и знанием конкретной ситуации, иначе она лишит экспертизу гибкости и точности применительно к конкретной ситуации. Роль эксперта сводится не только к постановке диагноза, но и предложению методов лечения. Он адаптирует технологии и инструменты для каждого случая, в зависимости от целей исследования, и подвергает рефлексии конечный итог своей работы, что сказывается положительно и на деятельности других экспертов.

С помощью фундаментального научного знания в процессе экспертизы решается конкретная практическая задача. Это определяет фокус проведенного исследования на разработке сводного алгоритма этнологической экспертизы для ее дальнейшего использования и совершенствования. Изучение опыта показало, что в зависимости от контекста и задач конкретной ситуации может меняться форма самой экспертизы либо форма исследования, на основании которого она выполнена. Каждый конкретный случай, будь то вопрос межнациональных отношений или сохранение этнокультурного наследия, определяет свой набор исследовательских процедур. Однако в самом общем виде все опыты этноэкспертизы придерживаются одной схемы, которая содержит пять параметров исследования ситуации: состояние — воздействие — деформация — сценарии — рекомендации.

При совершенствовании законодательства с целью гарантирования прав и защиты интересов граждан РФ следует опираться на накопленный опыт, в том числе мировой. Разрабатываемая нормативно-правовая база должна стать фундаментом, на котором будут строиться отношения всех взаимодействующих

сторон. Она не только призвана узаконить саму экспертизу, но и создать набор документов, который будет регулировать экспертные исследования и даст возможность проверить обоснованность и достоверность сделанных выводов. Нормативно-правовая база должна определить систему принципов, которыми будут руководствоваться все взаимодействующие стороны, и ту ответственность, которую они несут в случае их несоблюдения. Необходимо отрегулировать такие вопросы, как вовлеченность затронутого сообщества на всех этапах проведения экспертизы; общественное обсуждение результатов экспертизы; доступность результатов исследования; обязательный последующий мониторинг, который позволил бы вносить корректировку принимаемых решений.

Сама процедура этнологической экспертизы не может (и не должна) решать все этнокультурные проблемы. Однако как инструмент, в случае принятия того или иного управленческого решения, она может предоставить информацию о возможных последствиях в этнокультурной сфере, в том числе насколько это решение соответствует определенным требованиям, при которых члены сообщества могут рассчитывать на защиту интересов, гарантию прав и реализацию своего этнокультурного потенциала.

Личный опыт показал, что опорной категорией и базовой ценностью для этноэкспертизы и ее рекомендаций следует считать этнокультурное наследие, которое связано с современной культурой и имеет значимость для поддержания и развития самобытности народа.

Любая этноэкспертиза, при должном ее выполнении, обладает положительным потенциалом, улучшая качество жизни общества. Это обусловлено тем, что она ориентирована не только на настоящее, но и на будущее, выходя за пределы временных (предполагаемый период разработки и реализации конкретного проекта) и пространственных (регион проведения) рамок. Учитывая быстро меняющуюся ситуацию, сама экспертиза как методология требует постоянного развития — эти векторы должны совпадать, чтобы давать реальные результаты. Для этого необходимо делиться опытом,

изучать и совершенствовать методы, проводить исследования «ex post». Выявлению глубинных проблем и разрешению противоречий будет способствовать этнологический мониторинг. Нарращивать положительный потенциал и улучшать саму экспертизу можно, как минимум, следующими способами:

- проводить ее на ранней стадии разработки проекта или включать в сам проект в качестве обязательной части;
- привлекать независимых экспертов, обладающих специальными знаниями;
- рассматривать рекомендации не как формальность, а как действующий инструмент для принятия решений;
- основывать научное исследование на следующих принципах:
  - (1) объективность — исключение или сведение к минимуму влияния субъекта познания на объект познания;
  - (2) полнота — обеспечение максимально полного представления объекта познания, в том числе сбор и описание фактов, которые на момент проведения работ не поддаются интерпретации и/или анализу;
  - (3) точность — качество информации, характеризующееся точными требованиями к определенным видам работ;
  - (4) достоверность — качество информации, характеризующееся ее полнотой и необходимой точностью;
  - (5) проверяемость (верифицируемость) — возможность проверки и оценки точности проведенных наблюдений и измерений, а также сделанных на их основе выводов;
  - (6) повторяемость — возможность повторного проведения наблюдений и измерений;
  - (7) совместимость — возможность совмещения данных, полученных из разных экспертиз или разными экспертными группами, как по содержанию, так и по форме представления;
  - (8) сопоставимость — возможность сравнивать с необходимой достоверностью данные, получаемые в разное время разными исследователями при применении вариативных методов и инструментов.

## СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АК — Акционерная компания  
 АН СССР — Академия наук Союза Советских Социалистических Республик  
 АРАН — Архив Российской академии наук  
 АССР — Автономная советская социалистическая республика  
 ГЭС — Гидроэлектростанция  
 ДВФО — Дальневосточный федеральный округ  
 ИД — Издательский дом  
 ИП — Индивидуальный предприниматель  
 ИРГО — Императорское Русское географическое общество  
 ИЭА РАН — Институт этнологии и антропологии Российской академии наук  
 ИЭРиЖ УрО РАН — Институт экологии растений и животных Уральского отделения Российской академии наук  
 КемГУ — Кемеровский государственный университет  
 КМНС — Коренные малочисленные народы Севера  
 КПСС — Коммунистическая партия Советского Союза  
 ЛГУ — Ленинградский государственный университет  
 МАЭ РАН — Музей антропологии и этнографии имени Петра Великого (Кунсткамера) Российской академии наук  
 ММК — Магнитогорский металлургический комбинат  
 МО — Муниципальное образование  
 НАО — Ненецкий автономный округ  
 НБР — Национальная библиотека Республики  
 НПК — Научно-производственная компания  
 НПС — Нефтеперекачивающая станция  
 ОАО — Открытое акционерное общество  
 ОВЭС — Отдел внешнеэкономических связей  
 ОГУП — Областное государственное унитарное предприятие  
 ООН — Организация Объединенных Наций  
 ООО — Общество с ограниченной ответственностью  
 ПМА — Полевые материалы автора  
 ПФО — Приволжский федеральный округ  
 РГАСПИ — Российский государственный архив социально-политической истории  
 РГНФ — Российский гуманитарный научный фонд  
 РФФ — Российский научный фонд  
 РНЦ — Распределенный научный центр  
 РОССПЭН — Российская политическая энциклопедия  
 РС(Я) — Республики Саха (Якутия)  
 РСФСР — Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика  
 СВФУ — Северо-Восточный федеральный университет имени М. К. Аммосова

СМ — Совет министров  
СМИ — Средства массовой информации  
СОПС — Совет производительных сил  
СКФО — Северо-Кавказский федеральный округ  
СОЗД — Система обеспечения законодательной деятельности  
СПбГУ — Санкт-Петербургский государственный университет  
СФ — Совет Федерации  
СФО — Сибирский федеральный округ  
СЭМ — Сеть этномониторинга  
ТГУ — Томский государственный университет  
ТТП — Территория традиционного природопользования  
ТЭО — Традиционная этническая общность  
УИИЯЛ УрО РАН — Удмуртский институт истории, языка и литературы  
Уральского отделения Российской академии наук  
УК — Управляющая компания  
ФАДН — Федеральное агентство по делам национальностей  
ФГБУ «РЭА» — Федеральное государственное бюджетное учреждение  
«Российское энергетическое агентство»  
ХМАО — Ханты-Мансийский автономный округ  
ЦИК — Центральный исполнительный комитет  
ЦК — Центральный комитет  
ЦНТИ — Центр научно-технической информации  
ЭКС — Этнокультурная среда  
ЭЭ — Этнологическая экспертиза  
ЮФО — Южный федеральный округ  
ЯНАО — Ямало-Ненецкий автономный округ  
EIA — Environmental Impact Assessment  
FGDs — Focused Group Discussions  
HRIA — Human Rights Impact Assessment  
IAIA — International Association for Impact Assessment  
SDNA — Social Development Needs Analysis  
SIA — Social Impact Assessment  
SIMP — Social Impact Management Plan



## СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

### ИСТОЧНИКИ

#### Полевые материалы этнографических экспедиций

Полевые материалы автора (ПМА).

ПМА. ХМАО — Югра, с. Варьеган, 2016 г.;

ПМА. ХМАО — Югра, р. Аган, 2003 г., 2007 г., 2015 г., 2019 г.;

ПМА. ХМАО — Югра, р. Б. Юган, 2017 г., 2018 г.;

ПМА. ХМАО — Югра, п. Угут, 2017 г., 2018 г.;

ПМА. ХМАО — Югра, г. Ханты-Мансийск, 2018 г.

#### Опубликованные этнологические экспертизы

1. Богоявленский, Д. Д., Мартынова, Е. П., Мурашко, О. А. Опыт проведения этнологической экспертизы: оценка потенциального воздействия программы ОАО «Газпром» поисково-разведочных работ в акваториях Обской и Тазовской губ на компоненты устойчивого развития этнических групп коренных малочисленных народов Севера / Д. Д. Богоявленский, Е. П. Мартынова, О. А. Мурашко, Е. Н. Хмелева, Ю. Я. Якель, О. А. Яковлева. — М.: Радуница, 2002. — 134 с.
2. Головнёв, А. В., Давыдов, В. Н., Перевалова, Е. В., Киссер, Т. С. Этноэкспертиза на Таймыре: коренные народы и техногенные вызовы / А. В. Головнёв, В. Н. Давыдов, Е. В. Перевалова, Т. С. Киссер. — СПб.: МАЭ РАН, 2021. — 284 с.
3. Головнёв, А. В., Лёзова, С. В., Абрамов, И. В., Белоруссова, С. Ю., Бабенкова, Н. А. Этноэкспертиза на Ямале: ненецкие кочевья и газовые месторождения / А. В. Головнёв, С. В. Лёзова, И. В. Абрамов,

- С. Ю. Белоруссова, Н. А. Бабенкова. — Екатеринбург: «Издательство АМБ», 2014. — 232 с.
4. Звиденная, О. О., Новикова, Н. И. Удэгейцы: охотники и собиратели реки Бикин (Этнологическая экспертиза 2010 года) / О. О. Звиденная, Н. И. Новикова. — М.: ИД «Стратегия»; ИП Андрей Яковлев, 2010. — 154 с.
  5. Мартынова, Е. П., Новикова, Н. И. Тазовские ненцы в условиях нефтегазового освоения. Этнологическая экспертиза 2011 года / Е. П. Мартынова, Н. И. Новикова. — М.: ИП А. Г. Яковлев, 2012. — 149 с.
  6. Адаев, В. Н., Мартынова, Е. П., Новикова, Н. И. Качество жизни в контексте этнологической экспертизы в Российской Арктике: Тазовский район ЯНАО: Исследования по антропологии права / В. Н. Адаев, Е. П. Мартынова, Н. И. Новикова. — М.; СПб.: Нестор-История, 2019. — 220 с.
  7. Бойко, В. И., Шмаков, В. С., Нечипоренко, О. В. Этнологическая экспертиза. Этнополитические, социально-экономические и этнодемографические процессы в среде телеутов Беловского и Гурьевского районов Кемеровской области / В. И. Бойко, В. С. Шмаков, О. В. Нечипоренко. — Новосибирск: Параллель, 2008. — Вып. 2. — 232 с.
  8. Садовой, А. Н., Нечипоренко, О. В., Поддубиков, В. В. Этнологическая экспертиза / А. Н. Садовой, О. В. Нечипоренко, В. В. Поддубиков, В. И. Бойко, В. С. Шмаков, М. Р. Зазулина, М. В. Белозерова, В. В. Шиллер, В. Е. Счастливцев, Л. С. Борина, И. Ю. Усков; Ин-т угля и углехимии СО РАН; Кемеровский гос. ун-т. — Кемерово: «СКИФ», 2005. — Вып. 1: Оценка воздействия ООО «МетАл», ОАО «ММК» — «Магнитогорский металлургический комбинат» и УК «Южный Кузбасс» (стальная группа «Мечел») на системы жизнеобеспечения автохтонного и русского населения Чувашенской сельской администрации МО «г. Мыски» Кемеровской области. — 220 с.

## Отчеты НИР

1. Головнёв, А. В. Этнологические исследования в районе ведения геологоразведочных работ ООО «Газпром геологоразведка» на территории Крузенштернского месторождения / А. В. Головнёв // Оценка состояния растительного и животного мира и этнологические исследования в районе ведения геологоразведочных работ ООО «Газпром Геологоразведка» на территории Крузенштернского месторождения. — Екатеринбург, 2013. — Т. 4. — 150 с.
2. Данилова, Е. Н. Разработка научно-проектной документации для обоснования достопримечательного места «Эвут Рап» в Нижневартовском районе Ханты-Мансийского автономного округа — Югры: отчет о НИР / Е. Н. Данилова; ООО НАЦ «АВ КОМ — Наследие»; рук. Карачаров К. Г.; отв. исполн. Данилова Е. Н.; исполн. Бахарев П. С. — Екатеринбург, 2015. — 218 с.
3. Данилова, Е. Н. Разработка научно-проектной документации для обоснования достопримечательного места «Яун-Ики Мых» в Сургутском районе Ханты-Мансийского автономного округа — Югры: отчет о НИР / Е. Н. Данилова; ООО НПО «Северная археология-1»; рук. Карачаров К. Г.; отв. исполн. Данилова Е. Н.; исполн. Тресцова А. Ю. — Нефтеюганск, 2018. — 230 с.
4. Отчет № 13/2013 по теме Оценка воздействия на этнологическую среду объекта «Строительство двух одноцепных ЛЭП кВ НПС-15 — ПС-16» в местах традиционного проживания и традиционной хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов севера Якутии ПСХК КРО «Киндигирь» МО «Олекминский район», КРО МНС-Э «Сэргэлээх», община «Амга» МО «Алданский район». — Раменское; Якутск, 2013. — 75 с.
5. Отчет по оценке воздействия на социальную сферу. Ч. 1: Проект «Сахалин-2». Второй этап. Сводная пояснительная записка [Электронный

ресурс]. — Режим доступа: [http://www.sakhalinenergy.ru/media/user/library/social\\_sphere/doc\\_38\\_sia\\_execsummary.pdf](http://www.sakhalinenergy.ru/media/user/library/social_sphere/doc_38_sia_execsummary.pdf) (дата обращения 04.07.2022).

### **Документы государственных и муниципальных архивов**

*Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ)*

1. Ф. 17. Центральный комитет КПСС (1898, 1903–1991). — Оп. 87. — Д. 231, 232.

*Архив Российской Академии Наук (РАН)*

1. Ф. 2. Секретариат Президиума Российской академии наук. — Оп. 6. — Д. 180. — Л. 210.

### **Публикации документов**

1. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898–1986). — Изд. 9-е. — М.: Политиздат, 1986. — Т. 9.
2. Этнологическая экспертиза: Народы Севера России. 1956–1958 годы / под ред. З. П. Соколовой, Е. А. Пивневой. — М.: ИЭА РАН, 2004. — 370 с.
3. Этнологическая экспертиза: Народы Севера России. 1959–1962 годы / под ред. З. П. Соколовой, Е. А. Пивневой. — М.: ИЭА РАН, 2005. — 410 с.
4. Этнологическая экспертиза: Народы Севера России. 1963–1980 годы / под ред. З. П. Соколовой, Е. А. Пивневой. — М.: ИЭА РАН, 2006. — 379 с.
5. Этнологическая экспертиза: Народы Севера России. 1981–1984 годы / под ред. З. П. Соколовой, Е. А. Пивневой. — М.: ИЭА РАН, 2006. — 319 с.
6. Этнологическая экспертиза: Народы Севера России. 1985–1994 годы / под ред. З. П. Соколовой, Е. А. Пивневой. — М.: ИЭА РАН, 2007. — 316 с.

### **Законодательные источники**

1. Заключение Общественной палаты Российской Федерации по результатам общественной экспертизы проекта Федерального закона «Об этнологической экспертизе в Российской Федерации» [Электронный ресурс] // Общественная палата Российской Федерации. — Режим доступа:

- [https://www.oprf.ru/files/1\\_2018dok/zakl\\_etnologicheskaya\\_expertiza29052018.pdf](https://www.oprf.ru/files/1_2018dok/zakl_etnologicheskaya_expertiza29052018.pdf) (дата обращения 22.10.2020).
2. Закон республики Саха (Якутия) от 14.04.2010 № 820-3 № 537-IV «Об этнологической экспертизе в местах традиционного проживания и традиционной хозяйственной деятельности и на территориях традиционного природопользования коренных малочисленных народов Севера Республики Саха (Якутия)» [Электронный ресурс] // Электронный фонд нормативно-технической и нормативно-правовой информации Консорциума «Кодекс». — Режим доступа: <https://docs.cntd.ru/document/895252453> (дата обращения 11.02.2020).
  3. Закон РФ от 21 февраля 1992 года № 2395-1 «О недрах». [Электронный ресурс]. — Режим доступа: [http://www.consultant.ru/document/cons\\_doc\\_LAW\\_343](http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_343) (дата обращения 10.08.2022).
  4. Конвенция об охране всемирного культурного и природного наследия. Париж, 16 ноября 1972 г. [Электронный ресурс] // Официальный сайт Организации объединенных наций. — Режим доступа: [http://www.un.org/ru/documents/decl\\_conv/conventions/heritage.shtml](http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/heritage.shtml) (дата обращения 14.01.2019).
  5. Конвенция об охране нематериального культурного наследия. Париж, 17 октября 2003 г. [Электронный ресурс] // Официальный сайт Организации объединенных наций. — Режим доступа: [https://www.un.org/ru/documents/decl\\_conv/conventions/cultural\\_heritage\\_conv.shtml](https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/cultural_heritage_conv.shtml) (дата обращения 14.01.2019).
  6. Перечень поручений Президента Российской Федерации В. В. Путина по итогам заседания Совета при Президенте Российской Федерации по международным отношениям 31 октября 2016 г. от 4 декабря 2016 г. № Пр-2338. [Электронный ресурс] — Режим доступа: <http://kremlin.ru/acts/assignments/orders/53412> (дата обращения 01.11.2017).
  7. Постановление Администрации Сахалинской области от 14.03.2007 № 45-па [Электронный ресурс] // Архив документов Сахалинской области. —

- Режим доступа: <https://sakhalin-gov.ru/doc/48257> (дата обращения 13.07.2022).
8. Постановление Правительства РФ от 28.10.2017 № 1312 «О государственной информационной системе мониторинга в сфере межнациональных и межконфессиональных отношений и раннего предупреждения конфликтных ситуаций» (В редакции постановлений Правительства Российской Федерации от 29.11.2018 № 1439, от 19.08.2020 № 1257, от 17.02.2022 № 204) [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://government.ru/docs/all/113821/> (дата обращения 29.02.2022).
  9. Постановление Правительства РФ от 15.04.2014 № 317 «Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Развитие культуры и туризма» на 2013–2020 годы» [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://base.garant.ru/70644226> (дата обращения 16.07.2022).
  10. Постановление Правительства РФ от 29.12.2016 № 1532 «Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Реализация государственной национальной политики» [Электронный ресурс]. — Режим доступа: [http://www.consultant.ru/document/cons\\_doc\\_LAW\\_210753](http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_210753) (дата обращения 16.07.2022).
  11. Проект закона «Об этнологической экспертизе в Российской Федерации» [Электронный ресурс] // Федеральный портал проектов нормативных правовых актов. — Режим доступа: <http://regulation.gov.ru/p/77915> (дата обращения 23.01.2020).
  12. Проект Федерального закона № 146315-4 «О внесении изменений в Закон Российской Федерации “Об экологической экспертизе”» [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/146301-4> (дата обращения 04.04.2022).
  13. Проект Федерального закона № 353031-4 «О внесении изменений в Федеральный закон “Об экологической экспертизе”» [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/353031-4> (дата обращения 04.04.2022).

14. Проект Федерального закона № 63519-4 «О внесении изменений в Федеральный закон “Об экологической экспертизе”» [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/63519-4> (дата обращения 04.04.2022).
15. Указ Президента РФ от 06.12.2018 № 703 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/43843> (дата обращения 10.08.2022).
16. Федеральный закон от 06.01.1999 № 7-ФЗ (ред. от 29.07.2017) «О народных художественных промыслах» [Электронный ресурс]. — Режим доступа: [http://www.consultant.ru/document/cons\\_doc\\_LAW\\_21497](http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_21497) (дата обращения 16.07.2022).
17. Федеральный закон от 07.05.2001 № 49-ФЗ «О территориях традиционного природопользования коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации» [Электронный ресурс]. — Режим доступа: [http://www.consultant.ru/document/cons\\_doc\\_LAW\\_31497](http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_31497) (дата обращения 16.07.2022).
18. Федеральный закон от 09.10.1992 № 3612-1 «Основы законодательства Российской Федерации о культуре» [Электронный ресурс]. — Режим доступа: [http://www.consultant.ru/document/cons\\_doc\\_LAW\\_1870](http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_1870) (дата обращения 15.07.2022).
19. Федеральный закон от 10.01.2002 № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды» [Электронный ресурс]. — Режим доступа: [http://www.consultant.ru/document/cons\\_doc\\_LAW\\_34823](http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34823) (дата обращения 10.07.2022).
20. Федеральный закон от 25.07.2002 № 73-ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» (с изменениями на 21 декабря 2021 года) [Электронный ресурс] // Электронный фонд нормативно-технической и нормативно-правовой информации Консорциума «Кодекс». — Режим доступа: <https://docs.cntd.ru/document/901820936> (дата обращения 10.08.2022).

21. Федеральный закон от 25.10.1991 № 1807-1 (ред. от 12.03.2014) «О языках народов Российской Федерации» [Электронный ресурс]. — Режим доступа: [http://www.consultant.ru/document/cons\\_doc\\_LAW\\_15524](http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_15524) (дата обращения 16.07.2022).
22. Федеральный закон от 28.06.2014 № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации» [Электронный ресурс]. — Режим доступа: [http://www.consultant.ru/document/cons\\_doc\\_LAW\\_164841](http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_164841) (дата обращения 16.07.2022).
23. Федеральный Закон от 30 апреля 1999 г. № 82-ФЗ (ред. от 07.02.2022) «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации» [Электронный ресурс] // Электронный фонд нормативно-технической и нормативно-правовой информации Консорциума «Кодекс». — Режим доступа: <https://docs.cntd.ru/document/901732262> (дата обращения 12.07.2022).

### **Интернет-ресурсы**

1. The Aashukan Declaration [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://aashukandotcom.files.wordpress.com/2017/04/the-aashukan-declaration.pdf> (дата обращения 11.07.2022).
2. В Совете Федерации обсудили ход реализации правительственной концепции устойчивого развития Севера, Сибири и Дальнего Востока [Электронный ресурс] // Официальный сайт Совета Федерации. — Режим доступа: <http://council.gov.ru/events/news/20376> (дата обращения 10.07.2022).
3. Васюкова, Е. «Это — дискриминация». Как в нацпарке «Бикин» случилась «гражданская война» [Электронный ресурс] / Е. Васюкова. — Режим доступа: <https://www.sibreal.org/a/30309933.html> (дата обращения 10.09.2021, на момент обращения 13.04.2022 сайт заблокирован).
4. Государство должно стать гарантом защиты прав малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока [Электронный ресурс] //



- Официальный сайт Совета Федерации. — Режим доступа: <http://council.gov.ru/events/news/19104> (дата обращения 10.08.2022).
5. Достопримечательные места на территории Ханты-Мансийского автономного округа-Югры [Электронный ресурс] // Служба государственной охраны объектов культурного наследия Ханты-Мансийского автономного округа — Югры. — Режим доступа: <https://nasledie.adhmao.ru/dostoprimechatelnye-mesta-yugry/840047/obshchie-vsedeniya/> (дата обращения 01.07.2022).
  6. Заключение эксперта № 235/2011 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://poisk-ru.ru/s23553t1.html> (дата обращения 13.05.2021).
  7. Краткие сведения о проведенных экспертизах: Этнологическая Экспертиза [Электронный ресурс] // Официальный сайт Министерства по развитию Арктики и делам народов Севера Республики Саха (Якутия). — Режим доступа: [https://arktika.sakha.gov.ru/\\_etnologicheskaja-ekspertiza\\_](https://arktika.sakha.gov.ru/_etnologicheskaja-ekspertiza_) (дата обращения 01.07.2022).
  8. Миколайчук, Д. Лесные люди и их вражда. Почему удэгейцы воюют с нацпарком «Бикин» [Электронный ресурс] / Д. Миколайчук // «Сноб». 23 октября 2019. — Режим доступа: <https://snob.ru/entry/184272/> (дата обращения 01.04.2022).
  9. Мурашко, О. Второй вариант законопроекта ФАДН по этнологической экспертизе не был одобрен экспертами, а лишь вызвал у них множество вопросов, оставшихся без ответа [Электронный ресурс] / О. Мурашко // Официальный сайт ЦС КМНС / РИТС. — Режим доступа: <http://csipn.ru/glavnaya/actual/4452-vtoroj-variant-zakonoproekta-fadn-po-etnologicheskoy-ekspertize-ne-byt-odobren-ekspertami-a-lish-vyzval-u-nikh-mnozhestvo-voprosov-ostavshikhsya-bez-otveta#.XkTMoW5uLbD> (дата обращения 10.08.2022).
  10. Об обеспечении выполнения поручений Президента России по итогам заседания Совета по межнациональным отношениям 31 октября 2016 года [Электронный ресурс] // Сайт Правительства Российской Федерации. —

- Режим доступа: <http://government.ru/orders/selection/401/25728/> (дата обращения 10.08.2022).
11. Образовательная программа магистратуры «Этнологическая экспертиза» [Электронный ресурс] // Официальный сайт Института истории. Санкт-Петербургский государственный университет. — Режим доступа: <https://history.spbu.ru/obuchenie/osnovnye-obrazovatelnye-programmy/magistratura/1261-obrazovatel'naya-programma-magistratury-etnologicheskaya-ekspertiza.html> (дата обращения 18.05.2022).
  12. Общественная площадка для коммуникации государственных, общественных и коммерческих организаций, заинтересованных в устойчивом развитии Арктики. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://porarctic.ru> (дата обращения 02.07.2022).
  13. ООО НПК «Северпроект» [Электронный ресурс] // Rusprofile.ru. — Режим доступа: <https://www.rusprofile.ru/okved/567520#other> (дата обращения 01.07.2022).
  14. Освоение российского Севера должно происходить на основе законодательства [Электронный ресурс] // Официальный сайт Совета Федерации. — Режим доступа: <http://council.gov.ru/events/news/24302> (дата обращения 22.06.2022).
  15. Отзыв Абориген-Форума (сети независимых экспертов, активистов, лидеров и организаций коренных народов России) на новую концепцию этнологической экспертизы, предложенную ФАДН [Электронный ресурс] // Официальный информационный интернет-портал Ассоциации коренных малочисленных народов Севера Республики Саха (Якутия). — Режим доступа: <http://yakutiakmns.org/archives/8883> (дата обращения 10.08.2022).
  16. Официальный сайт ассоциации International Association for Impact Assessment [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://www.iaia.org/index.php> (дата обращения 14.01.2022).

17. Официальный сайт Министерства по развитию Арктики и делам народов Севера Республики Саха (Якутия). [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://arktika.sakha.gov.ru> (дата обращения 01.07.2022).
18. Приказ Министерства науки и высшего образования Российской Федерации от 01.02.2022 № 89 «Об утверждении перечня специальностей и направлений подготовки высшего образования по программам бакалавриата, программам специалитета, программам магистратуры, программам ординатуры и программам ассистентуры-стажировки» (Зарегистрирован 03.03.2022 № 67610) [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации. — Режим доступа: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202203030033> (дата обращения 10.06.2022).
19. Стенограмма обсуждения законопроекта № 353031-4 «О внесении изменений в Федеральный закон “Об экологической экспертизе”» в части проведения в рамках экологической экспертизы этнологической экспертизы Заседание № 242. 04.09.2007 [Электронный ресурс] // Официальный сайт Государственной Думы. — Режим доступа: <http://api.duma.gov.ru/api/transcript/353031-4> (дата обращения 04.04.2022).
20. Страница журнала Impact Assessment and Project Appraisal на сайте издательства [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.tandfonline.com/toc/tiap20/current> (дата обращения 14.01.2022).
21. Федеральный портал проектов нормативных правовых актов. Официальный сайт для размещения информации о подготовке федеральными органами исполнительной власти проектов нормативных правовых актов и результатах их общественного обсуждения. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://regulation.gov.ru/projects#nra=77915> (дата обращения 10.08.2022).
22. Хронология акции коренных малочисленных народов Севера «Зеленая волна» в январе 2005 года [Электронный ресурс] // Экологическая вахта Сахалина. — Режим доступа: <https://ecosakh.ru/2005/01/20/hronologiya->

akcii-korennyh-malochislennyh-narodov-severa-zelenaya-volna-v-yanvare-2005-goda/ (дата обращения 10.08.2022).

**ИССЛЕДОВАНИЯ**

1. X Конгресс этнографов и антропологов России: тезисы докладов. Москва, 2–5 июля 2013 г. / редкол.: М. Ю. Мартынова [и др.]. — М.: ИЭА РАН, 2013. — 302 с.
2. XI Конгресс антропологов и этнологов России: сб. материалов. Екатеринбург, 2–5 июля 2015 г. / отв. ред.: В. А. Тишков, А. В. Головнёв. — М.; Екатеринбург: ИЭА РАН; ИИиА УрО РАН, 2015. — 504 с.
3. XII Конгресс антропологов и этнологов России: сб. материалов. Ижевск, 3–6 июля 2017 г. / отв. ред.: А. Е. Загребин, М. Ю. Мартынова. — М.; Ижевск: ИЭА РАН, УИИЯЛ УрО РАН, 2017. — 512 с.
4. XIII Конгресс антропологов и этнологов России: сб. материалов. Казань, 2–6 июля 2019 г. / отв. ред.: М. Ю. Мартынова. — М.; Казань: Институт истории имени Шигабутдина Марджани Академии наук Республики Татарстан, 2019. — 516 с.
5. XIV Конгресс антропологов и этнологов России: сб. материалов. Томск, 6–9 июля 2021 г. / отв. ред.: И. В. Нам. — М.; Томск: Национальный исследовательский Томский государственный университет, 2021. — 830 с.
6. Адаев, В. Н. Из опыта проведения этнологической экспертизы в Урало-Сибирском регионе / В. Н. Адаев // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого: сб. статей / отв. ред. Я. А. Яковлев. — Томск; Ханты-Мансийск: Изд-во Том. ун-та, 2009. — Вып. 7. — С. 35–42.
7. Адаев, В. Н. Сакрализация пространства как текущий процесс в культуре юганских хантов-переселенцев / В. Н. Адаев // Вестник Новосибирского государственного университета. — Новосибирск: Новосибирский национальный исследовательский государственный университет, 2013. — С. 296–301.

8. Алымов, С. С. Понятие «пережиток» и советские социальные науки в 1950–1960-е гг. / С. С. Алымов // Антропологический форум. — 2012. — № 16. — С. 261–287.
9. Аналитический вестник. — М.: Издание Государственной Думы, 2018. — 160 с.
10. Арктический вектор: этнологическая экспертиза — вчера, сегодня, завтра: Материалы III региональной научно-практической конференции «Арктический вектор» (Якутск, 27–28 сентября 2020 г.) / редкол.: И. В. Самсонова [и др.]. — Якутск: Академия наук РС(Я), 2020. — 212 с.
11. Астахова, И. С. Отношение населения к новым проектам промышленного освоения (на примере этнологических экспертиз в Оленекском районе РС(Я) / И. С. Астахова // Арктика и Север в современных гуманитарных исследованиях: сб. научных статей [Электронный ресурс] / [науч. ред. Бурнашева Н. И., сост. Астахова И. С.]. — Якутск: Изд-во ИГиИПМНС СО РАН, 2018. — С. 63–74. — Режим доступа: <http://igi.ysn.ru/files/publicasii/arktika.pdf> (дата обращения 10.06.2021).
12. Балалаева, О. Э., Вигет, Э. Биосферный резерват как форма сохранения этнической культуры (на примере юганских хантов) / О. Э. Балалаева, Э. Вигет. — М.: Институт этнологии и антропологии РАН, 1998. — 18 с. — (Серия «Исследования по прикладной и неотложной этнологии»; № 118).
13. Балалаева, О. Э. Биосферный резерват — реальная возможность сохранить Юган как уникальный этно-экологический комплекс / О. Э. Балалаева // Вестник ассамблеи представителей коренных малочисленных народов Севера думы Ханты-Мансийского автономного округа — Югры. — 2017. — № 2 (35). — С. 6–7.
14. Балалаева, О. Э. Общинное движение в Сургутском районе и община «Яун-Ях» / О. Э. Балалаева // Северный регион: наука, образование. Культура. — 2014. — № 1. — С. 35–43.

15. Балалаева, О. Э. Священные места хантов средней и нижней Оби / О. Э. Балалаева // Очерки истории традиционного землепользования хантов (материалы к атласу). — Екатеринбург: Тезис, 2002. — С. 149–166.
16. Барамидзе, Д. Д. Этнологическая экспертиза в Российской Арктике: эколого-правовой аспект / Д. Д. Барамидзе // Вестник Удмуртского университета. Серия Экономика и право. — 2019. — Т. 29, № 2. — С. 174–179.
17. Басов, А. С. Диалог и бюрократические процедуры: этнологическая экспертиза в Республике Саха (Якутия) РФ / А. С. Басов // Сибирские исторические исследования. — 2018. — № 2. — С. 91–123.
18. Басов, А. С., Ковальский, С. О. Опыт применения международного подхода к оценке социального воздействия в рамках этнологической экспертизы на Западном Таймыре / А. С. Басов, С. О. Ковальский // Сибирские исторические исследования. — 2021. — № 3. — С. 171–198.
19. Батьянова, Е. П. Северная экспедиция Института этнографии (1956–1991 гг.) / Е. П. Батьянова // Этнографическое обозрение. — 2013. — № 4. — С. 17–34.
20. Батьянова, Е. П. Северная экспедиция Института этнографии и ее роль в развитии советской школы полевого этнографического североведения / Е. П. Батьянова // Поле как жизнь: к 60-летию Северной экспедиции ИЭА РАН / Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН; отв. ред. и сост. Е. А. Пивнева. — М.; СПб.: Нестор-История, 2017. — С. 13–38.
21. Белоруссова, С. Ю. Киберэтнография: методология и технология / С. Ю. Белоруссова // Этнография. — 2021. — № 3 (13). — С. 123–145.
22. Богаевский, П. М. Мултанское моление вотяков в свете этнографических данных: с рис. / П. М. Богаевский. — М.: Изд. книж. магазина Гросман и Кнебель, 1896. — VI, 110 с.
23. Бочарникова, А. В. Коренные народы и особо охраняемые природные территории: опыт соуправления природными ресурсами /

- А. В. Бочарникова. — М.: ЦС КМНС, 2017. — 142 с. — (Серия: Библиотека коренных народов Севера; вып. 17).
24. Василькова, Т. Н., Евай, А. В., Мартынова, Е. П., Новикова, Н. И. Коренные малочисленные народы и промышленное развитие Арктики (этнологический мониторинг в Ямало-Ненецком автономном округе) / Т. Н. Василькова, А. В. Евай, Е. П. Мартынова, Н. И. Новикова. — М., Шадринск: ОГУП «Шадринский Дом Печати», 2011. — 268 с.
25. Вахтин, Н. Б. Этнологическая экспертиза: этносы или люди? / Н. Б. Вахтин // Этнографическое обозрение. — 2019. — № 4. — С. 135–139.
26. Вахштайн, В. С. Структура экспертного знания [Электронный ресурс] / В. С. Вахштайн. — Режим доступа: <https://postnauka.ru/video/94241> (дата обращения 20.04.2022).
27. Величенко, В. В. К методике оценки воздействия на охотничьи ресурсы территорий коренных малочисленных народов Севера / В. В. Величенко // Вестник Северо-Восточного федерального университета им. М. К. Аммосова. Серия: Экономика. Социология. Культурология. — 2016. — № 4 (4). — С. 19–24.
28. Верняев, И. И. Бурятское общество и сибирский генерал-губернатор М. М. Сперанский / И. И. Верняев // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. — 2017. — Т. 62, вып. 1. — С. 148–163.
29. Вершинин, Е. В. Русская колонизация Северо-Западной Сибири в конце XVI–XVII вв. / Е. В. Вершинин. — Екатеринбург: Демидовский институт, 2018. — 504 с.
30. Вершинин, Е. В. Восстанье Тоньи-Кинемы в письменных и фольклорных источниках / Е. В. Вершинин // Материалы и исследования по истории Северо-Западной Сибири. — Екатеринбург: Изд-во Уральского гос. ун-та, 2002. — С. 98–110.



31. Вигет, Э., Балалаева, О. Э. Нефть, маргинализация и восточные ханты / Э. Вигет, О. Э. Балалаева // Сибирские исторические исследования. — 2014. — № 4. — С. 38–72.
32. Вэлла, Ю. Река Аган со притоками. Опыт топонимического словаря. Бассейн р. Аган / Ю. Вэлла. — Ханты-Мансийск: Юграфика, 2012. — Ч. 3. — 150 с.
33. Габдрафиков, И. М. Республика Башкортостан. Модель этнологического мониторинга / И. М. Габдрафиков. — Москва: Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН, 1998. — 124 с.
34. Гирц, К. «Насыщенное описание»: в поисках интерпретативной теории культуры / К. Гирц // Антология исследований культуры / отв. ред. и сост. Л. А. Мостова. — СПб.: Университетская книга, 1997. — Т. 1: Интерпретация культуры. — С. 171–200.
35. Головнёв, А. В. Новая этнография Севера / А. В. Головнёв // Этнография. — 2021. — № 1 (11). — С. 6–24.
36. Головнёв, А. В. Этнография в российской академической традиции / А. В. Головнёв // Этнография. — 2018. — № 1. — С. 6–39.
37. Головнёв, А. В. Этнологическая экспертиза в сценариях ресурсного освоения Ямала / А. В. Головнёв // Уральский исторический вестник. — 2014. — № 2 (43). — С. 143–153.
38. Головнёв, А. В. Ящик с инструментами, или о методах антропологии / А. В. Головнёв // Universitas historiae. Сборник статей в честь Павла Юрьевича Уварова. — М.: Институт всеобщей истории РАН, 2016. — С. 549–556.
39. Головнёв, А. В., Данилова, Е. Н. Советская версия этноэкспертизы: докладные записки этнографов-североведов 1950-1990-х гг. / А. В. Головнёв, Е. Н. Данилова // Вестник археологии, антропологии и этнографии. — 2021. — № 1 (52). — С. 132–143.
40. Государственная национальная политика России: экспертное мнение / ред. Степанов В. В., Черных А. В. — М.: ИЭА РАН, 2018. — 380 с.

41. Гулдин, Г. Антропологи как культурные брокеры: пример Сахалина / Г. Гулдин // Этнографическое обозрение. — 2008. — № 3. — С. 47–54.
42. Данилова, Е. Н. Social Impact Assessment: международный экспертный опыт / Е. Н. Данилова // Этнография. — 2022. — № 2 (16). — С. 25–46.
43. Данилова, Е. Н. Провокация этнического ренессанса: о влиянии исследователя на изучаемое сообщество / Е. Н. Данилова // Уральский исторический вестник. — 2019. — № 4 (65). — С. 116–123.
44. Данилова, Е. Н. Этнологическая экспертиза: современные концепции и подходы / Е. Н. Данилова // Уральский исторический вестник. — 2018. — № 1 (58). — С. 127–134.
45. Данилова, Е. Н. Провокация этнического ренессанса: о влиянии исследователя на изучаемое сообщество / Е. Н. Данилова // Уральский исторический вестник. — 2019. — № 4 (65). — С. 116–123.
46. Дмитриева, Т. Н. Топонимия бассейна р. Казым / Т. Н. Дмитриева. — Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2005. — 580 с.
47. Ерохина, Е. А. Круглый стол «Знание, власть и общественный запрос на этнологическую и этносоциологическую экспертизу» / Е. А. Ерохина // Новые исследования Тувы. — 2014. — № 3. — С. 121–135.
48. Зависка, Дж. Этика полевой работы в этнографии / Дж. Зависка // Антропологический форум. — 2006. — № 5. — С. 169–193.
49. Золотаревская, И. Работа Института этнографии АН СССР в 1954 году / И. Золотаревская // Советская этнография. — 1955. — № 2. — С. 126–129.
50. Калеменева, Е. А. Смена моделей освоения советского севера в 1950-е гг. Случай комиссии по проблемам Севера / Е. А. Калеменева // Сибирские исторические исследования. — 2018. — № 2. — С. 181–200.
51. Карапетова, И. А., Соловьева, К. Ю. Образ хозяина «Явун-Ики» как символ культуры юганских хантов / И. А. Карапетова, К. Ю. Соловьева // Этнография народов Западной Сибири (Сибирский этнографический сборник) / под ред. Д. А. Функа, А. П. Зенько. — М.: Старый Сад, 2000. — Вып. 10. — С. 199–211.

52. Каргин, А. С., Костина, А. В. Сохранение нематериального культурного наследия народов РФ как приоритет культурной политики России в XXI веке / А. С. Каргин, А. В. Костина // Культурная политика. — 2008. — № 3. — С. 59–71.
53. Касум-Ёх: Материалы для обоснования проекта этнической статусной территории. — Шадринск: ПО «Исеть», 1993. — 112 с.
54. Клоков, К. Б. Анализ воздействия освоения нефтегазовых ресурсов на крупнотабунное оленеводство Ненецкого и Ямало-Ненецкого автономных округов / К. Б. Клоков // Известия Санкт-Петербургского государственного аграрного университета. — 2012. — № 29. — С. 182–185.
55. Клоков, К. Б. Методологические подходы к оценке качества жизни коренного населения Севера, занятого в оленеводстве / К. Б. Клоков // Известия Санкт-Петербургского государственного аграрного университета. — 2013. — № 31. — С. 193–196.
56. Клоков, К. Б. Теоретическое обоснование этноэкологической экспертизы для оценки воздействия индустриального освоения на традиционное природопользование коренного населения Севера / К. Б. Клоков // Прикладная этнология и актуальные проблемы государственной этнонациональной политики в регионах Западной Сибири: механизмы взаимодействия власти, науки, общественности: сб. ст. по итогам межрегионал. науч.-практ. семинара (Кемерово, 21–22 нояб. 2012 г.) / редкол.: В. В. Поддубиков [и др.]; сост. В. В. Поддубиков. — Кемерово: Практика, 2013. — С. 97–104.
57. Клоков, К. Б. Этноэкологический подход к оценке воздействий промышленно-транспортного освоения на природопользование северных народов / К. Б. Клоков // Этнополитическая ситуация в России и сопредельных государствах в 2013 году: Ежегодный доклад Сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов / ред. В. А. Тишков, В. В. Степанов. — М.: ИЭА РАН, 2014. — С. 337–344.

58. Клоков, К. Б., Дегтева, А. Ю. Методические подходы к оценке воздействия промышленного освоения на традиционное хозяйство народов Севера (на примере оленеводческого хозяйства Ямала) / К. Б. Клоков, А. Ю. Дегтева // Известия Санкт-Петербургского государственного аграрного университета. — 2012. — № 26. — С. 231–236.
59. Клоков, К. Б., Хрущев, С. А. Теоретическое обоснование этноэкологической экспертизы для оценки воздействия индустриального освоения на традиционное природопользование коренного населения Севера / К. Б. Клоков, С. А. Хрущев // Региональные исследования. — 2014. — № 1 (43). — С. 98–108.
60. Клоков, К. Б., Хрущев, С. А., Бочарникова, А. В. Этноэкологическая экспертиза воздействия индустриального освоения на традиционное природопользование коренного населения Севера: теоретические и методологические подходы / К. Б. Клоков, С. А. Хрущев, А. В. Бочарникова // Известия Русского географического общества. — 2012. — № 3. — С. 38–44.
61. Клоков, К. Б., Хрущев, С. А. Этноэкологическая оценка устойчивости традиционного оленеводческого хозяйства Мурманской области / К. Б. Клоков, С. А. Хрущев // Известия Санкт-Петербургского государственного аграрного университета. — 2013. — № 32. — С. 200–204.
62. Клоков, К. Б. Теоретическое обоснование этноэкологической экспертизы для оценки воздействия индустриального освоения на традиционное природопользование коренного населения Севера / К. Б. Клоков // Прикладная этнология и актуальные проблемы государственной этнонациональной политики в регионах Западной Сибири: механизмы взаимодействия власти, науки, общественности: сб. ст. по итогам межрегионал. науч.-практ. семинара (Кемерово, 21–22 нояб. 2012 г.) / редкол.: В. В. Поддубиков [и др.]; сост. В. В. Поддубиков. — Кемерово: Практика, 2013. — С. 97–104.

63. Ключевые понятия музеологии [Электронный ресурс] / Составители: André Desvallées и François Mairesse; перевод на рус. яз. А. В. Урядникова. — М.: ИКОМ, 2012. — С. 59–64. — Режим доступа: <http://icom-russia.com/upload/iblock/532/5323743f731b222714f20ba0205ec238.pdf> (дата обращения 10.03.2021).
64. Ковальский, С. О. Дисциплинарные отношения антропологии и оценки социального воздействия / С. О. Ковальский // Этнографическое обозрение. — 2019. — № 4. — С. 143–146.
65. Ковальченко, И. Д. Методы исторического исследования / И. Д. Ковальченко. — М.: Наука, 2003. — 486 с.
66. Коньков, А. Т. Общественное мнение населения Сахалинской области о социальном воздействии проекта «Сахалин-2» / А. Т. Коньков // Ученые записки Сахалинского государственного университета. — 2012. — № 1 (9). — С. 101–104.
67. Короленко, В. Г. Мултанское жертвоприношение. К отчету о мултанском жертвоприношении (письмо в редакцию) [Электронный ресурс] / В. Г. Короленко. — Режим доступа: <http://korolenko.lit-info.ru/korolenko/public/multanskoe-zhertvoprinoshenie.htm> (дата обращения 04.07.2020).
68. Кошовец, О. Б. Эксперт и воспроизводство научного знания / О. Б. Кошовец // Экономика как искусство: методологические вопросы применения экономической теории в прикладных социально-экономических исследованиях / Ананьин О. И. [и др.]; отв. ред. О. И. Ананьин. — Москва: Наука, 2008. — С. 210–249.
69. Кряжков, В. А. Правовое регулирование отношений между коренными малочисленными народами Севера и недропользователями в Российской Федерации / В. А. Кряжков // Государство и право. — 2014. — № 7. — С. 27–39.
70. Кудрина, Е. Л., Белозёрова, М. В., Садовой, А. Н., Пономарев, В. Д., Марков, В. И. Толерантность в мультикультурном обществе:

- региональный аспект / Е. Л. Кудрина, М. В. Белозёрова, А. Н. Садовой, В. Д. Пономарев, В. И. Марков. — Кемерово: Изд-во Кемеровского государственного университета культуры и искусств, 2013. — С. 289–334.
71. Кулемзин, В. М. Человек и природа в верованиях хантов / В. М. Кулемзин. — Томск: ТГУ, 1984. — 192 с.
72. Культура и ресурсы. Опыт этнологического обследования современного положения народов Севера Сахалина / ред. Д. А. Функ. — М.: Демос, 2015. — 320 с.
73. Куринских, П. А. Культура жизнеобеспечения как объект этнологической экспертизы / П. А. Куринских // Прикладная этнология и актуальные проблемы государственной этнонациональной политики в регионах Западной Сибири: механизмы взаимодействия власти, науки, общественности: сб. ст. по итогам межрегионал. науч.-практ. семинара (Кемерово, 21–22 нояб. 2012 г.) / редкол.: В. В. Поддубиков [и др.]; сост. В. В. Поддубиков. — Кемерово: Практика, 2013. — С. 83–88.
74. Курьянова, Т. С. Культурное наследие: смысловое поле и практика / Т. С. Курьянова // Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение. — 2011. — № 2. — С. 12–18.
75. Курьянова, Т. С. Сохранение и актуализация культурного наследия: учеб. пособие / Т. С. Курьянова; науч. ред. О. М. Рындина. — Томск: Издательский Дом ТГУ, 2014. — 82 с.
76. Курьянова, Т. С. Актуализация культурного наследия коренных народов в музеях Южной Сибири: дис. ... канд. ист. наук: 24.00.03 / Татьяна Сергеевна Курьянова. — Томск, 2013. — 244 с.
77. Лимеров, П. Ф. Семья Каюковых из пупи сир «рода медведя» – как носители традиционного фольклора хантов Югана: полевые заметки экспедиции к восточным хантам / П. Ф. Лимеров // Фольклористика Коми. Региональные фольклорные традиции Европейского Северо-Востока и Зауралья в межкультурном контексте. — Сыктывкар: Ин-т яз., лит. и истории КОМИ НЦ УрО РАН: Коми науч. центр УрО РАН, 2012. —

- С. 150–188. — (Труды Института языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН; вып. 70).
78. Лопуленко, Н. А. Исследования по прикладной и неотложной этнологии: (1990–2011): Аналитический обзор / Н. А. Лопуленко. — М.: Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН, 2012. — 170 с.
79. Лукина, Н. В. Хантыйский обряд жертвоприношения / Н. В. Лукина // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. — 2013. — Вып. 2 (2). — С. 106–114.
80. Луцкан, И. П. Информация о проведении этнологической экспертизы в Республике Саха (Якутия) / И. П. Луцкан // Вопросы истории и культуры северных стран и территорий. — 2018. — № 1 (41). — С. 47–62.
81. Люди Севера: права на ресурсы и экспертиза / отв. ред. Н. И. Новикова. — М.: Издательский дом «Стратегия», 2008. — 512 с.
82. Мамонтова, Н. А. Коренные народы Сахалина и нефтедобывающие компании / Н. А. Мамонтова // Культура и ресурсы. Опыт этнологического обследования современного положения народов Севера Сахалина / отв. ред. Д. А. Функ. — М.: Демос, 2015. — С. 108–158.
83. Мартынова, Е. П. Промышленные компании в Арктике: покорители тундры и благодетели (из опыта этнологических экспертиз в Ямало-Ненецком автономном округе) / Е. П. Мартынова // Этнополитическая ситуация в России и сопредельных государствах в 2013 году: Ежегодный доклад Сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов / ред. В. А. Тишков, В. В. Степанов. — М.: ИЭА РАН, 2014. — С. 325–331.
84. Мартынова, Е. П. Религиозные представления юганско-балыкских хантов / Е. П. Мартынова // Материалы и исследования по истории Северо-Западной Сибири. — Екатеринбург: Изд-во Уральского гос. ун-та, 2002. — С. 82–91.
85. Мартынова, М. Ю. Миссия антропологии и этнологии: социальная роль и практическая значимость / М. Ю. Мартынова // XII Конгресс антропологов

- и этнологов России: сб. материалов. Ижевск, 3–6 июля 2017 г. / отв. ред. А. Е. Загребин, М. Ю. Мартынова. — Москва; Ижевск: ИЭА РАН; УИИЯЛ УрО РАН, 2017. — С. 6–14.
86. Методические рекомендации по проведению государственной этнологической экспертизы в Республике Саха (Якутия) / М-во образования и науки Рос. Федерации, Сев.-Вост. федер. ун-т им. М. К. Аммосова, Юрид. фак.; [сост.: А. Н. Слепцов, к.ю.н., П. В. Гоголев, д.ю.н.]. — Якутск: ИД СВФУ, 2016. — 45 с.
87. Методы этноэкологической экспертизы / отв. ред. В. В. Степанов. — М.: ИЭА РАН, 1999. — 299 с.
88. Миграция и межнациональные отношения: ресурс государственно-общественного партнерства в России / под ред. В. А. Тишкова, В. В. Степанова. — М.: ИЭА РАН, 2019. — 340 с.
89. Миськова, Е. В. Исследования нефти в социальных науках сегодня: биополитика, инфраструктурный модерн, ресурсное проклятие, свойства ресурса и социальность / Е. В. Миськова // Антропология в поисках нового языка описания: тезисы, Томск, 15–17 сентября 2016 года. — Томск: Национальный исследовательский Томский государственный университет, 2016. — С. 97–99.
90. Мостахова, Т. С., Пахомов, А. А. Этнологическая экспертиза в Республике Саха (Якутия): практика и проблемы / Т. С. Мостахова, А. А. Пахомов // Северо-Восточный гуманитарный вестник. — 2018. — № 2 (23). — С. 47–55.
91. Мурашко, О. А. Так чему же учит опыт «этнологической экспертизы»? / О. А. Мурашко // Этнографическое обозрение. — 2018. — № 6. — С. 82–86.
92. Мурашко, О. А. Традиционные знания коренных народов: потенциал управления средой обитания и развития культуры / О. А. Мурашко. — М.: ЦС КМНС, 2020. — 118 с. — (Серия: Библиотека коренных народов Севера; вып. 19).



93. Мурашко, О. А. Этнологическая экспертиза в России и международные стандарты оценки воздействия проектов на коренные народы / О. А. Мурашко // Приложение к альманаху «Мир коренных народов — Живая Арктика». — М.: Ассоциация коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока РФ, 2006. — 114 с.
94. Мурашко, О. О. Что такое «этнологическая экспертиза» в России / О. О. Мурашко // Проблемы Севера и Арктики Российской Федерации: Научно-информационный бюллетень. — М.: Совет Федерации Федерального Собрания РФ, 2006. — Вып. 4. — С. 112–123.
95. Мурашко, О. А. Так чему же учит опыт «этнологической экспертизы»? / О. А. Мурашко // Этнографическое обозрение. — 2018. — № 6. — С. 82–86.
96. Мурашко, О. А., Якель, Ю. Я. Экологическое соуправление — основа взаимодействия коренных малочисленных народов, органов власти и промышленных компаний / О. А. Мурашко, Ю. Я. Якель // Вопросы взаимоотношений коренных малочисленных народов с промышленными компаниями (опыт, практика сотрудничества, документы). — М.: Совет Федерации Федерального Собрания РФ, 2009. — С. 75–93.
97. Нечипоренко, О. В. Интеграция коренных малочисленных народов Сибири в индустриальное общество: опыт этнологических экспертиз / О. В. Нечипоренко // Прикладная этнология и актуальные проблемы государственной этнонациональной политики в регионах Западной Сибири: механизмы взаимодействия власти, науки, общественности: сб. ст. по итогам межрегионал. науч.-практ. семинара (Кемерово, 21–22 нояб. 2012 г.) / редкол.: В. В. Поддубиков [и др.]; сост. В. В. Поддубиков. — Кемерово: Практика, 2013. — С. 31–42.
98. Николаев, В. Г. Эксперты и экспертное знание в несовершенном обществе / В. Г. Николаев // Экспертиза в современном мире: от знания к деятельности / под ред. Г. В. Иванченко, Д. А. Леонтьева. — М.: Смысл, 2006. — С. 125–149.

99. Новая жизнь народов Севера / ред. В. И. Васильев, И. С. Гурвич, Ю. Б. Симченко. — М.: Наука, 1967. — 121 с.
100. Новикова, Н. И. Перспективы этнологической экспертизы в Российской Федерации / Н. И. Новикова // Арктический вектор: этнологическая экспертиза — вчера, сегодня, завтра: Материалы III региональной научно-практической конференции «Арктический вектор» (Якутск, 27–28 сентября 2020 г.) / редкол.: И. В. Самсонова [и др.]. — Якутск: Агентство СІР НБР Саха, 2020. — С. 35–41.
101. Новикова, Н. И. Полевые исследования и этнологическая экспертиза: особенности работы со стейкхолдерами в России и Норвегии / Н. И. Новикова // Культура и взаимодействие народов в музейных, научных и образовательных процессах — важнейшие факторы стабильного развития стран Евразии: Международная научная конференция. Сборник научных трудов: в 2 ч. Омск, 21–24 сентября 2021 года / редкол.: П. П. Вибе [и др.]. — Омск: Издательский дом «Наука», 2021. — С. 48–53.
102. Новикова, Н. И. Право нефти и права аборигенов / Н. И. Новикова // Этнографическое обозрение. — 2008. — № 3. — С. 28–36.
103. Новикова, Н. И. Этнологическая экспертиза: на перекрестке истории, этнологии и юридической антропологии / Н. И. Новикова // Интеграция археологических и этнографических исследований: сб. науч. тр.: в 2 кн. / отв. ред. М. Л. Бережнова [и др.]. — Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2010. — Ч. 1. — С. 76–80.
104. Новикова, Н. И. Этнологический мониторинг в контексте оценки воздействия промышленной деятельности на коренные малочисленные народы: традиционные знания и возможности правового регулирования в Республике Саха (Якутия) / Н. И. Новикова // Арктика: экология и экономика. — 2020. — № 3 (39). — С. 141–151.
105. Новикова, Н. И., Степанов, В. В. Индикаторы качества жизни коренных малочисленных народов Севера Сахалинской области / Н. И. Новикова,

- В. В. Степанов // Исследования по прикладной и неотложной этнологии. — М.: Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН, 2010. — № 217. — 46 с.
106. Новикова, Н. И. Недостающее звено (об опыте проведения этнологических экспертиз на Севере России) / Н. И. Новикова // Этнополитическая ситуация в России и сопредельных государствах в 2013 году: Ежегодный доклад Сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов / ред. В. А. Тишков, В. В. Степанов. — М.: ИЭА РАН, 2014. — С. 344–352.
107. Новикова, Н. И. Нефть, газ, коренные народы: кто напишет правила? / Н. И. Новикова // Вестник угроведения. — 2016. — № 3 (26). — С. 124–137.
108. Новикова, Н. И. Охотники и нефтяники: исследование по юридической антропологии / Н. И. Новикова. — М.: Наука, 2014. — 407 с.
109. Новикова, Н. И. Прикладная антропология как научное направление / Н. И. Новикова // Антропология социальных перемен. Исследования по социально-культурной антропологии: сб. ст. — М.: РОССПЭН, 2011. — С. 200–219.
110. Новикова, Н. И. Этнологическая экспертиза в Российской Федерации: правовые основания и перспективы для коренных народов / Н. И. Новикова // АРКТИКА. XXI век. Гуманитарные науки. — 2017. — № 3 (13). — С. 4–20.
111. Новикова, Н. И. Этнологическая экспертиза: уроки России / Н. И. Новикова // Этнографическое обозрение. — 2018. — № 6. — С. 87–92.
112. Новикова, Н. И. Этнологическая экспертиза в академическом дискурсе и ожиданиях коренных народов / Н. И. Новикова // Арктика: экология и экономика. — 2017. — № 4 (28). — С. 125–135.
113. Новожилов, А. Г. Проблемы формирования и реализации магистерской программы «Этнологическая экспертиза» в Санкт-Петербургском

- государственном университете / А. Г. Новожилов // Сибирские исторические исследования. — 2018. — № 1. — С. 90–102.
114. Новожилов, А. Г. Этнологическая экспертиза: научное исследование или правовое заключение / А. Г. Новожилов // Этнографическое обозрение. — 2019. — № 4. — С. 131–134.
115. Ожегов, С. И., Шведова, Н. Ю. Толковый словарь русского языка: 72 500 слов и 7 500 фразеол. выражений / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. — М.: Азъ, 1992. — 960 с.
116. Панченко, А. Б. Становление прикладной этнологии в Российской империи: опыт междисциплинарного исследования / А. Б. Панченко // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. — 2016. — № 7 (69): в 2-х ч. — Ч. 2. — С. 138–142.
117. Пахомов, А. А., Мостахова, Т. С. Взаимодействие коренных малочисленных народов Севера и компаний-недропользователей: проблемы этнологической экспертизы в Республике Саха (Якутия) / А. А. Пахомов, Т. С. Мостахова // Вестник Северо-Восточного федерального университета им. М. К. Аммосова. Серия: Экономика. Социология. Культурология. — 2017. — № 4 (08). — С. 6–14.
118. Пахомов, А. А., Мостахова, Т. С. Этнологическая экспертиза: методологические подходы и опыт проведения в Республике Саха (Якутия) / А. А. Пахомов, Т. С. Мостахова // Вестник Северо-Восточного федерального университета им. М. К. Аммосова. Серия: Экономика. Социология. Культурология. — 2018. — № 3 (11). — С. 24–30.
119. Перевалова, Е. В. Обские угры и ненцы западной Сибири: этничность и власть: дис. ... докт. ист. наук: 07.00.07 / Елена Валерьевна Перевалова. — Екатеринбург, 2017. — Т. 1. — 515 с.
120. Поддубиков, В. В., Нечипоренко, О. В. Традиционные практики жизнеобеспечения шорцев: этнологическая экспертиза / В. В. Поддубиков,

- О. В. Нечипоренко // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Философия. — 2014. — Т. 12, вып. 2. — С. 118–124.
121. Поддубиков, В. В., Садовой, А. Н., Белозерова, М. В. Экспертиза и мониторинг традиционных форм природопользования коренных малочисленных этносов: методы прикладной этнологии / В. В. Поддубиков, А. Н. Садовой, М. В. Белозерова. — Кемерово: ООО «Практика», 2014. — 358 с.
122. Поддубиков, В. В. Этнологическая экспертиза: десятилетия российского опыта и контекст мировой исследовательской повестки / В. В. Поддубиков // Этнографическое обозрение. — 2018. — № 6. — С. 96–100.
123. Поддубиков, В. В., Арцемович, С. А., Функ, Д. А. «Ресурсное проклятие» с антрацитовым отблеском: коренные народы и добывающие компании Кузбасса в ситуации конфликта / В. В. Поддубиков, С. А. Арцемович, Д. А. Функ // Сибирские исторические исследования. — 2018. — № 2. — С. 142–163.
124. Попков, Ю. В., Персидская, О. А. Региональная национальная политика в объективе этносоциологов / Ю. В. Попков, О. А. Персидская // Новые исследования Тувы. — 2014. — № 3. — С. 229–231.
125. Попков, Ю. В. Народы Севера и нефть / Ю. В. Попков // ЭКОномика и организация промышленного производства. — 1998. — № 7. — С. 137–142.
126. Попков, Ю. В. Народы Севера и нефть: конфликты и компромиссы / Ю. В. Попков // Коренные народы. Нефть. Закон: Материалы междунар. конф. — Москва: [б. и.], 2001. — С. 129–132.
127. Потравный, И. М. Этнологическая экспертиза проекта строительства атомной станции малой мощности в поселке Усть-Куйга Усть-Янского района Якутии / И. М. Потравный // Современные проблемы управления проектами в инвестиционно-строительной сфере и природопользовании: материалы XI Международной научно-практической конференции,

- посвященной 25-летнему юбилею кафедры и 114-летию РЭУ им. Г. В. Плеханова, Москва, 16 июня 2021 года / под ред. В. И. Ресина. — М.: Российский экономический университет им. Г. В. Плеханова, 2021. — С. 270–276.
128. Потравный, И. М., Баглаева, В. О. Об интеграции задач экологического аудита и этнологической экспертизы при обосновании проектов хозяйственного освоения территории / И. М. Потравный, В. О. Баглаева // Горизонты экономики. — 2015. — № 5 (24). — С. 44–47.
129. Потравный, И. М., Гассий, В. В. Оценка коневодства как вида традиционного природопользования при проведении этнологической экспертизы проектов в Арктике / И. М. Потравный, В. В. Гассий // Островские чтения. — 2018. — № 1. — С. 188–194.
130. Потравный, И. М., Кривошапкина, О. А. Оценка воздействия добывающих предприятий на окружающую среду в составе этнологической экспертизы проекта / И. М. Потравный, О. А. Кривошапкина // Арктика: история и современность: Труды Второй международной научной конференции, Санкт-Петербург, 19–20 апреля 2017 года / отв. ред. Н. И. Диденко. — СПб.: ООО «Медиапапир», 2017. — С. 271–278.
131. Предложения А. Н. Садового и М. В. Белозеровой / А. Н. Садовой, М. В. Белозерова // Вопросы истории и культуры северных стран и территорий. — 2018. — № 1 (41). — С. 7–46.
132. Прикладная этнология и актуальные проблемы государственной этнонациональной политики в регионах Западной Сибири: механизмы взаимодействия власти, науки, общественности: сб. ст. по итогам межрегионал. науч.-практ. семинара (Кемерово, 21–22 нояб. 2012 г.) / редкол.: В. В. Поддубиков [и др.]; сост. В. В. Поддубиков. — Кемерово: Практика, 2013. — 260 с.
133. Проблемы сохранения, использования и охраны культурного наследия при реализации проектов и программ развития Сибири и Дальнего Востока: сб. материалов Всероссийской конференции, Томск, 6–8 сентября 2007 г. /

- Федеральное агентство по образованию, Томский гос. ун-т; редкол.: Г. В. Майер [и др.]. — Томск: Томский гос. ун-т, 2007. — 267 с.
134. Проект «Экологическое и социальное воздействие промышленного освоения на Севере России» (ENSINOR Environmental and Social Impacts of Industrial Development in Northern Russia) [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://www.arcticcentre.org/EN/research/Projects/Pages/ENSINOR/RU/O-НАС---ENSINOR> (дата обращения 13.05.2021).
135. «Ресурсное проклятие» и социальная экспертиза в постсоветской Сибири: антропологические перспективы / Д. А. Функ, В. В. Поддубиков, Е. В. Миськова, С. А. Арцемович, А. С. Басов, А. С. Бородулина, Е. Н. Данилова, С. О. Ковальский, О. П. Коломиец, Н. И. Новикова, Ю. В. Рожкова; отв. ред. Д. А. Функ. — М.: ООО «Типография «Демос», 2019. — 312 с.
136. Рожкова, Ю. В. Об исследованиях программ развития: —этнологическая экспертиза vs оценка стратегического воздействия / Ю. В. Рожкова // Этнографическое обозрение. — 2019. — № 4. — С. 141–143.
137. Романова, Е. Н., Алексеева, Е. К. Добывающие компании на земле оленеводов (этноэкспертиза на северо-западе Якутии) / Е. Н. Романова, Е. К. Алексеева // Казанская наука. — 2015. — № 11. — С. 361–364.
138. Роон, Т. П. Размышления о Сахалине и его жителях в свете транснациональных проектов добычи углеводородов на шельфе Охотского моря (к вопросу об этнологической экспертизе) / Т. П. Роон // Этнографическое обозрение. — 2008. — № 3. — С. 36–47.
139. Рудь, А. А. Материалы по фольклору тромъеганских хантов: связь мифологии с сакральными ландшафтами / А. А. Рудь // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого: сб. статей / отв. ред. Я. А. Яковлев. — Томск; Ханты-Мансийск: изд-во Том. ун-та, 2014. — Вып. 12. — С. 111–123.

140. Садовой, А. Н. К закону об этнологической экспертизе в Российской Федерации / А. Н. Садовой // Вопросы истории и культуры северных стран и территорий. — 2018. — № 2 (42). — С. 6–23.
141. Садовой, А. Н. Нормы обычного права в предметном поле этнологических экспертиз / А. Н. Садовой // Научный диалог. — 2017. — № 11. — С. 410–424.
142. Садовой, А. Н. Пруель, Н. А. Этносоциальный мониторинг: принципы, методы, практика / А. Н. Садовой, Н. А. Пруель. — Кемерово: Кузбассвузиздат, 1996. — 196 с.
143. Садовой, А. Н. Этнологическая экспертиза в системе регионального этнологического мониторинга / А. Н. Садовой // Прикладная этнология и актуальные проблемы государственной этнонациональной политики в регионах Западной Сибири: механизмы взаимодействия власти, науки, общественности: сб. ст. по итогам межрегионал. науч.-практ. семинара (Кемерово, 21–22 нояб. 2012 г.) / редкол.: В. В. Поддубиков [и др.]; сост. В. В. Поддубиков. — Кемерово: Практика, 2013. — С. 67–83.
144. Садовой, А. Н. Этнологическая экспертиза: опыт и проблемы подготовки экспертов / А. Н. Садовой // Кубанские исторические чтения: Материалы X Международной научно-практической конференции (Краснодар, 21 июня 2019 г.) / отв. ред.: Н. П. Курусканова, Б. В. Улезко. — Краснодар: Издательство Краснодарского центра научно-технической информации (ЦНТИ), 2019. — С. 207–212.
145. Садовой, А. Н., Поддубиков, В. В. Этнологическая экспертиза в практике регионального управления: опыт Кемеровской области / А. Н. Садовой, В. В. Поддубиков // Вестник КемГУ. — 2011. — № 1 (45). — С. 22–26.
146. Садовой, А. Н. Материалы этнологических экспертиз как исторический источник / А. Н. Садовой // Экономическая история Сибири XX века. — Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2006. — Ч. 2. — С. 3–15.
147. Садовой, А. Н. Организация этносоциального мониторинга (академическая наука и представительная власть) / А. Н. Садовой // Новейшие



- археологические и этнографические открытия в Сибири. Материалы IV годовой итоговой сессии Института археологии и этнографии СО РАН. — Новосибирск: Издательство Института археологии и этнографии СО РАН, 1996. — С. 219–223.
148. Садовой, А. Н., Белозерова, М. В. Этническое предпринимательство в предметной области этнологических экспертиз / А. Н. Садовой, М. В. Белозерова // Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета. — 2017. — № 134. — С. 743–752.
149. Садовой, А. Н. Некоторые аспекты организации мониторинга реализации федеральной концепции национальной политики в субъектах Российской Федерации / А. Н. Садовой // Диалог культур: глобализация, традиции и толерантность: сб. ст. по материалам Всероссийской науч.-практ. on-line конф. «Диалог культур: глобализация, традиции и толерантность» (Кемерово, 16 ноября 2009 г.) / Кемеров. гос. ун-т культуры и искусств; редкол.: Е. Л. Кудрина, В. И. Марков, О. Ю. Астахов (отв. ред.). — Кемерово: КемГУКИ; ООО «Юнита», 2009. — С. 27–39.
150. Садовой, А. Н., Белозерова, М. В. Стратегия этнологических экспертиз на особо охраняемых территориях: к проблеме сохранения историко-культурного наследия / А. Н. Садовой, М. В. Белозерова // Экологическое равновесие: природное и историко-культурное наследие, его сохранение и популяризация: материалы VI междунар. науч.-практ. конф., 12 нояб. 2015 г. / под общ. ред. проф. В. Н. Скворцова; отв. ред. Т. С. Комиссарова. — СПб.: ЛГУ им. А. С. Пушкина, 2015. — С. 56–62.
151. Санникова, Я. М., Боякова, С. И., Филиппова, В. В. Этнологическая экспертиза в Республике Саха (Якутия): методические рекомендации по проведению полевых исследований / Я. М. Санникова, С. И. Боякова, В. В. Филиппова // Арктика и Север в современных гуманитарных исследованиях: сб. научных статей [Электронный ресурс] / [науч. ред. Бурнашева Н. И., сост. Астахова И. С.]. — Якутск: Изд-во ИГиИПМНС СО

- РАН, 2018. — С. 52–62. — Режим доступа: <http://igi.ysn.ru/files/publicasii/arktika.pdf> (дата обращения 10.06.2021).
152. Свидерска, К., Уилсон, Э. Горнодобывающая промышленность и коренные народы в России: регулирование, участие и роль антропологов / К. Свидерска, Э. Уилсон // Этнографическое обозрение. — 2008. — № 3. — С. 17–28.
153. Северная Сосьва (исторические и современные проблемы развития коренного населения) / под ред. А. В. Головнёва. — Шадринск: ПО «Исеть», 1992. — 76 с.
154. Семенова, Л. А. Создание ГИС — проекта при этнологической экспертизе / Л. А. Семенова // Арктика XXI век. Гуманитарные науки. — 2017. — № 3 (13). — С. 34–39.
155. Сирина, А. А., Фондад, Г. Призрак нефтепровода на Севере Байкала / А. А. Сирина, Г. Фондад // Этнографическое обозрение. — 2008. — № 3. — С. 60–70.
156. Славин, С. В. Промышленное и транспортное освоение Севера СССР / С. В. Славин. — М.: Экономиздат, 1961. — 302 с.
157. Слепцов, А. Н. Государственная этнологическая экспертиза республики Саха (Якутия) / А. Н. Слепцов // Арктика. XXI век. Гуманитарные науки. — 2015. — № 1 (4). — С. 15–24.
158. Слепцов, А. Н. Этнологическая экспертиза в местах традиционного проживания и традиционной хозяйственной деятельности народов севера: региональный опыт правового регулирования и правоприменительной практики / А. Н. Слепцов // Евразийский юридический журнал. — 2013. — № 12 (67). — С. 71–75.
159. Слепцов, А. Н., Петрова, А. А. Защита прав коренных малочисленных народов: международные и национальные аспекты / А. Н. Слепцов, А. А. Петрова. — Якутск: Северо-Восточный федеральный университет им. М. К. Аммосова, 2019. — 120 с.

160. Слепцов, А. Н. Правовые основы этнологической экспертизы / А. Н. Слепцов // Этнографическое обозрение. — 2018. — № 6. — С. 92–95.
161. Смелякова, А. В. Этнокультурное наследие как ценность: Аксиологический подход / А. В. Смелякова // Мир науки, культуры, образования. — 2009. — № 2 (14). — С. 102–105.
162. Смирнов, С. А. Экспертное сообщество: от мифа к институции [Электронный ресурс] — Режим доступа: <http://antropolog.ru/doc/persons/smironov/smironov18> (дата обращения 17.04.2022).
163. Смирнова, Т. Б. Перспективы применения этнологической экспертизы в Омской области / Т. Б. Смирнова // Государственная национальная политика России: экспертное мнение / ред. Степанов В. В., Черных А. В. — М.: ИЭА РАН, 2018. — С. 253–255.
164. Соколова, З. П., Новикова, Н. И., Ссорин-Чайков, Н. В. Этнографы пишут закон: контекст и проблемы / З. П. Соколова, Н. И. Новикова, Н. В. Ссорин-Чайков // Этнографическое обозрение. — 1995. — № 1. — С. 74–86.
165. Соколовский, С. В. Кряшены во Всероссийской переписи населения 2002 года / С. В. Соколовский. — Изд. 2-е. — М.: Оргсервис-2000, 2004. — 247 с.
166. Соколовский, С. В. Понятие «коренной народ» в российской науке, политике и законодательстве / С. В. Соколовский // Этнографическое обозрение. — 1998. — № 3. — С. 74–89.
167. Соловей, Т. Д. «Кряшенская проблема» в зеркале этнологической экспертизы / Т. Д. Соловей // Культурное наследие России. — 2018. — № 3. — С. 8–14.
168. Соловей, Т. Д. История российской этнологии в очерках. XVIII — начало XXI в. / Т. Д. Соловей. — М.: Этносфера, 2022. — 608 с.
169. Соловей, Т. Д. Власть и наука в России. Очерки университетской этнографии в дисциплинарном контексте (XIX — начало XXI вв.) / Т. Д. Соловей. — М.: «Прометей», 2004. — 498 с.

170. Степанов, В. В. Этнологическая экспертиза / В. В. Степанов // Обычай и закон. Исследования по юридической антропологии / ред. Н. И. Новикова, В. А. Тишков. — М.: Издательский дом «Стратегия», 2002. — С. 241–260.
171. Степанов, В. В. О подходах нормативного закрепления этнологической экспертизы в Российской Федерации / В. В. Степанов // Государственная национальная политика России: экспертное мнение / ред. Степанов В. В., Черных А. В. — М.: ИЭА РАН, 2018. — С. 240–248.
172. Степанов, В. В. Введение. Этнокультурная среда требует защиты / В. В. Степанов // Методы этноэкологической экспертизы / отв. ред. В. В. Степанов. — М.: ИЭА РАН, 1999. — С. 7–13.
173. Степанов, В. В. Заключение. Еще раз о главном / В. В. Степанов // Методы этноэкологической экспертизы / отв. ред. В. В. Степанов. — М.: ИЭА РАН, 1999. — С. 295–296.
174. Степанов, В. В. Научная экспертиза и законодательство о национальнокультурном развитии в России / В. В. Степанов // Этнология обществу / отв. ред. С. В. Чешко. — М.: Оргсервис-2000, 2006. — С. 79–109.
175. Степанов, В. В. Принципы, объекты и терминология этнологической экспертизы / В. В. Степанов // Расы и народы: современные этнические и расовые проблемы. Ежегодник (ИЭА РАН) / ред. Н. А. Дубова, Л. Т. Соловьева. — М.: Наука, 2009. — Вып. 34. — С. 143–160.
176. Степанов, В. В. Теория этноэкологической экспертизы / В. В. Степанов // Методы этноэкологической экспертизы / отв. ред. В. В. Степанов. — М.: ИЭА РАН, 1999. — С. 61–127.
177. Сушкова, Ю. Н. Мултанское дело в контексте обычного права / Ю. Н. Сушкова // Пробелы в российском законодательстве. — 2018. — № 4. — С. 70–74.
178. Тельхигова, М. Ш. Этнологическая экспертиза как важная часть экологической экспертизы промышленных проектов в сфере

- недропользования на северных территориях Российской Федерации / М. Ш. Тельхигова // Бизнес в законе. — 2015. — № 1. — С. 145–148.
179. Терешкин, Н. И. Словарь восточно-хантыйских диалектов / Н. И. Терешкин. — Л.: Наука, 1981. — 541 с.
180. Тишков, В. А. Главные итоги мониторинга и не только / В. А. Тишков // Этнополитическая ситуация в России и сопредельных государствах в 2014 году. Ежегодный доклад Сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов: в 2-х томах. — Изд. 2-е, исправ. и доп. — М.: ИЭА РАН, 2016. — Т. 1. — С. 8–13.
181. Тишков, В. А. Очерки теории и политики этничности в России / В. А. Тишков. — М.: Издательство «Русский мир», 1997. — 528 с.
182. Тишков, В. А. Предисловие / В. А. Тишков // Феномен этнического конфликта: междисциплинарный подход и общественные практики. Опыт предупреждения и урегулирования конфликтов / ред. Тишков В. А., Степанов В. В. — М.: ИЭА РАН, 2018. — 452 с.
183. Тишков, В. А. Этнологический мониторинг и раннее предупреждение конфликтов. Научно-информационное издание / В. А. Тишков. — М.: Издательский дом «Стратегия», 2005. — 25 с.
184. Тишков, В. А. Этнология и политика: Научная публицистика / В. А. Тишков. — М.: Наука, 2001. — 240 с.
185. Тишков, В. А., Степанов, В. В. Измерение конфликта. Методика и результаты этноконфессионального мониторинга Сети EAWARN в 2003 году. / В. А. Тишков, В. В. Степанов. — М.: [б. и.], 2004. — 322 с.
186. Томаска, А. Е., Игнатьева, В. Б. Особенности миграционной ситуации эвенков Олекминского района Якутии (на примере этнологической экспертизы в Олекминском районе РС(Я)) / А. Е. Томаска, В. Б. Игнатьева // Арктика и Север в современных гуманитарных исследованиях: сб. научных статей [Электронный ресурс] / [науч. ред. Бурнашева Н. И., сост. Астахова И. С.]. — Якутск: Изд-во ИГИИПМНС СО

- РАН, 2018. — С. 75–85. — Режим доступа: <http://igi.ysn.ru/files/publicasii/arktika.pdf> (дата обращения 10.06.2021).
187. Тулаева, С. А., Тысячнюк, М. С. Между нефтью и оленями. О распределении благ между нефтяниками и коренными народами в российской Арктике и Субарктике / С. А. Тулаева, М. С. Тысячнюк // Экономическая социология. — 2017. — Т. 18, № 3. — С. 70–96.
188. Тулаева, С. А. Нефтяные компании, оленеводческие сообщества и местные органы власти: права на землю с перспективы разных стейкхолдеров / С. А. Тулаева // Журнал социологии и социальной антропологии. — 2014. — № 5. — С. 141–157.
189. Уварова, Т. Б. 2007.03.033. Прикладные исследования в этнологии. (реферативный обзор) / Т. Б. Уварова // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 5: История. — 2007. — № 3. — С. 164–182.
190. Уварова, Т. Б. Этнологическая экспертиза в исследованиях коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока / Т. Б. Уварова // Новый исторический вестник. — 2011. — № 29. — С. 129–134.
191. Филиппова, В. В. Историко-культурное наследие коренных малочисленных народов Севера Якутии: картографическое сопровождение этнологической экспертизы / В. В. Филиппова // ИнтерКарто. ИнтерГИС. — 2018. — Т. 24, № 1. — С. 568–574.
192. Филиппова, Е. И., Филиппов, В. Р. Комментарий: Катунский проект: как это было / Е. И. Филиппова, В. Р. Филиппов // Этнографическое обозрение. — 2018. — № 6. — С. 80–82.
193. Форум: Исследователь и объект исследования / С. Абашин, Л. Абрамян, Д. Баранов, Т. Володина, В. Выдрин [и др.] // Антропологический форум. — 2005. — № 2. — С. 8–134.

194. Форум: Отношения антрополога и изучаемого сообщества / М. Баркер, О. Ю. Бойцова, Н. Б. Вахтин, А. Г. Возьянов, Д. Г. Дубовка [и др.] // Антропологический форум. — 2016. — № 30. — С. 8–80.
195. Форум: Этические проблемы полевых исследований / С. Абашин, Д. Арзютов, М. Ахметова, О. Бойцова, Е. Боряк [и др.] // Антропологический форум. — 2006. — № 5. — С. 6–166.
196. Функ, Д. А. «Этнологическая экспертиза» по-русски / Д. А. Функ // XII Конгресс антропологов и этнологов России: сб. материалов. Ижевск, 3–6 июля 2017 г. / отв. ред.: А. Е. Загребин, М. Ю. Мартынова. — М.; Ижевск: ИЭА РАН; УИИЯЛ УрО РАН, 2017. — С. 418–419.
197. Функ, Д. А. «Этнологическая экспертиза»: завершаем разговор? / Д. А. Функ // Этнографическое обозрение. — 2019. — № 4. — С. 147–149.
198. Функ, Д. А. Ответ оппонентам: продолжаем разговор / Д. А. Функ // Этнографическое обозрение. — 2018. — № 6. — С. 100–104.
199. Функ, Д. А. «Ресурсное проклятие» (поиск новых подходов к «этнологической экспертизе» и оценке социального воздействия управленческих решений) / Д. А. Функ // Мир культуры народов Севера: арктический вектор / под общ. ред. О. Н. Астафьевой. — М.: ООО «ИПП «КУНА»», 2016. — С. 263–270.
200. Функ, Д. А. «Этнологическая экспертиза»: российский опыт оценки социального воздействия промышленных проектов / Д. А. Функ // Этнографическое обозрение. — 2018. — № 6. — С. 66–79.
201. Хакназаров, С. Х. Коренные малочисленные народы в условиях интенсивной эксплуатации энергетических ресурсов ХМАО: Состояние и перспективы / С. Х. Хакназаров. — Томск: Изд-во Том. ун-та, 2003. — 172 с.
202. Хакназаров, С. Х. К вопросу о взаимодействии коренных народов Севера и промышленных компаний на примере Югры / С. Х. Хакназаров // Арктика и Север. — 2018. — № 30. — С. 120–133.

203. Черных, А. И. Экспертное знание и публичная экспертиза / А. И. Черных. — М.: Изд. дом Гос. ун-та — Высшей школы экономики, 2010. — 32 с.
204. Черных, А. В. Потребности в этнологической экспертизе в практике государственного управления в Пермском крае / А. В. Черных // Государственная национальная политика России: экспертное мнение / ред. В. В. Степанов, А. В. Черных. — М.: ИЭА РАН, 2018. — С. 249–252.
205. Чешко, С. В. Советские этнографы о «национальной политике» в СССР: комментарий к документам / С. В. Чешко // Этнографическое обозрение. — 2006. — № 2. — С. 144–145.
206. Шадрин, В. И. Актуальные вопросы проведения этнологической экспертизы в Республике Саха (Якутия) / В. И. Шадрин // Вопросы истории и культуры северных стран и территорий. — 2018. — № 4 (44). — С. 25–38.
207. Шадрин, В. И. Этнологическая экспертиза как инструмент защиты коренных малочисленных народов Севера: опыт, проблемы и перспективы (на примере Республики Саха (Якутия)) / В. И. Шадрин // Арктическая зона Российской Федерации: Северо-Восточный вектор развития: сб. материалов Международной научно-практической конференции, посвященной 380-летию вхождения Якутии в состав Российского государства, Санкт-Петербург, 28–30 ноября 2012 года / ред. О. А. Лазебник. — СПб.: Общество с ограниченной ответственностью «КнигоГрад», 2013. — С. 406–413.
208. Шадрин, В. И. Этнологическая экспертиза в Якутии / В. И. Шадрин // Этнополитическая ситуация в России и сопредельных государствах в 2013 году: Ежегодный доклад Сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов / ред. В. А. Тишков, В. В. Степанов. — М.: ИЭА РАН, 2014. — С. 331–337.
209. Шапхаев, С. Г. Влияние деятельности ресурсодобывающих и транспортных компаний на традиционное природопользование: взгляд



- эколога / С. Г. Шапхаев // Этнографическое обозрение. — 2008. — № 3. — С. 55–60.
210. Этнологическая экспертиза в России. Сборник нормативных правовых актов и аналитический материал / сост. А. И. Горбуновой. — [Б. м.]: МОО «КМНСОЮЗ». — 2021. — № 6. — 91 с.
211. Этнополитическая ситуация в России и сопредельных государствах в 2013 году: Ежегодный доклад Сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов / ред. В. А. Тишков, В. В. Степанов. — М.: ИЭА РАН, 2014. — 643 с.
212. Юшковский, В. Д. М. М. Сперанский и Г. С. Батеньков: поиски основ сибирских преобразований / В. Д. Юшковский // Известия Иркутского государственного университета. Серия: «История»: Научное издание. — 2012. — № 2 (3), ч. 1. — С. 72–79.
213. Якель, Ю. Я. Общая характеристика действующего законодательства. Проблемы практики применения / Ю. Я. Якель // Север и северяне. Современное положение коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока России / отв. ред. Н. И. Новикова, Д. А. Функ. — М.: ИЭА РАН, 2012. — С. 8–21.
214. Якель, Ю. Я. Юридические аспекты проведения этнологической экспертизы в местах традиционного проживания и ведения хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока РФ / Ю. Я. Якель // Этнополитическая ситуация в России и сопредельных государствах в 2013 году: Ежегодный доклад Сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов / ред. В. А. Тишков, В. В. Степанов. — М.: ИЭА РАН, 2014. — С. 352–357.
215. Ямсков, А. Н. Население лесной зоны Сибири и Дальнего Востока в первой половине 1990-ых гг.: права различных этносоциальных групп на биоресурсы и зависимость от них / А. Н. Ямсков // Этнические проблемы регионов России. Северный Кавказ. Калининградская область. Крайний

- Север / ред.: Дубова Н. А., Лопуленко Н. А. — М.: Старый сад, 2002. — С. 277–337.
216. Ямсков, А. Н. Политика Всемирного Банка по отношению к коренным народам / А. Н. Ямсков // Обычай и закон. Исследования по юридической антропологии / ред.: Н. И. Новикова, В. А. Тишков. — М.: Издательский дом «Стратегия», 2002. — С. 261–283.
217. Ямсков, А. Н. Рец. на: О. О. Звиденная, Н. И. Новикова. Удэгейцы: охотники и собиратели реки Бикин (Этнологическая экспертиза 2010 года). М.: ИД «Стратегия»; ИП Андрей Яковлев, 2010. 154 с. / А. Н. Ямсков // Этнографическое обозрение. — 2011. — № 4. — С. 170–173.
218. Ямсков, А. Н. Этноэкологические экспертизы в международных организациях / А. Н. Ямсков // Этнология обществу / под ред. С. В. Чешко. — М.: изд. «Оргсервис-2000», 2006. — С. 10–62.
219. Ямсков, А. Н. Ситуация с прикладными этноэкологическими исследованиями в зарубежной этнологии / А. Н. Ямсков // Методы этноэкологической экспертизы / отв. ред. В. В. Степанов. — М.: ИЭА РАН, 1999. — С. 41–60.
220. Agnihotri, A. Building Dams, Ignoring Consequences: The Lower Suktel Irrigation Project in Orissa / A. Agnihotri // Assessing the Social Impact of Development Projects: Experiences in India and other Asian Countries. — Cham: Springer International Publ. Switzerland, 2016. — P. 75–85.
221. Antonie, R. Introducing a model for social impact assessment of public administration reform in Romania / R. Antonie // Transylvanian review of administrative sciences. — 2012. — Vol. 8. — P. 5–12.
222. Appleby, G. Integrating SIA into Resettlement Planning: An Example from Mineral Mining Projects / G. Appleby // Assessing the Social Impact of Development Projects: Experiences in India and other Asian Countries. — Cham: Springer International Publ. Switzerland, 2016. — P. 45–60.
223. Arce-Gomez, A., Donovan, J. D., Bedggood, R. E. Social impact assessments: Developing a consolidated conceptual framework / A. Arce-Gomez,

- J. D. Donovan, R. E. Bedggood // Environmental Impact Assessment Review. — 2015. — Vol. 50. — P. 85–94.
224. Baines, J. T., Taylor, C. N., Vanclay, F. Social impact assessment and ethical research principles: ethical professional practice in impact assessment. Part II / J. T. Baines, C. N. Taylor, F. Vanclay // Impact Assessment and Project Appraisal. — 2013. — Vol. 31, № 4. — P. 254–260.
225. Burdge, R. J. Benefiting from the practice of social impact assessment / R. J. Burdge // Impact Assessment and Project Appraisal. — 2003. — Vol. 21, № 3. — P. 225–229.
226. Burgess, R. G. (ed.) Studies in Qualitative Methodology / R. G. Burgess. — Greenwich, CT: JAI Press INC, 1992. — Vol. 3: Learning about Fieldwork.
227. Burnett, C. Social impact assessment and sport development: social spin-offs of the Australia–South Africa junior sport programme / C. Burnett // International Review for the Sociology of Sport. — 2001. — Vol. 36, № 1. — P. 41–57.
228. Cernea, M. Social Impact Assessments and Safeguard Policies at a Fork in the Road: The Way Forward Should Be Upward / M. Cernea // Assessing the Social Impact of Development Projects: Experiences in India and other Asian Countries. — Cham: Springer International Publ. Switzerland, 2016. — P. VII–XXIV.
229. Code of Ethics of the American Anthropological Association [Electronic resource]. — URL: <https://www.americananthro.org/ParticipateAndAdvocate/Content.aspx?ItemNumber=1656> (accessed 17.09.2019).
230. Dreyer, M., Renn, O., Cope, S., Frewer, L. Including social impact assessment in food safety governance / M. Dreyer, O. Renn, S. Cope, L. Frewer // Food Control. — 2010. — Vol. 21. — P. 1620–1628.
231. Égré, D., Senécal, P. Social impact assessments of large dams throughout the world: lessons learned over two decades / D. Égré, P. Senécal // Impact Assessment and Project Appraisal. — 2003. — Vol. 21, № 3. — P. 215–224.
232. Esteves, A. M., Barclay, M. A. Enhancing the benefits of local content: integrating social and economic impact assessment into procurement strategies /

- A. M. Esteves, M. A. Barclay // *Impact Assessment and Project Appraisal*. — 2011. — Vol. 29, № 3. — P. 205–215.
233. Esteves, A. M., Franks, D., Vanclay, F. Social impact assessment: the state of the art / A. M. Esteves, D. Franks, F. Vanclay // *Impact Assessment and Project Appraisal*. — 2012. — Vol. 30, № 1. — P. 34–42.
234. Esteves, A. M., Vanclay, F. Social Development Needs Analysis as a tool for SIA to guide corporate-community investment: Applications in the minerals industry / A. M. Esteves, F. Vanclay // *Environmental Impact Assessment Review*. — 2009. — Vol. 29, № 2. — P. 137–145.
235. Franks, D. Social impact assessment of resource projects. International Mining for Development Centre. 2012 [Electronic resource] / D. Franks. — URL: [http://im4dc.org/wp-content/uploads/2012/01/UWA\\_1698\\_Paper-02\\_Social-impact-assessment-of-resource-projects1.pdf](http://im4dc.org/wp-content/uploads/2012/01/UWA_1698_Paper-02_Social-impact-assessment-of-resource-projects1.pdf) (accessed 13.01.2022).
236. Franks, D., Vanclay, F. Social Impact Management Plans: Innovation in corporate and public policy / D. Franks, F. Vanclay // *Environmental Impact Assessment Review*. — 2013. — Vol. 43. — P. 40–48.
237. Freeman, R. E. *Strategic Management: A Stakeholder Approach*. First Edition / R. E. Freeman. — Boston: Harpercollins College Div, 1984. — 275 p.
238. Guidelines and principles for social impact assessment // *Impact Assess.* — 1994. — Vol. 12, № 2. — P. 107–152.
239. Gulakov, I., Vanclay, F. Social Impact Assessment in the Russian Federation: Does It Meet the Key Values of Democracy and Civil Society? / I. Gulakov, F. Vanclay // *Impact Assessment and Project Appraisal*. — 2018. — Vol. 36, № 6. — P. 494–505.
240. Hamel, J. *Études de cas et sciences sociales* / J. Hamel. — Montréal; Paris: Les Éditions L'Harmattan, 1997. — 124 p.
241. Hammersley, M., Atkinson, P. *Ethnography. Principles in Practice* / M. Hammersley, P. Atkinson. — London: Routledge, 2007. — 275 p.
242. Harvey, B., Bice, S. Social impact assessment, social development programmes and social licence to operate: tensions and contradictions in intent and practice

- in the extractive sector / B. Harvey, S. Bice // *Impact Assessment and Project Appraisal*. — 2014. — Vol. 32, № 4. — P. 327–355.
243. João, E., Vanclay, F., den Broeder, L. Emphasising enhancement in all forms of impact assessment: Introduction to a special issue / E. João, F. Vanclay, L. den Broeder // *Impact Assessment and Project Appraisal*. — 2011. — Vol. 29, № 3. — P. 170–180.
244. Kahangirwe, P., Vanclay, F. Evaluating the effectiveness of a national environmental and social impact assessment system: lessons from Uganda / P. Kahangirwe, F. Vanclay // *Impact Assessment and Project Appraisal*. — 2022. — Vol. 40, № 1. — P. 75–87.
245. Lockie, S., Franettovich, M., Petkova-Timmer, V., Rolfe, J., Ivanova, G. Coal mining and the resource community cycle: A longitudinal assessment of the social impacts of the Coppabella coal mine / S. Lockie, M. Franettovich, V. Petkova-Timmer, J. Rolfe, G. Ivanova // *Environmental Impact Assessment Review*. — 2009. — Vol. 29, № 5. — P. 330–339.
246. Mathur, H. *Social Impact Assessment: An Approach to Improving Development Outcomes* / H. Mathur // *Assessing the Social Impact of Development Projects: Experiences in India and other Asian Countries*. Cham: Springer International Publ. Switzerland, 2016. — P. 19–43.
247. Momtaz, S., Kabir, S. M. Z. *Evaluating Environmental and Social Impact Assessment in Developing Countries* / S. Momtaz, S. M. Z. Kabir. — Amsterdam: Elsevier Inc., 2018. — 229 p.
248. Moreira, S., Vanclay, F., Esteves, A. M. Fallacies about communities that lead to failed community relations / S. Moreira, F. Vanclay, A. M. Esteves // *Impact Assessment and Project Appraisal*. — 2022. — Vol. 40, № 2. — P. 156–167.
249. Neuman, L. W. *Social research methods: qualitative and quantitative approaches* / L. W. Neuman. — 2nd ed. — Boston etc.: Allyn & Bacon, 1991.
250. Orasanu, J. M. *Flight Crew Decision-Making* / J. M. Orasanu // *Crew Resource Management* / Eds. Barbara G. Kanki, Robert L. Helmreich and José Anca. — Second Edition. — USA: Academic Press, 2010. — P. 147–179.

251. O'Reilly, K. *Ethnographic methods* / K. O'Reilly. — London: Routledge, 2005. — 252 p.
252. Peltonen, L., Sairinen, R. *Integrating impact assessment and conflict management in urban planning* / L. Peltonen, R. Sairinen // *Environmental Impact Assessment Review*. — 2010. — Vol. 30, № 5. — P. 328–337.
253. Petkova, V., Lockie, S., Rolfe, J., Ivanova, G. *Mining Developments and Social Impacts on Communities: Bowen Basin Case Studies* / V. Petkova, S. Lockie, J. Rolfe, G. Ivanova // *Rural Society*. — 2009. — Vol. 19, № 3. — P. 211–228.
254. Prenzel, P., Vanclay, F. *Social impact assessment can contribute to conflict management* / P. Prenzel, F. Vanclay // *Environmental Impact Assessment Review*. — 2014. — Vol 45. — P. 30–37.
255. Raymond, L. Gold. *Roles in Sociological Field Observations* / L. Raymond // *Social Forces*. — 1958. — Vol. 36, № 3. — P. 217–223.
256. Rowan, M., Streater, T. *Converting project risks to development opportunities through SIA enhancement measures: a practitioner perspective* / M. Rowan, T. Streater // *Impact Assessment and Project Appraisal*. — 2011. — Vol. 29, № 3. — P. 217–230.
257. Suopajarvi, L. *Social Impact Assessment in Mining Projects in Northern Finland: Comparing Practice to Theory* / L. Suopajarvi // *Environmental Impact Assessment Review*. — 2013. — Vol. 42. — P. 25–30.
258. Tanggaard, L. *Objections in Research Interviewing* / L. Tanggaard // *International Journal of Qualitative Methods*. — 2008. — Vol. 7, № 3. — P. 15–29.
259. Tilt, B., Braun, Y., He, D. *Social impacts of large dam projects: A comparison of international case studies and implications for best practice* / B. Tilt, Y. Braun, D. He // *Journal of Environmental Management*. — 2009. — Vol. 90, № 3. — P. S249–S257.
260. Vanclay, F. *Conceptualising social impacts* / F. Vanclay // *Environmental Impact Assessment Review*. — 2002. — Vol. 22, № 3. — P. 183–211.

261. Vanclay, F. International Principles for Social Impact Assessment / F. Vanclay // Impact Assessment and Project Appraisal. — 2003. — Vol. 21, № 1. — P. 5–11.
262. Vanclay, F. Principles for social impact assessment: A critical comparison between the international and US documents / F. Vanclay // Environmental Impact Assessment Review. — 2006. — Vol. 26, № 1. — P. 3–14.
263. Vanclay, F. Reflections on Social Impact Assessment in the 21<sup>st</sup> century / F. Vanclay // Impact Assessment and Project Appraisal. — 2020. — Vol. 38, iss. 2. — P. 126–131.
264. Vanclay, F. The potential application of Social Impact Assessment in integrated coastal zone management / F. Vanclay // Ocean & Coastal Management. — 2012. — Vol. 68. — P. 149–156.
265. Vanclay, F. The Triple Bottom Line and Impact Assessment: How do TBL, EIA, SIA, SEA and EMS relate to each other? / F. Vanclay // Journal of Environmental Assessment Policy and Management. — 2004. — Vol. 6, № 3. — P. 265–288.
266. Vanclay, F., Baines, J. T., Taylor, C. N. Principles for ethical research involving humans: ethical professional practice in impact assessment. Part I / F. Vanclay, J. T. Baines, C. N. Taylor // Impact Assessment and Project Appraisal. — 2013. — Vol. 31, № 4. — P. 243–253.
267. Vanclay, F., Esteves, A. M. Current issues and trends in social impact assessment / F. Vanclay, A. M. Esteves // New directions in social impact assessment: Conceptual and methodological advances. — Cheltenham: Edward Elgar, 2011. — P. 3–19.
268. Vanclay, F., Esteves, A. M., Aucamp, I., Franks, D. Social Impact Assessment: Guidance for assessing and managing the social impacts of projects / F. Vanclay, A. M. Esteves, I. Aucamp, D. Franks. — Fargo, ND: International Association for Impact Assessment, 2015. — 98 p.

269. Vanclay, F., Hanna, P. Conceptualizing company response to community protest: Principles to achieve a social license to operate / F. Vanclay, P. Hanna // *Land*. — 2019. — Vol. 8, iss. 6. — P. 1–31.
270. Wolf, C. P. Social Impact Assessment: Methodological Overview / C. P. Wolf // *Environmental Impact Assessment. NATO ASI Series*. — 1983. — Vol. 14. — P. 253–279.
271. Wong, C., Ho, W. Roles of social impact assessment practitioners / C. Wong, W. Ho // *Environmental Impact Assessment Review*. — 2015. — № 50. — P. 124–133.



## СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

- Рис. 1      Схема распределения количества докладных записок по годам исследований (1956–1994) .....
- Рис. 2      Территория проведения полевых исследований по данным докладных записок (1956–1994).....
- Рис. 3      Частота упоминаний этнических групп в докладных записках (1956–1994).....
- Рис. 4      Возможные предметы правового регулирования этнологической экспертизы .....
- Рис. 5      Аграфена Никифоровна Каюкова за работой, р. Большой Юган. Фото Е. Н. Даниловой. 2018 г.....
- Рис. 6      Алена Изаковна Каюкова. Выпечка хлеба, р. Большой Юган. Фото Е. Н. Даниловой. 2018 г.....
- Рис. 7      Наталья Егоровна Каюкова. Выделка шкур, р. Большой Юган. Фото Е. Н. Даниловой. 2018 г.....
- Рис. 8      Светлана Васильевна Качалова и Нина Николаевна Каюкова. «Отправка гусей», р. Большой Юган. Фото Е. Н. Даниловой. 2018 г.....
- Рис. 9      Лазарь Никифорович Мултанов. Изготовление нарт, р. Большой Юган. Фото Е. Н. Даниловой. 2018 г.....
- Рис. 10     Вячеслав Гаврилович Каюков на обласе, р. Большой Юган. Фото Е. Н. Даниловой. 2018 г.....
- Рис. 11     Деревня Каюкова / Юрты Рыскины (*ниңкән қухән пухал* — ‘женщины и мужика селение’), р. Большой Юган. Фото Е. Н. Даниловой. 2018 г.....
- Рис. 12     Юрты Каюковы летние (*дуңк пухал* — ‘духов селение’), р. Большой Юган. Фото Е. Н. Даниловой. 2018 г.....
- Рис. 13     Юрты Каюковы летние (*дуңк пухал* — ‘духов селение’), р. Большой Юган. Разгрузка баржи. Фото Е. Н. Даниловой. 2018 г.....
- Рис. 14     Юрты Каюковы летние (*дуңк пухал* — ‘духов селение’), р. Большой Юган. Хозяйственный лабаз. Фото Е. Н. Даниловой. 2018 г.....
- Рис. 15     Юрты Каюковы зимние (*түләх пухал* — ‘зимнее поселение’), р. Большой Юган. Фото Е. Н. Даниловой. 2018 г.....

- Рис. 16 Юрты Каюковы зимние (*түдэх пухал* — ‘зимнее поселение’), р. Большой Юган. Фото Е. Н. Даниловой. 2018 г.....
- Рис. 17 Зимний лабаз Яун-Ики (*нев пахрәң тәл* — ‘остров еловой шишки’, р. Большой Юган. Фото Е. Н. Даниловой. 2018 г.....
- Рис. 18 Зимний лабаз Яун-Ики (*нев пахрәң тәл* — ‘остров еловой шишки’, р. Большой Юган. Приклады на деревьях. Фото Е. Н. Даниловой. 2018 г.....
- Рис. 19 Весенний лабаз Яун-Ики (*йәвән ики эвәт*) — ‘Яун-Ики святое место’, р. Большой Юган. Места сколов с деревьев для изготовления духов. Фото Е. Н. Даниловой. 2018 г.....
- Рис. 20 Летний лабаз Яун-Ики (*ним пухал дһнас* — ‘летнего поселения лабаз’), р. Большой Юган. Фото Е. Н. Даниловой. 2018 г.....
- Рис. 21 Лабаз на культовом месте Сох-юх-Ики (*сохйух ики* — ‘Березового посоха дед’). Фото Е. Н. Даниловой. 2018 г. ....
- Рис. 22 Юрты Каюковы летние (*Луңк пухал* — ‘духов селение’), р. Большой Юган. Молельный дом. Фото Е. Н. Даниловой. 2018 г.
- Рис. 23 Культовое место Ауэн-Ими. Старый священный амбарчик на двух ножках, р. Нёух. Фото Е. Н. Даниловой. 2015 г. ....
- Рис. 24 Культовое место Ауэн-Ими. Действующий священный амбарчик. Фото Е. Н. Даниловой. 2015 г.....
- Рис. 25 Культовое место Эвут-Ики. «Списанные» домашние духи. Фото Е. Н. Даниловой. 2015 г.....
- Рис. 26 Культовое место Пыгыт-Ики. Железные халаты. Фото Е. Н. Даниловой. 2015 г.....
- Рис. 27 Айпины Семен Александрович и Любовь Николаевна. Фото Е. Н. Даниловой. 2019 г.....